

НАШИ ТАМ

ИМПЕРИЯ ОСТЕР

ВАСИЛИЙ САХАРОВ
УРКВАРТ
РОЙХО

Annotation

Разум и душа нашего современника, обычного рядового солдата Вооруженных сил Российской Федерации Лёхи Киреева, оказываются в теле умирающего юноши-аристократа в реальности, где правят Меч и Магия. Землянин – не герой, не прогрессор, не Избранный и не имеет особых преимуществ перед людьми мира Кама-Нио, кроме одного – он быстрее соображает и прекрасно адаптируется в новой обстановке. Не пытаясь переделать или что-то кардинально изменить в окружившем его мироустройстве, он вживается в непривычное для себя общество, обретает врагов, друзей и покровителей, стремится постичь нечто новое, узнать секреты древних имперцев и стать человеком, который может самостоятельно определять свою судьбу. Дуэли. Драки. Живые мертвецы. Мутанты. Война. Всё это будет. Но для кого-то это приключения, а для обновлённого имперского графа Уркварта Ройхо, в прошлом типичного обывателя, неотъемлемая часть жизни, которую он хотел бы прожить по собственному разумению... Добро пожаловать в империю Оствер, огромное государство на трёх материках, которое находится в упадке и где не всё так просто, как может показаться вначале, а люди и нелюди, при всех их различиях и многообразии, так похожи на нас с вами!

- [Василий Сахаров](#)

- [Пролог](#)
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)

- [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
-

Василий Сахаров
Уркварт Ройхо

Пролог

Империя Оствер. Замок Ройхо. 15.12.1400

Сезон штормов в холодном Ваирском море в этом году начался как обычно. Серые морские волны накатывались на северное побережье материка Эранга, а сильный шквалистый ветер, атаковавший стоящий на высокой гранитной скале замок, бросал на каменные стены древнего укрепления графов Ройхо клочья грязно-бурой морской пены. При всём при этом температура воздуха постоянно понижалась, и стражники родового дворянского гнезда, несущие службу у ворот или на одной из шести башен, кутались в тяжёлые утеплённые плащи и прятали свои лица под масками из тюленьей кожи с тканевой прокладкой внутри.

Вроде бы всё было как всегда – очередная зима и ещё один шторм. Но если раньше испытанные воины графа, которым в суровую погоду нечего было бояться, несли зимнюю службу по охране отдалённой твердыни империи Оствер спустя рукава, то с недавних пор даже плохая погода не давала им расслабиться. Граф Квентин Ройхо, один из самых знатных имперских дворян-остверов и одновременно один из самых бедных, поссорился с могущественным и влиятельным герцогом Григом. Это было серьёзно и грозило огромнейшими неприятностями непокорному графу, а потому все его немногочисленные вассалы и воины были настороже и готовились к возможному нападению на замок. И хотя бойцов у Квентина было мало, всего полторы сотни, каждый из них стоил десятка, ибо являлся ветераном целой череды пограничных сражений и кровавых битв, а в замке на мощной скале имелось столько припасов, что он мог выдержать не одну долговременную осаду.

Люди ждали нападения уже три недели, и герцог сделал свой шаг. Однако в дело вступили не клинки и копья, а магия. Сын и наследник графа, пятнадцатилетний Уркварт, гостил у дальнего родственника и старого друга семьи барона Арьяна. Но в связи с тревожной обстановкой был срочно вызван домой. На въезде в замок он внезапно потерял сознание, упал с лошади и погрузился в кому. Чародей графа, боевой маг Ангус Койн, был бессилен что-либо сделать и вернуть молодого Ройхо к жизни. Но сегодня, слава пресветлым богам, в первую очередь Бойре Целительнице и Ярину Воину, он нашёл способ, как излечить парня. Каждый воин это знал, потому что они были не просто слугами, а в первую очередь боевыми товарищами графа Квентина, и слухи между ними распространялись со

скоростью лесного пожара.

И вот, пока стража несла свою службу, на вершине самой высокой башни замка, в уютной тёплой комнате, которую занимал маг Ангус Койн, находились три человека. Первый – сам хозяин помещения, средних лет приземистый косматый русоволосый крепыш в простых домотканых штанах и шерстяном свитере, больше похожий на наёмника или разбойника с большой дороги, чем на мага. Второй – граф, стройный подтянутый брюнет с седой прядью в волосах, носом с горбинкой и ясными синими глазами, в лёгком сером камзоле и таких же, как у мага, штанах, заправленных в высокие чёрные сапоги. Третьим был сын графа, Уркварт Ройхо, невысокий бледный мальчишка в длинной белой рубашке, который пластом лежал на широкой кровати мага без всякого движения, и только прерывистое дыхание говорило о том, что жизнь ещё теплится в нём. С высоты своего роста мужчины с тревогой смотрели на паренька и полушёпотом вели разговор.

– Григ, сволочь! Как же он умудрился сына достать? – произнёс граф. – Ведь у него был защитный амулет.

– Дружинники говорят, что сразу за замком Арьяна на дороге лежал красивый кинжал, – ответил маг. – Уркварт спрыгнул с лошади и подобрал его, а на рукоятке – шип, уколотивший его. Видимо, некое заклятие, которое сработало, как только парень въехал в родные стены. Амулет же, хоть и надёжный, не помог потому, что человек сам взял в руки зло.

– Где этот кинжал сейчас?

– Его нет, и охранники не знают, куда он делся.

– Значит, разум сына уже не восстановить?

– Да, его душа и разум навсегда покинули мир живых. И только тело, по привычке, всё ещё цепляется за жизнь. Но это недолго.

– Но ты сказал, что Уркварта можно поставить на ноги!

– Сказал, потому что я не мог оставить твою супругу без надежды и должен был с тобой поговорить.

– Это да, Катрин не переживёт смерти своего первенца, а твои слова придали ей сил. Однако что ты скажешь своей сестре завтра? Или, может, сделаешь из Уркварта ходячую мёртвую игрушку, которая станет словно марионетка махать руками и говорить несколько заученных фраз?! Так я этого не позволю!

Маг задумался, посмотрел на камин, в котором жарким пламенем полыхали дубовые дрова в смеси с тюленьим жиром, тяжело вздохнул и произнёс:

– Нет, сделать ходячего мертвеца я не могу, и ты это знаешь. Но от

твоего прапрадеда остался один хитрый артефакт, который называется «Ловец душ», и с помощью него я могу провести обряд перемещения одной личности в Уркварта.

– Что это за обряд?

– Ты в курсе, что наша планета не является единственной?

– Конечно, всё же я целый год, пока не сбежал, отучился в Академии магии и колдовства и про параллельные миры слышал.

– Так вот, твой предок по старым свиткам создал кристалл, который способен пробивать в иные миры нематериальные тоннели. На другой планете «Ловец душ» создаёт Сферы разума, которые притягивают к себе ближайшие живые разумные существа и копируют все их воспоминания, эмоции и порывы души. Эти копии можно перебрать и одну из них пересадить в чистое тело, такое, какое мы видим сейчас перед собой.

– И что дальше? Зачем мне чужой человек в теле моего сына?

– Сам подумай. Он будет жив и здоров, и его можно заставить делать то, что нужно хозяину кристалла. Катрин увидит, что сын жив и здоров, и успокоится. А герцог Григ, которому мы не должны показать своей слабости, узнает, что его подлый удар не достиг цели. Кроме того, разум иного человека не отменяет того факта, что в теле парня твоя кровь, древняя и весьма ценная. И подобной кровью разбрасываться нельзя, ты это понимаешь не хуже меня.

– А если пересадить в сына разум одного из моих людей?

– Я такого способа не знаю. Наверняка он есть, но мне про него ничего не известно.

– Допустим, я соглашусь с тобой и разрешу использовать тело для вселения копии. Однако что мне делать дальше с этим... – Граф помялся и выдал из себя: – Существом?

– Если мы переживём эту зиму и весну и герцог нас не уничтожит, то ты отправишь его подальше от замка, например в какой-нибудь захудалый военный лицей, а наследником объявишь второго сына. Вот и всё. В итоге Уркварт Ройхо если и погибнет, то вдали от дома и не на глазах матери.

– У меня есть время, чтобы обдумать твоё предложение?

– Час, не больше, потом тело Уркварта начнёт умирать и процесс вселения копии в него станет невозможным.

Квентин Ройхо представил себе глаза супруги Катрин, урождённой баронессы Койн, которые встретят его умоляющим взглядом и немым укором. Подумал, что она опять обвинит его в непомерной гордости и несдержанности, и решил, что лучше опыт по пересадке копии человека, чем горе любимой женщины, её слёзы и страдания.

– А что будет с тем, с кого Сфера разума снимет копию? – спросил граф.

– Ничего. Он продолжит жить прежней жизнью.

– Сколько Сфер ты закинешь?

– Полтора десятка на весь сопредельный мир, на большее у артефакта не хватит энергии, а у нас времени. После этого – полчаса на выбор личности и вселение. К утру мы будем иметь полноценного разумного человека, с которым можно договориться, а заодно и узнать от него что-то о другом мире, ведь изначально артефакты типа «Ловца душ» создавались именно для этих целей.

– Ладно, начинай, – согласился Ройхо. – Всё равно хуже уже не будет, а правду будем знать только мы двое. Может, хоть что-то с этого получим. Хотя я своего сына уже похоронил, и герцог за его смерть ответит. Клянусь!

Глава 1

Ингушетия. Хребет Корилам. 15.12.2006

Мой девиз прост: «Жизнь должна быть интересной и насыщенной. А иначе на хрена она нужна?» С детства, после прочтения «Трёх мушкетеров», это стало для меня руководством к действию. И первым серьёзным самостоятельным шагом в моей жизни накануне двенадцатого дня рождения стал побег из дома и недельные скитания по лесу, которые многому меня научили. В частности тому, что не все окружающие мою скромную персону люди понимали и принимали как данность мои поступки. Во-первых, это затрагивало родителей: мать, простую домохозяйку, у которой помимо меня было ещё трое детей, и отца, крановщика в порту нашего родного Новороссийска. Во-вторых, милицию и спасателей, вынужденных по предгорьям, лесам и виноградникам вокруг города искать сопляка, который оставил записку, что он отправляется на поиски приключений, и ушёл в лесные дебри. Кроме того, я усвоил, что без соответствующей туристической подготовки, а также пищи, воды, спичек и ножа в зелёнке даже летом подростку делать нечего. И вообще, мне крупно повезло, что меня быстро нашли, а потом не отправили на обследование к какому-нибудь психотерапевту, и он не заколол меня успокаивающими препаратами.

Таков был мой первый опыт насыщения своей жизни приключениями. И, получив ремнем по заднице от отца и огромный поток слёз от матери, на время я затих. Школа, учёба и игры с товарищами, всё как у всех. Но при этом я думал о новых вылазках на природу и о том, как лучше к ним подготовиться. Так что вскоре я стал посещать туристический кружок, а за ним – стрелковый. Потом записался на бокс, освоил верховую езду и немного понырял с аквалангом. И так Лёха Киреев – кстати, это я – более-менее спокойно дотянул до 2003 года и полных шестнадцати лет. Я раздался в плечах и подрос, отрастил шикарные длинные чёрные волосы, которые зачёсывал назад, и подкачал мускулатуру. Никаких особых успехов в спорте и учёбе я не достиг, но и на последних позициях не стоял. В лидеры никогда не лез, однако и в обиду себя старался не давать. В общем, крепкий середнячок со своими думками в голове и жизненными приоритетами.

И в это время я познакомился с чёрными копателями, парнями, которые бродили по лесным чащобам и горам с металлоискателями и

раскапывали всякое барахло со времён Второй мировой войны. Я тоже приобрёл себе прибор, влился в одну нормальную компанию и потратил на это увлечение полтора года жизни. А закончилось оно в тот момент, когда у одного из моих напарников под лопатой сдетонировала старая немецкая мина. Парню оторвало руки и разбило грудь, и хорошо, что среди нас был врач, который не растерялся, смог оказать раненому первую медицинскую помощь, и мы его вовремя доставили в больницу. После этого я решил, что надо менять увлечение, а то навар с него небольшой, а проблем куча – это «эхо войны», которое уже немало людей на тот свет спровадило, милиция, братки, пытающиеся нажиться на поисковиках, не имеющих надёжной крыши, и фээсбэшники-провокаторы, время от времени появляющиеся на горизонте и предлагающие купить выплавленный из снарядов тротил.

Так завершилось увлечение поиском, и в треть цены, не задумываясь, я продал металлоискатель и застыл на распутье. Но судьба всё решила за меня. Как-то незаметно была окончена школа, поступать куда-то в институт или вуз я не желал, а моя первая любовь, разбив мне сердце, улетела в город Москву. «Что делать?» – спросил я сам себя, и тут мне пришла повестка в военкомат. Батя на это только хмыкнул, а мать нахмурилась и опечалилась и, наверное, ночью плакала в подушку и просила отца откупить меня от солдатской доли. И, что характерно, этот суровый мужчина, бывший морпех, здоровый и плечистый, с мощными кулаками, послушал её и начал суетиться.

Сначала батя сунулся к районному военкому. Однако город у нас приморский, а значит, деньги в нём водятся, и расценки на отмазу от армии серьёзные – пять штук зелени отдай и пока свободен без конкретных гарантий, что тебя не загребут позже. Отец такой суммы потратить не мог, всё же он не миллионер, хотя получал весьма неплохо, и мог бы на этом успокоиться. Но у него были знакомые, которые имели других знакомых. И, выйдя на дамочку из рядовых гражданских служащих военкомата, которая за четыреста баксов изничтожила в архиве моё дело и подчистила запись в компьютере, он таким образом отмазал меня от армады. Но при этом никто не поинтересовался моим мнением, а я как раз загорелся службой Отечеству и после скандала вырвался из дома и сдался людям в военной форме и при погонах, которые от такого патриотизма или глупости просто выпали в осадок и минут десять ха-ха ловили.

В общем, я сбрил волосы, взял рюкзачок с самыми необходимыми вещами и стал военнотружущим ВС РФ. Из Новоросийска меня отправили на Краснодарский сборный пункт, и там я столкнулся с суровой армейской действительностью, где человек – просто расходный материал.

Меня и ещё полторы сотни коротко стриженных восемнадцатилетних мальчишек завели в актовЫй зал, и перед нами появились два капитана и полненький майор, которые объявили, что они набирают солдат для службы по контракту в 10-ю бригаду спецназа ГРУ. Разумеется, я и мои новые товарищи удивились такому раскладу, ведь мы ещё даже присягу не приняли. Какой к чертям собачьим контракт, да ещё на три года, когда нам служить всего полтора, а после этого мы спокойно вернёмся домой? Была во всём этом какая-то неправильность. Однако «покупателей» ничего не смущало, и майор сказал, что ему необходимо пятьдесят человек, и, пока он не получит своих людей, из актового зала никто не выйдет.

Я встал со своего места и первым подписался на контракт – захотелось романтики, а спецназ – это круто. За мной последовало ещё человек десять, тоже изъявивших желание стать «контрабасами». А вот на то, чтобы остальных набрать, майору понадобилось три часа. Но, где угрозами, где уговорами и посулами больших денег и свободы, он своей цели достиг и нужное количество подписей получил.

С утра началась армейская жизнь. Мы принесли присягу, нас раскидали по отрядам, я стал разведчиком и понял, что, подписавшись неизвестно на что, сильно сглупил. Думаете, виной тому дедовщина? А вот и нет. Её вытеснили землячество и дядьковщина.

Меня не устраивали другие стороны армейских отношений. Например, то, что за увольнение в город или за залёт было необходимо дать ротному на лапу пятихатку или штуку. Ведь поскольку контрактник вроде меня не полноценный «контрабас», который может разорвать контракт в любой момент и уехать домой, то на меня и подобных мне парней было легко надавить. Это один момент, а другой заключался в том, что, например, по плану у подразделения минно-подрывное дело или рукопашный бой, а все три ротные разведгруппы дружно топают на разгрузку КамАЗов с землёй. Практически получается строительный батальон, так что за первые шесть месяцев службы я выбирался на полигон всего пять раз, а всё остальное время уходило на караулы, работы, вывоз мусора из офицерского городка, уборку территории и прочие хозяйственные работы. В общем, перечислять всю чепуху можно очень долго, но я скажу только, что мне это всё надоело, и я напросился в отряд, который скоро должен был отправиться в командировку.

В новом отряде и роте всё было немного по-другому, так как подразделение часто посещало горячие точки, хотя уборки территорий и работы с караулами донимали меня, как и прежде. Но это не вина офицеров, а неправильная структура всей бригады, которая состоит из

боевых подразделений, но не имеет тыловиков-хозяйственников и отдельной караульной роты. В результате перед командировкой за месяц я получил столько знаний в военном деле, сколько никогда до этого. Тут тебе и мины, и тактика, и боевое слаживание подразделений, и учения на полигоне, и стрельба, и беготня по лесам. Так что можно было сказать, что я понемногу превращался в нормального бойца, не суперспешэла, конечно, но и не рядового из стройбата.

И вот наконец командировка в Чечню, и наша разведгруппа, семь молодых парней вроде меня и восемь взрослых мужчин, не нашедших себя на гражданке, в составе доблестного отряда прибывает в Бамут. Полноценные боевые действия, как таковые, в Чечне давно не велись, хотя небольшие банды духов по горам и лесам шарились, и наша задача состояла в том, чтобы их выискивать. За полгода пребывания в Чечне, с июля по декабрь 2006-го, за мной числилось пятнадцать боевых выходов в среднем по семь дней каждый. Нормально. Выходишь из лагеря или вылетаешь вертушкой в точку, и начинается поиск. Если встретил боевиков или их базу, вызываешь подкрепление или пару «крокодилов», а нет – и не надо. Нас дома мамы и жёны ждут, у духов тоже семьи, и стрелять ни у кого охоты нет. Такие вот дела.

Командировка подходила к концу. Мы уже начинали паковать вещи, готовиться к смене и возвращению в Краснодарский край. Но неожиданно сверху был сброшен приказ на выход, и наша рота, погрузившись в вертушки, вылетела на прочёсывание хребта Корилам. Вроде где-то там, возможно, прятался Дока Умаров, и мы его должны поискать.

Долетели нормально. С трёхметровой высоты разведчики десантировались в расщелине у подножия хребта, собрали свои рюкзаки и оружие и полезли на вершину. Густой туман накрывал окрестности, видимость – не более четырёх метров, груз привычно оттягивает плечи, а мой АКС лежит на полусогнутых руках, и в случае чего мне остаётся только снять его с предохранителя, рухнуть на рюкзак и открыть огонь. Однако воевать на хребте было не с кем. Мы вскарабкались наверх и осмотрелись. Людских следов нет, зато имеется масса живности – косули, которые не очень боятся человека, и кабаны, истоптавшие всё вокруг. Слева, когда под порывами ветра изредка рассеивался туман, был виден заснеженный хребет Дзохорилам, а справа извилистой серебристой ниткой по равнине петляла речка Фортанга. Красивые виды, и, сделав фотоснимки на память, рота расположилась на ночлег.

Наша тройка, левый боковой дозор группы – бывший мент из ППС с позывным Дубок, бывший начальник птицефабрики Калаш и я, просто

Лёха Кир, – заняли место на откосе. Сапёрными лопатками подровняли землю, на звериной тропке, уходящей вниз, построили баррикаду из брёвен, на которую пристроили ПКМН. А чуть дальше, перед позицией, поставили МОН-50, провода от которой подсоединили к подрывной машинке и присыпали их листвой. Затем натянули между деревьями четырёхметровый брезент и, определив очередность, в какой будем сидеть на фишке, поужинали.

– Вот чем люблю выход, – с набитым ртом пробурчал Калаш, сухопарый тридцатилетний мужчина, поверх камуфляжа натянувший на себя шуршун, – так это за сухпаёк. Баночку тушёнки умял – и вроде бы сыт. Не то что в лагере: с выхода придёшь, а тебе, словно собаке, макароны с червячками и просроченными рыбными консервами дают. Интендант – шукура, на пару с комбатом мутит, а мы отдуваемся.

– Это точно, – поддержал его Дубок, который сидел к нам спиной, возле пулемёта, и всматривался в темноту. – Я перед выходом к торговке за сигаретами ходил, и у неё видел колбасу, фрукты и печенье, которое в отряд Краснодарский край как гуманитарную помощь прислал. Нам с вами на троих – один апельсин, а остальное местному населению продают. Курвы! Мало комбату морду били. Надо будет этого козла ещё пощипать. Вернёмся домой, узнаем, где он живёт, контракт разорвём, как собирались, и выцепим гадёныша ночью тёмной.

– Делать нечего, – проворчал Калаш. – Он же нас застучит, и при его бабках, которые этот полкан на нас нажил, мы точно сядем.

Старшие камрады замолчали, и я поинтересовался у бывшего мента:

– А ты к кому за покупками ходил?

– К тёте Розе. А чего спрашиваешь?

– Я машину зампотыла в Асиновской видел, когда с водовозами в охранение ездил, так что подтверждаю свои подозрения.

– Понятно.

Говорить больше было не о чем. За полгода мы обсудили между собой всё, что только можно. Так что, обтерев травой и листвой свою тарелку, я завалился спать. Завтра поиск и к реке за водой сходить придётся, а это минимум четыре километра вниз и ещё столько же обратно вверх, значит, силы понадобятся.

Сон пришёл сразу, так же как и пробуждение спустя четыре часа. Я сменил на пулемёте Дубка и, плотнее закутавшись в камуфляжную куртку, стал всматриваться и вслушиваться в густое туманное марево перед собой. С деревьев падает конденсат, а более вокруг ни звука, ни шороха. Левее и правее нас ещё по одной тройке, а позади – командир группы с радистом.

Сколько уже таких ночей было за этот год? Больше восьмидесяти, и, хотя можно расслабиться, делать этого нельзя. Лесная тишина бывает обманчива, и духи могут бродить где и когда угодно, в этом я ещё на первом выходе убедился, когда один из наших парней не выключил прибор ночного видения, а он дал отблеск, и тут же над его головой в граб вонзилось несколько пуль. Поэтому внимание и никаких лишних движений.

Проходит час, второй. И вдруг, метрах в четырёх от меня, раздвинув туман, на тропе появилась световая сфера – шар метра три в диаметре. Что за хрень? Неужели памороки? Вроде бы не курил и не бухал, а тут такое. Странно. Руки тем временем хватают приклад пулемёта, снимают оружие с предохранителя, и я, не оборачиваясь, шепчу:

– Подъём!

Но мои напарники спят, как ни в чём не бывало, хотя раньше от малейшего намёка на тревогу просыпались. Быстрые взгляды по сторонам, всё спокойно, на нас никто не наступает, вокруг по-прежнему тишина, и соседние тройки не шумят. Ну и ладно. Вместо пулемёта я беру АКС и, обойдя баррикаду, выхожу на тропу. Осторожно приближаюсь к странной сфере, протягиваю в неё ствол автомата, и ничего не происходит.

Что это может быть? Непонятно и, по-хорошему, надо бы отойти в сторону от этой непонятной сферы. Но почему-то я становлюсь смелее и, уже не опасаясь этого странного феномена, вхожу в призрачный поток света. Сначала ничего не происходит. Но как только я хочу выйти из светового шара, меня бьёт током, тело моё содрогается в жёстких конвульсиях, и я теряю сознание. Последняя моя мысль была проста и незатейлива: «И зачем я в этот круг вошёл?! Млять!»

Очнулся я через десять минут. Вокруг всё по-прежнему – ночь, туман, крупные капли влаги, падающие на меня с деревьев, и никакой световой сферы.

«Видимо, мне всё померещилось, и надо поскорее выкинуть этот необъяснимый случай из головы и вернуться к пулемёту», – думал я, пытаюсь себя успокоить. И мне это удалось. Спустя час я разбудил Калаша и, не забивая себе голову ночным происшествием, вновь спокойно заснул, так как с утра опять начнётся движение.

Глава 2

Империя Оствер. Замок Ройхо. 16.12.1400—30.12.1400

Я очнулся оттого, что рядом разговаривали два человека, мужчины. Язык явно был нерусский, но и гортанное чеченское наречие не напоминал, а больше всего походил на смесь из нескольких европейских и славянских языков, по крайней мере, мне так показалось. Глаза я пока не открывал, мало ли что, а попытался сориентироваться. Тело – как деревянное и слушалось плохо, а общее ощущение такое, что меня били палками, и я весь ужаснулся и сморщился. Из одежды – только длинная рубаха до колен, нижнего белья нет. Лежу на шерстяном одеяле, под которым дерево, наверное топчан. Больше ничего определить было нельзя, да и некогда, потому что один из мужчин приблизился вплотную к моему ложу и, похлопав меня мозолистой рукой по щеке, что-то произнёс. Угрозы в голосе не было, но я решил выждать. Чего? Не знаю, просто хотелось потянуть время. Однако нависший надо мной мужик понял, что я пришёл в себя, и отставать не хотел. Он встряхнул моё слабое тело, приподняв его за рубаху, и снова что-то сказал. Как ни странно, я его понял.

– Эй, паренёк, открывай глаза, говорить будем. Всё равно ведь уже пришёл в себя.

Выпендриваться смысла не было, мои веки приподнялись, и я огляделся. Вокруг меня была просторная комната с одним окном слева, рядом массивный деревянный стол, заваленный каким-то хламом, стеклом, обтянутыми кожей под старину фолиантами, шар, вроде бы хрустальный, пара кусков горного хрусталя и меч в ножнах. Необычный набор. Рядом стояли два стула и пара табуретов. Справа – камин, а рядом, на стене, ещё два меча и небольшой круглый щит. К антикварам, что ли, попал? Хм, не факт. Вдруг маньяки какие? Очень может быть, морды у мужиков в комнате суровые, и одеты они так, словно в театральной гардеробной покопались, дабы в спектакле на историческую тему роль сыграть, что-то вроде «Сирано де Бержерака» или «Сезара де Базана».

– Вы кто? – просипел я, еле ворочая непослушным языком.

Человек рядом со мной усмехнулся, оскалил крупные, желтоватые зубы и, повернувшись к своему товарищу, стройному горбоносому брюнету, сказал:

– Вот видишь, Квентин, всё в порядке. Паренёк соображает, и язык, при пересадке, как надо усвоил.

Горбоносый молча кивнул и смерил меня каким-то нехорошим, недобрым взглядом, а я повторил свой вопрос:

– Вы кто?

– Меня зовут барон Ангус Койн, я твой дядя, – мужик подтянул к топчану табурет, сел на него, вновь сосредоточил внимание на мне и кивнул себе за спину, – а этот человек, с благородной осанкой и сединой в волосах, отныне твой отец граф Квентин Ройхо.

– Чушь! – вновь просипел я. – Дяди у меня отродясь не было, а своего отца я знаю. Может, ещё скажете, что у меня и мама новая?

– Скажем, паренёк, скажем. Но её ты увидишь попозже, если мы с тобой договоримся.

Возражать я не решился, да и трудно было это сделать, так как язык слушался плохо, а шею свело, словно меня продуло. Поэтому я заткнулся и просто внимал тому, что говорил назвавшийся магом барон Ангус Койн. И чем больше я вникал в смысл его речей, тем больше охреневал и понимал, что попал в лапы каких-то сектантов или же в дурку, что в принципе одно и то же.

Оказывается, с меня сняли копию и вселили мой разум и душу в тело почти мёртвого сына графа Ройхо, которого звали Уркварт. Мне в этот момент вспомнился старый кинофильм «Секретный фарватер» и имя немецкого подводника, которого звали вроде бы Уркварт фон Цвишен. И вот я нахожусь в чужом теле, которое стало моим, и теперь обязан во всём слушаться графа, того горбоносого человека в допотопном сером камзоле, за спиной мага, и самого Койна, а иначе мне сделают больно, а возможно и убьют. Что тут скажешь? Имелись бы силы, я бы попробовал наkostenить этим мужичкам и вырваться к нормальным людям. Но сил не было даже на то, чтобы лишний раз пошевелиться. И поэтому мне приходилось слушать бред этого самого Ангуса и соглашаться с его словами.

Хотите, чтобы я откликнулся на Уркварта? Запросто. Старший сын графа? Без проблем, главное, что не педик. Вести себя тихо и спокойно? Это можно, тем более что немочь сковала всё тело. При встрече с Катрин Ройхо надо улыбнуться и успокоить маму? Согласен. Рассказать о своём мире? Ну, учитывая, что никаких особых военных или государственных секретов я не знаю, можно и рассказать, мне не тяжело, так что как только поправлюсь и окрепну, так сразу же и отвечу на все вопросы.

В общем, маг говорил минут сорок, а потом принёс со стола овальное полуметровое зеркало и приподнял его надо мной. Увидев себя, от неожиданности я вскрикнул, так как в зеркале был не я, а совершенно незнакомый мне мальчишка. На вид лет тринадцать, может быть,

четырнадцать. Измождённое лицо европейского типа с правильными чертами. Кожа бледная и почти просвечивает. Волосы русые. Глаза голубые. Определённо это был не я, не Лёха Киреев. Наморщившись, я убедился, что отражение повторяет мою гримасу и другие движения. Значит, то, что говорил Койн, правда? Полной уверенности в этом не было, так как я вполне мог находиться под воздействием психотропных препаратов, которые держат мою психику под своим контролем. Но кому я нужен, чтобы ради меня суетиться? По большому счёту, словно Неуловимый Джо, никому, а всё происходящее вокруг меня не выглядит как бред. Так что надо продолжать выживать и впитывать в себя информацию.

Я стал Урквартом Ройхо и вынужден это признать. Меня накормили, а скорее, напоили куриным бульоном и дали некоторое время поспать и привыкнуть к новому телу. А когда я проснулся, то комната вокруг меня и люди в средневековых одеждах не рассеялись, словно мираж. И рядом с топчаном я обнаружил симпатичную белокурую женщину лет тридцати пяти, может, немного старше, в простеньком шерстяном платье, которая с неповторимой материнской нежностью и любовью смотрела на меня. Как несложно догадаться, это была графиня Катрин Ройхо, моя новая мать. Она спрашивала меня о здоровье и самочувствии. А что я мог ей ответить? Только то, что всё хорошо, и я иду на поправку. Отделавшись самыми общими фразами, я принял игру, в которую был втянут не по своей воле.

Графиня провела со мной пару часов и, в сопровождении мужа, покинула комнату местного мага, своего родного брата. Я чувствовал себя лучше, мог уже вполне нормально разговаривать и, не откладывая сбор информации на потом, позвал Койна:

– Ангус!

– Дядя Ангус, – поправил он меня, присаживаясь рядом.

– Хорошо, – покорно согласился я, – дядя Ангус. Ты говорил, что копий было несколько. Почему именно меня выбрал?

– Знаешь, парень, – маг поморщился, – я мог бы тебе приказать заткнуться и не спрашивать того, что тебе не надо знать. Но мне хотелось бы, чтобы наше сосуществование строилось на условиях сотрудничества и взаимного понимания, поэтому буду с тобой откровенен. Ваш мир был выбран «Ловцом душ» случайно, потому что он находился к нашему ближе всего. Снятых копий было пять, не все Сферы разума сработали как надо. И из всех копий ты оказался лучше всех и ближе всего по возрасту к Уркварту.

– А мне назад вернуться нельзя?

– Нет. – Койн покачал косматой нечёсаной головой. – Это невозможно.

Вообще, нельзя перебросить из одного мира в другой никакие материальные объекты. Зато есть возможность снять с человека копию. Но это умение в нашей империи вымирает и деградирует. Впрочем, как и всё некогда великое искусство магии. Так что твой возврат невозможен. Ты – копия человека из иного мира, новый разум в пустом теле, по крови – настоящий Ройхо, так что прими это как есть.

– Что со мной будет дальше?

– Кажется, я тебе это уже говорил.

– Да, говорил. Но я спрашиваю не про ближайшее время, месяц или два, а про жизнь.

Маг рассмеялся, как мне показалось, несколько натужно и фальшиво.

– Ты будешь жить долго и счастливо. Овладеешь всеми навыками и умениями благородного дворянина и сможешь сам выбрать свой жизненный путь. Разумеется, при том условии, если тебя не убьют.

– Кстати, насчёт убьют... Как погиб прежний Уркварт?

– Граф – бывший военный, полковник, командир 2-го конно-егерского полка. Он честный человек, никогда не трусил, не лебезил перед начальством, не отступал перед врагом и не воровал. Прямой, как меч, всю жизнь за честь цепляется и с этого имеет одни неприятности. Раньше в своих владениях он бывал только от случая к случаю, а два года назад его вышвырнули вон из имперской армии, говорят, что место полковника понадобилось кому-то из столичных хлыщей. Граф это принял, осел в родовом замке, принялся вникать в дела хозяйства, и тут выяснилось, что все его деревни находятся под властью герцога Андала Грига, редкостной скотины, и у него не осталось ничего, кроме этих стен, моря и небольшой суммы денег. Естественно, как честный человек, Квентин стал искать правду, но ничего не добился, ибо государство наше прогнило с самого верха и донизу. И тогда Ройхо сделал то, что был должен сделать, то есть назвал Грига трусом и подлецом и вызвал его на дуэль, герцог драться отказался, но оскорбления конечно же простить не мог и организовал покушение на тебя, то есть на прошлого Уркварта.

– Ясно, – произнёс я и поморщился от острой рези в мочевом пузыре.

Койн, словно понимая причину моей гримасы, хмыкнул, и на этом наш второй разговор был окончен. Появился слуга, широкоплечий уса́тый мужик лет сорока пяти, который помог мне справиться нужду и обтёр мое тело тёплой водой. Как выяснилось позже, звали его Гради Тайфари, он был воспитателем и учителем графского наследника.

После этого я провалился в очередной сон. Так началась моя новая жизнь, первые две недели которой я прожил в комнате мага, поставившего

в комнате ещё один топчан, дабы держать меня под неусыпным контролем. Распорядок дня в эти четырнадцать дней был достаточно прост: я сплю и ем, а когда просыпаюсь, то вижу рядом с собой Ангуса Койна, который расспрашивает меня о Земле, а попутно рассказывает о своём мире. И по прошествии этого срока, будучи человеком неглупым, я смог более или менее чётко понять, где нахожусь, что собой представляет местное общество и к чему мне готовиться, если я хочу выжить в новом для себя мире. А чтобы не запутаться и более чётко представить здешнюю обстановку, я выпросил у мага пару листов бумаги и графитовый карандаш и на русском языке по пунктам, кратко записал некоторую информацию, которую узнал.

Итак, пункт первый: планета, которая каждым из многочисленных местных народов называется по-своему. Но поскольку я нахожусь в империи Оствер и Уркварт Ройхо этнический оствер из древнего рода, то буду использовать имперское название – Кама-Нио, что значит Добрая Мать. В целом эта планета по климату и биологии ничем не отличается от моей родной Земли, так что рассказывать особо нечего: пять материков, куча островов и архипелагов и шесть океанов.

Пункт два: государство, в котором я оказался. Как уже было сказано, это империя Оствер, созданная на основе королевства Оствер ровно 1400 лет назад, для империи это солидный возраст. Правит в этом государстве, естественно, император. Да вот только власти и силёнок у него нет. И властитель огромной державы на данный момент – тринадцатилетний Марк Четвёртый, всего лишь марионетка Верховного имперского совета, в котором заседают восемь человек. Пять великих герцогов, патриарх объединённых религий и верховный жрец бога Самура Пахаря, архимаг, отстаивающий интересы всех магов империи, и глава Торгово-промышленной палаты. Простой народ, как водится, на политику державы влияния не имеет.

Пункт три: краткая история. Планета Кама-Нио – очень древний мир. Первое серьёзное государство здесь возникло ещё двадцать пять тысяч лет назад, и этому имеются достоверные подтверждения в виде сохранившихся от былых эпох книг и памятников культуры. Но меня больше волновали остверы, и всё моё внимание было сосредоточено на них. Сначала Оствер был горным королевством на окраине империи Ишими-Бар, а когда она развалилась под напором кочевников с севера (есть тут такие, на оленях скачут, и, хотя их немного, они сильные бойцы), остверы начали экспансию и, когда подмяли под себя три близлежащие провинции, объявили себя империей. Во главе народа стоял могучий род Анхо, и император

сосредоточил в своих руках все нити управления. Он – Верховный главнокомандующий, Великий понтифик и архимаг. Три в одном, как говорится, суперчеловек, как он есть, практически бессмертный воин и маг, проживший порядка четырёхсот семидесяти лет. За этот срок могучее государство по-любому можно было создать, и первый император Иллир Анхо спокойно, без надрыва это сделал.

Однако, к сожалению барона Койна, великий властитель погиб, как и отчего, до сих пор толком неизвестно. И на одного из потомков великого Иллира свалилась огромная власть, а он, как водится, глядя на бессмертного папашу, о правлении не думал и к нему не готовился. В итоге второму императору до первого было очень далеко. Но система, построенная Иллиром, работала как швейцарские часы, надёжно и без сбоев, так что всё шло своим чередом. Дворяне служили обществу. Крестьяне сеяли и жали. Священники взывали к богам, а маги развивались и исследовали новые горизонты своего ремесла, превратившегося в искусство.

В общем, всё было более или менее нормально. Императоры сменялись один за другим, и каждый последующий был слабее предыдущего, а развитие государства сначала замедлилось, а затем остановилось и застыло в стагнации, а лет четыреста пятьдесят назад начался откат в прошлое. Сначала один из императоров проиграл три войны подряд и потерял четыре экспедиции за океан. И за такую бездарную политику некогда верные дворяне его убили. После этого аристократы почувствовали вкус крови, и наследник убитого превратился в марионетку и символ. И понеслось. Закрепощение крестьян. Города отдаются во владение самопровозглашённым великим герцогам, храмовникам, магам и торговым магнатам. А внутри правящих слоев после убийства главы государства прокатилась такая волна насилия, которая за сорок лет вымыла из общества практически всех, кто мог бы встать за императора. В результате многие знания утеряны, связывающие крупные города Оствера транспортные телепорты приходят в негодность, а починить их не всегда удаётся, регулярные войска разлагаются и заменяются частными армиями, и на границах беспокойно. Впрочем, несмотря ни на что, империя всё ещё очень сильна.

Пункт четыре: население и территории империи. По размерам владения Оствера огромны, и, бросив взгляд на весьма точную карту империи, я подумал, что она больше такой страны, как Россия, поскольку раскинулась сразу на трёх материках и омывается четырьмя океанами, не считая морей. Помимо материковых земель на Эранге, Мистире и Анвере,

было ещё несколько крупных островов и архипелаги, колонизированные имперцами. Что касается людей, то общая численность народонаселения в государстве немногим больше шестисот миллионов. Но Койн говорил, что официальная перепись делалась пятнадцать лет назад, и местные владельцы зачастую занижали количество своих подданных, дабы не платить за них налоги в имперскую казну. И получается, на территории Оствера вполне спокойно может проживать миллиард людей.

Пункт пять: расы и нации. В мире Кама-Нио основная раса – люди, преимущественно европейского типа, хапнувшие под себя три материка и всё водное пространство вокруг. Кроме них имеются дари – нечто вроде эльфов, которые за океаном держат один из лесных материков по размерам как Австралия. Затем душихи-малаи, которые своим образом жизни напоминают сказочных гномов, но они люди, просто подслеповатые, лысые, приземистые в основном, а на голове у них небольшие рожки. Они живут под землёй на пятом материке Кама-Нио и достаточно мирно сосуществуют с манкари, ещё одной расой планеты, достаточно развитыми людьми, с ярко выраженным красноватым оттенком кожи, как сказал Ангус, сохраняющимся, даже если кожу снять и высушить. Помимо всех вышеперечисленных народов и рас имеются какие-то редкие промежуточные полукровки и мутанты из древних времён, около сорока видов и подвидов, на которых мой главный источник информации, маг Койн, внимания не заострял.

Пункт шесть: социальные уровни. Наверху император – символ и не более того. За ним – Верховный имперский совет, где каждый человек – это верхушка айсберга и государство в государстве со своими армиями, территориями и политическими интересами. Далее следуют герцоги, вроде Андала Грига, которых на данный момент в империи сорок восемь человек, и князья, наследственные владельцы национальных территорий на основе покорённых государств, принявших власть Оствера, этих ещё пятнадцать. Под герцогами и князьями стоят графы, богатые и бедные, всякие, этих представителей благородного сословия ещё четыреста родов. Далее бароны, мелочь аристократическая, в общей сложности восемьсот пятнадцать семей, и это только старые фамилии, которым не менее трёхсот лет. А помимо этого имеются так называемые «домашние бароны», то есть те, кто получил титул от одного из великих герцогов. За низшими аристократами, как водится, – вольные и пока ещё не закабалённые люди, торговцы и ремесленники, различные вспомогательные сословия, жрецы мелких божков и имперские чиновники самых разных рангов. Далее – крепостные из народов империи и остверов, что-то вроде холопов времён

царя Петра Первого или римских колонов-арендаторов. И последняя ступенька, разумеется, рабы, бесправные животные, рабочая скотина, являющаяся движимым имуществом.

Пункт семь: магия. Насколько я понял, существует некое пространство, называемое дольний мир, и некоторые люди могут качать из него силу, использовать её и называть себя магами. И если раньше чародеем мог стать почти любой человек империи, обучившийся управлению силами, то теперь это закрытая каста со своими школами, городками, доходами, жизненными приоритетами и внутренней иерархией. При этом провозглашается, что магия – для избранных, а кто не состоит в одной из пятнадцати официальных магических школ, тот опасен своей неучённостью, могущей навредить людям, и поэтому подлежит смерти, конечно же если он вовремя не встанет под руку архимага. Дядя Ангус, как и все дворяне, в которых сильно развита способность оперировать силами дольного мира, – исключение из правил, ибо оно касается только простолюдинов и рядовых вольных граждан империи. Впрочем, даже Койн приписан к одной из магических школ, кажется что-то связанное с боевым применением энергетик дольного мира. И он является своего рода свободным художником и исследователем, который напрямую никому не подчиняется, но который может, в случае большой нужды, обратиться за помощью к сообществу магов. Короче, потомок обедневшего благородного рода Ангус Койн в этой жизни пристроился нормально.

Пункт восемь: религия. В империи многобожие. Семь основных богов и непомерно большое количество малых. Самый главный бог – Самур Пахарь. Жрецы, как и маги, являются закрытой кастой со всеми вытекающими из этого последствиями. И словно чародеи, они могут оперировать силой дольного мира. Но если маги используют свободные энергетические потоки, то служители богов – энергетику своих небесных покровителей, для которых дольний мир является родным. И вся остальная разница между этими двумя группами вытекает именно из этого. У одних – заклятия и руны, у других – молитвы и свитки. И если у магов – школы, то у жрецов – культы. В общем, та же балалайка, только вид сбоку.

Пункт девять: технологический уровень. Смута в империи, разумеется, аукнулась всем и сказала на промышленном потенциале государства. Раньше, во времена сильных императоров, имелись заводы и мануфактуры, выпускающие продукцию конвейером, постоянно изобреталось что-то новое и даже были попытки ввести в войсках артиллерийские части. Сейчас всё сошло на нет. Вокруг снова царит кустарное производство, а что осталось – в основном большие доменные печи, какие-то мануфактуры и

ткацкие фабрики, всё находится во владениях одного из великих герцогов, жрецов, магнатов или магов. Так что в Оствере, как и в окружающих его государствах, по меркам Земли, примерно позднее Средневековье или Ранний Ренессанс.

Пункт десять: войска империи Оствер. Первым императором была создана превосходная военная машина, которая состояла из четырёх частей и делилась на гвардию, боевые полки первой линии, территориальные войска и стражу. Начну с последней части, то есть со стражи. Она сохранилась, но утратила общее руководство и централизацию и теперь подчиняется непосредственно правителю или чиновнику, который держит тот или иной город или провинцию. Территориальные войска, как их раньше называли – учебные полки, давным-давно распущены, а их казармы по всей империи заняты дружинами феодалов, жрецов, магов и местных богатеев. И всё, что от них осталось, – это восемь учебных военных заведений, которые готовят кадры для дворянских войск и, частично, для регулярных полков. Кстати, этих самых армейских подразделений осталось не так уж и много, вполтину от прежнего числа, всего шестьдесят полков по две тысячи воинов в каждом. И разделённые на четыре армии воинские формирования неравномерно раскиданы по всем обширным границам Оствера. Что же касается гвардии, то это полнейший мрак. Давным-давно имелось десять элитных полков, осталось три, и служить в гвардейской части было равносильно тому, что написать себе на спине: «Предатель! Вор! Человек без чести! Плюнь в меня!» Думаю, понятно, из кого формировались эти подразделения, – конечно же из отребья и неудачников.

Пункт одиннадцатый, последний: семья. Род Ройхо, в котором я имею честь пока что быть наследником, очень древний и знатный и в своё время дал империи трёх канцлеров, шесть маршалов, около пятнадцати генералов, большое количество магов и множество чиновников и управленцев. Герб – руна «Справедливость» (вертикальная палочка, на которой два луча сверху направлены вниз, а два снизу вверх) на фоне Красного Солнца. Незатейливый герб, без финтифлюшек и цветочков, мечей, львов и грифонов с коронами, а значит, древний. И вот именно тяга к справедливости и привела семейство Ройхо к тому, что есть сейчас. Один замок – надо сказать, отличное укрепление – в хорошем состоянии, несколько десятков слуг и полторы сотни дружинников. С одной стороны – враждебные земли герцога Грига, с другой – холодное море. Глава семейства, бывший полковник без доходов, надеется на то, что по весне налетит на неблагородного соседа и разгромит противника. Жена графа, урождённая баронесса Койн, была бесприданницей, но чрезвычайно

красивой, и могла бы выйти замуж за кого-то более благополучного и богатого, чем граф Квентин. Но Катрин пошла на поводу чувств, и теперь она – графиня и мать пяти детей: трёх сыновей и двух дочерей. Найду ли я своё место в этом семействе? Пока не знаю, но, конечно, надеюсь только на лучшее, а сам готовлюсь к худшему.

Таковы итоги моих первых двух недель в замке Ройхо. И помимо того, что я понемногу начал осваиваться и смиряться с тем, что отныне моё имя не Алексей, а Уркварт, новое тело стало подчиняться мне, словно родное. И как только я смог твёрдо встать на ноги, то незамедлительно начал передвигаться по комнате Койна и делать максимально возможное количество приседаний, отжиманий и качков на пресс. Нужны были нормальные мускулы, и, пока имелось свободное время, я готовил себя к будущим испытаниям, ибо мир вокруг меня – опасный и неприветливый. И хотя порой мне хотелось выкрикнуть что-то вроде «Млять!!! Домой хочу!!!», я сдерживался, старался принять всё происходящее вокруг как данность, продолжал наращивать мышцы и усиленно потреблять продукты питания.

Отметив, что я уже практически здоров, маг провёл со мной несколько дополнительных бесед и краткий экспресс-опрос по знанию мира Кама-Нио и, предупредив всех домочадцев замка о том, что в связи с перенесённой болезнью у меня возможны провалы памяти, он выпустил меня в замок. Так что сегодня, тридцатого юнара, обновлённый Уркварт Ройхо вышел на волю. При этом я понимаю, что доверия со стороны сурового графа Ройхо и Ангуса, который обманчиво кажется добрым человеком, ко мне по-прежнему нет, и в случае проблем они меня сразу же прирежут. Однако деваться некуда, и поэтому пока я принимаю правила навязанной мне игры, дабы как-то выкрутиться из той паутины, в которую попал. Ведь несмотря на то, что маг считает меня копией, всё равно я полноценный человек и индивидуальность, а значит, мне хочется жить.

Глава 3

Империя Оствер. Замок Ройхо. 15.02.1401

Граф Ройхо и барон Койн, оба закутанные в тяжёлые, подбитые мехом плащи, прогуливались по стене замка, осматривали засыпанные снегом окрестности и время от времени бросали взгляды на внутренний двор, где шла тренировка дружинников, махавших деревянными мечами.

– Завтра утром за мной прибудет повозка под охраной воинов нашей школы, и я буду должен на время уехать, – сказал маг. – Но к весне обязательно вернусь.

– Что-то важное?

– Да. Меня вызывает мой учитель Асим Вишнер, перед которым я должен отчитаться о своих успехах за последние два года.

– А это не может подождать?

– Нет. Если я имею намерение продвинуться в иерархии школы «Торнадо», а такое намерение у меня есть, то просто обязан поддерживать своего покровителя Вишнера и держать в курсе всех моих дел.

– Мог бы и через медиума перед ним отчитаться.

– Это само собой, но не всё можно передать через другого человека.

– Ты имеешь в виду наследие моего прадедушки и твой неудачный поиск его дневников и изделий? – Ройхо усмехнулся и затаенной в чёрную перчатку ладонью дружески похлопал Койна по плечу.

– Ну, – маг поморщился как от зубной боли, – кое-что я всё-таки нашёл.

– Пару кристаллов, несколько не очень ценных артефактов и разгромленную лабораторию? Ой, как много за два года!

– И это немало. По крайней мере, известно, что Руфус Ройхо в самом деле вёл какие-то работы в области защиты от боевой магии, чего-то достиг и, перед тем как погибнуть в бою с лучшими воинами тогдашнего архимага, успел спрятать все свои самые ценные амулеты.

– Дальше можешь ничего не говорить. – Граф махнул рукой. – Все твои доводы я слышал уже тысячу раз. У него не было времени. Он спрятал клад в своём замке или где-то рядом. И чтобы его найти, надо просто хорошо поискать. Чепуха, Ангус! Не было ничего, иначе за двести с лишним лет наша семья хоть что-то нашла бы.

– Возможно, так и есть, но я рук не опускаю.

– Поступай как знаешь, упрямец, но в весеннем боестолкновении с

герцогом твоя сила нам понадобится. Ты ведь не откажешься погонять Грига?

– Не откажусь, для меня это хорошая практика. Однако герцог не слабак, у него свои маги есть, надо сказать, неплохие, и полторы тысячи мечей в постоянной дружине, не считая трёхсот стражников в Изнаре.

– Вот и отлично, будет с кем всерьёз подраться.

Внизу в это время раздался вскрик. Посмотрев на дружинников, дворяне увидели Уркварта, который яростно отмахивался тяжёлым учебным мечом от десятника Юнга и, проигрывая, попытался взять опытного воина на горло. Но Юнг на это не реагировал и продолжал методично загонять графского сына в угол между стеной и Восточной башней.

– А неплохо паренёк держится, – отметил барон Койн. – Не сдаётся и не трусит. В учёбе прилежен и к тебе подольститься не пытается.

– Да, – согласился с магом граф, – молодец. Жаль только, что он не настоящий Уркварт.

– Так в чём проблема? Сделай его истинным Ройхо. Сегодня день необычный, как раз то, что надо. Вспомни предания из старины, как роды остверов после первой войны с Ишими-Бар людьми оскудели, и каждая семья по три-четыре человека со стороны в приёмные сыновья подростков брала.

– Помню это предание. Но сейчас вроде бы время не то.

– Как раз именно то, Квентин. Сколько было Ройхо в расцвет империи?

– Около четырёхсот.

– А сейчас только твоя семья осталась, а тут ещё потеря наследника.

– Значит, предлагаешь усыновить чужака в теле моего сына?

– Конечно. Катрин и детям этого знать не надо, останетесь один на один, и проведёшь обряд. Всё по старому закону. Наследником второго сына сделаешь, а Уркварту, как и собирался, волю дай. Затем я «Ловца душ» очищу, чтобы не было соблазна парня под жёсткий контроль взять.

Граф посмотрел на Уркварта, которого десятник сначала прижал к стене, а затем жёстким и быстрым ударом сбил наземь, но тот всё равно пытался подняться, и одобрительно кивнул:

– Пожалуй, ты прав, друг, так я и сделаю. Перед духами предков признаю его своим приёмным сыном, а наследником объявлю Айнура. Но есть одно но. А что, если духи не примут его как своего?

– Мне кажется, что всё сложится хорошо.

– Посмотрим.

Моя новая жизнь на удивление быстро вошла в колею. Семья графа, за исключением самого отца семейства, признала меня за своего. Все мои неправильные построения фраз, несвойственные прежнему Уркварту, и странности домочадцы списывали на болезнь и жалели меня как могли. Ну и я, соответственно, на такое отношение отвечал добротой и теплом, ибо было бы свинством, как сказал один киногерой, «злом платить за предобрейшее». И один раз я даже смог оказать моей новой семье небольшую услугу.

Сёстры-близняшки, белокурые семилетние милашки Джани и Наири, сбежали от няньки и полезли на чердак вроде бы за голубями. Но лестница была старая, основа треснула, и они повисли в трёх метрах над каменным полом. Я оказался рядом, услышал их крики о помощи и успел поддержать лестницу до того момента, как подросли слуги. И хотя девчонки не убились бы, а раны им подлечили бы магией, хоть такой малостью, но я всё же помог семье Ройхо и был этим доволен.

Дни летели за днями. Я окреп и начал набирать массу тела, и после того, как барон Койн вытрусил из меня всю интересующую его информацию о мире Земля, получил свободное время. Я пристально присмотрелся к жизни средневекового замка, которую мог видеть только из центрального донжона, дальше меня не выпускали, объясняя это тем, что мой организм ещё слаб. Затем я пообщался со своими неожиданными братьями по крови, двенадцатилетним Айнуром и девятилетним Трори, смышлёнными и вёрткими пареньками. А после – с моим учителем Гради Тайфари, которого, кстати, освободили от обязанности быть дядькой графского наследника и вернули на должность десятника (сержанта) в дружину. После чего, в меру своих способностей проанализировав происходящие вокруг меня события, я начал всерьёз задумываться о планах на будущее.

Итак, что я имею? Пока меня никто не пытался убить или лишить разума, хотя сделать это было очень просто. Маг Ангус Койн прямо сказал, что имеет возможность подчинить меня своей воле, поскольку именно его магический артефакт перенёс мою копию в тело Уркварта Ройхо. Однако пока я никому не мешаю, вокруг меня всё тихо и относительно спокойно. Я являюсь обладателем неплохого тела, которое поначалу хоть и выглядело худосочным и рахитичным, быстро приходит в норму.

Вне всякого сомнения, спокойствие, хорошее отношение семьи Ройхо и справное молодое тело – это хорошо. Но постоянно возникало множество вопросов. А что дальше? Кто я в этом мире, если не могу вернуться на Землю? Какова моя стезя? Что мне готовит граф Ройхо? Ответов пока не

было. Маг отшучивается или уводит разговор в сторону, ограничиваясь самыми общими фразами. А к Квентину подойти немного боязно. Когда он меня видит, сначала улыбается, а потом становится хмурым, словно туча, и мне кажется, что он готов кинуться на меня и разрубить тело Уркварта пополам, типа, так не доставайся же ты никому. Умирать не хотелось. И я пару раз подумывал о побеге из замка. Но эти мысли быстро улетали прочь, как нереальные, ибо за стенами замка суровая зимняя пора, незнакомая местность и разведчики герцога Грига, пару раз замеченные патрулями. Они меня не упустили бы, даже если бы удалось выбраться из замка. Впрочем, точно так же, как и дружинники Квентина, которые бы кинулись за мной в погоню. Здравомыслием оценивая своё положение, я приходил к выводу, что надо поговорить с графом Ройхо, так как именно от него зависит вся моя дальнейшая жизнь. И вот три недели назад я решился и вместо полуденного отдыха отправился в библиотеку, где граф в это время обычно проводил один час за чтением военных трактатов и планированием операций против герцога Грига.

Перед широкой резной дверью я остановился, вобрал в себя воздух, задержал его на пятнадцать секунд и выдохнул, и так три раза. Это метода старая, она помогает успокоить сердцебиение. Войдя, я оказался в просторном помещении. У высокого стрельчатого окна находилась пара столов и кресла, в одном из них сидел человек, называющий себя моим отцом.

Лишь только моя нога переступила порог, старший Ройхо посмотрел на меня, и его правая рука непроизвольно опустилась на рукоять широкого кинжала, который всегда висел у него на поясе. Взгляд у местного владельца был тяжёлый, и на миг я засомневался в себе. Но отступить – значило упасть в рейтинге графа на один пункт. И, переборов своё смущение, твёрдым шагом я прошёл между сундуков с книгами, которые стояли вдоль стен, приблизился к Квентину и в полутора метрах от него молча слегка поклонился.

– Чего тебе? – убирая руку с кинжала, пробурчал хозяин замка.

– Я бы хотел поговорить с вами, господин граф, – ответил я.

Старший Ройхо мотнул головой влево:

– Садись, пообщаемся.

Сев на указанное мне место и не дождавшись вопроса от Квентина, я начал:

– Господин граф, так случилось, что я оказался в теле вашего сына. Это было ваше решение, а не моё, поэтому не надо смотреть на меня как на врага.

Квентин немного втянул голову в плечи, вроде как набычился, и сказал:

– Дело не в тебе, землянин, а в том, что я не уберёг своего первенца и наследника. Поэтому я и смотрю на тебя хмуро, может, иногда даже с угрозой. Но плохого от меня не жди, по крайней мере до тех пор, пока ты соблюдаешь нашу договорённость.

– Благодарю за разъяснение.

– Это всё, из-за чего ты хотел увидеть меня один на один?

– Нет. У меня накопились вопросы, на которые ответить можете только вы.

Граф откинулся на спинку кресла, посмотрел на серый потолок и сказал:

– Давай поговорим... – и выдавил: – Уркварт. Что тебя интересует?

– Какую судьбу вы мне готовите?

– Вот ты о чём... – протянул Квентин. – О будущем думаешь, планы строишь. Хм, быстро ты оклемался и освоился.

– Стараюсь.

– Через два месяца, может, раньше ты покинешь замок и отправишься в военный лицей «Крестич», во владения великого герцога Канима, и там проведёшь три года. Затем будешь предоставлен сам себе. Тебя устраивает мой ответ?

– Да. Но по сравнению с другими учениками школы, которые уже являются неплохими фехтовальщиками и хорошими наездниками, я слаб. Поэтому хотел бы попросить вас, чтобы мне разрешили более свободно перемещаться по замку, а также конные прогулки, тренировки с дружинниками и общение с воспитателем Гради Тайфари, который занимался с вашим сыном.

– Думаешь, тебя сразу же загнобят соученики или достанут убийцы Грига?

– Есть такая думка, господин граф.

– Хорошо. С завтрашнего дня ты не ограничен пределами центрального донжона, выберешь себе лошадь, сможешь выезжать вместе с дружиной на поездку и посещать тренировочный зал.

– Благодарю.

– Свободен.

– Но...

Я хотел задать графу ещё пару вопросов, в частности, почему у всех обитателей замка на шее или на руке висят защитные амулеты и различные обереги, а у меня – ни одного. Но старший Ройхо так посмотрел на меня,

что я решил не искушать судьбу, покинул библиотеку и направился к себе в комнату.

Далее этот день прошёл как обычно, а вот следующий начался с резкого подъёма. Ещё до рассвета меня разбудил Тайфари, и в одних свободных штанах, перетянутых ремнём, я вылетел на замковый двор, где вместе с воинами графа сделал зарядку и обтёрся свежим снежком. Затем оделся, посетил конюшню, выбрал лошадку поспокойней и через полчаса впервые выехал за стены. Это заняло вместе с поездкой час времени, ещё полчаса ушло на то, чтобы почистить лошадь, и двадцать минут на завтрак. Утро явно было бодрым.

После завтрака вместе с дядькой-учителем мы отправились в оружейную комнату. И какого оружия я там только не увидел, мама моя родная! Одних мечей самых разных типов и видов было порядка семисот штук, а помимо них имелись тяжёлые рапиры и даже пара тонких шпаг. А были ещё копья и рогатины, луки и арбалеты, палицы и топоры, кинжалы, шестопёры, тяжёлые метательные звёзды, трезубцы и многое другое.

– Выбирай, – произнёс мой воспитатель, неразговорчивый и нелюдимый, но по какой-то причине преданный Уркварту, словно собака.

При этом совершенно случайно, на автомате, он посмотрел на меч в простых деревянных ножнах, который находился не в связке и не на стене, а в стойке, немного в стороне. Это был широкий клинок сантиметров шестьдесят в длину с рукоятью, оплетённой кожей, и сильно напоминал римский пехотный меч, который, кажется, назывался гладиус. Мне подумалось, что это оружие прежнего Уркварта. Я взял его, примерился к рукояти, почувствовал, что меч лежит в руках как влитой, и понял, что не ошибся, ранее клинок действительно принадлежал наследнику графа.

– Вот же, – вытаскивая клинок из ножен и всматриваясь в чистую сталь, услышал я позади себя голос Тайфари, – колдовство и болезнь тебя памяти лишили, а руки сами к любимому оружию тянутся.

– Что это за меч? – спросил я дядьку.

– Пехотный корт для ближнего боя, стандартное оружие линейных имперских частей и егерей.

– Угу, – буркнул я и всё так же, не оборачиваясь, резко сменил тему и поинтересовался: – Гради, слушай, а как мы с тобой познакомились?

Тайфари шмыгнул носом.

– Это два с половиной года назад было, Уркварт, в твой тринадцатый день рождения. Тогда твой папёнка тебя в полк взял. А там как раз меня плетью наказывали, восьмой десяток ударов пошёл.

– За что?

– В кости проигрался и пошёл на преступление – совершил воровство полкового имущества. Приговор – двести плетей, а больше сотни никто никогда не выдерживает.

– И что дальше?

– Ты с коня бросился и меня от палача собой прикрыл. Ну, господин граф сжалился надо мной, вспомнил, что я с ним десять лет по всей империи мотаюсь, и сказал, что даёт мне второй шанс. С тех пор я рядом с тобой.

– Понятно.

Мы покинули арсенал, в котором я даже половины всех запасов не видел, и пошли на тренировочное поле, но мне в руки вместо меча дали тяжёлую палку. С этого началось моё обучение у дружинников, и мне пришлось попотеть, потому что воины графа подходили к делу ответственно, со всей серьёзностью. Сначала разминка и силовой тренинг. Затем краткое объяснение того или иного приёма или стойки. А после этого отработка ударов и защиты. И так несколько часов подряд. Обед. И снова всё по новой до позднего вечера. И только в темноте я смог вернуться в свою комнату, помыться, переодеться в чистую одежду, поужинать и отдохнуть, слушая байки Тайфари, который рассказывал мне о мире Кама-Нио более подробно, чем маг.

У благородных своя жизнь, парят себе в поднебесье со своими проблемами и заботами. Так что Ангус затрагивал лишь основные моменты имперской жизни. А такие вопросы, как платёжные средства, сельское хозяйство, придорожные трактиры, жизнь обычных людей, транспорт, почём в столице услуги проституток, сколько стоят рабы и кто противники империи на востоке, юге и западе, его как-то не волновали. И именно от дядьки-воспитателя, а не от мага я узнал, что существуют оборотни и вампиры, которые отнюдь не сказки, а реальность, хоть и редкая, а главная денежная единица империи – золотая монета иллир, которая стоит десять серебряных ниров, а один нир – это сотня медных бонов. Всю эту информацию я впитывал как губка, крепко запоминал, перерабатывал, переосмысливал и подгонял под себя. Это было хорошо, поскольку информация – сила, и новые знания вселяли в меня некоторую дополнительную уверенность в завтрашнем дне и заставляли активней заниматься и тренироваться.

Так я прожил до середины февраля, месяц нара, как он здесь называется. И сегодня впервые у меня был серьёзный тренировочный спарринг с десятником Юнгом, одним из моих учителей. Естественно, я проиграл все три схватки и даже ни разу не дотянулся до сержанта,

слишком тот опытен. Но я выстоял, не сломался, удостоился похвалы ветеранов и от этого был немножко собой горд. А в первых сумерках приготовился к тому, что продолжу слушать истории дядьки.

Однако оказалось, что этот день для семейства Ройхо необычный – День поминовения предков, и вечером должно состояться посещение родового храма. Так что, поужинав, вместе с моими нечаянными братьями Айнуром и Трори мы вышли на покрытый свежим снегом и освещенный масляными фонарями двор замка. Здесь мы присоединились к отцу, матери и сестрам. Глава рода Ройхо оглядел нас и улыбнулся мне. Но, вспомнив, что я не настоящий его сын, снова стал серьезным и хмурым.

Граф зашагал в сторону родового храма, расположенного в левом приморском донжоне. Мы – за ним следом. Через сотню метров все Ройхо вошли в башню и, повернув от входа налево, оказались в просторном помещении в форме квадрата, посреди которого стоял белый мраморный алтарь. Подле него двумя полукружьями горело два десятка свечей, а на стенах храма висело около сотни портретов. Это был своего рода зал славы графского рода. Здесь мне бывать ещё не доводилось, поэтому я осматривал картинную галерею с неподдельным интересом, так как посмотреть было на что. И хотя я не мог сказать о себе, что являюсь ценителем живописи, тем не менее сообразил, что картины написаны профессионалами высокого уровня, а не деревенскими мазилами. Видимо, память предков в замке чтили и на портреты не скупились.

Квентин тем временем начал рассказ о делах древних Ройхо, и три часа подряд все мы внимали его красочной речи и откладывали на подкорку мозга каждое слово. Затем, когда он закончил, вся семья, и я в том числе, встала полукругом вокруг алтаря и хором произнесла слова, придуманные ещё третьим графом Ройхо. Все присутствующие говорили, а я повторял за ними:

– Слава вам, предки наши! Мы, ветви вашего рода, пришли почтить вас, ибо помним о делах ваших славных и о том, кто мы есть в этом мире! Благодарим вас за жизнь и надеемся на то, что сейчас из мира мёртвых вы смотрите на нас с одобрением! Храните наш очаг и благословите своих потомков!

С последними словами пламя свечей на краткий миг взметнулось ввысь. И если бы я был дома, то посчитал бы, что это какой-то фокус. Но поскольку вокруг меня мир Кама-Нио, то вполне возможно, что сейчас за нами действительно, как и говорил Квентин, наблюдали духи семейства Ройхо.

На этом моменте поминовение предков можно было считать

оконченным. Но граф отправил семью на отдых, а мне велел остаться. Когда Катрин и дети вышли, он достал из-за алтаря серебряный витой кубок с резьбой по ободу и бутылку вина, налил в ёмкость тёмно-красную жидкость, поставил её между свечей и сказал мне:

– Дай свою ладонь.

Не задумываясь, я протянул к нему правую, а он крепко ухватил её, как клешнями, и подтянул меня к алтарю. В его руке блеснула сталь кинжала, которая прошлась по коже. Брызнула кровь, и граф, возразить которому я не посмел, стал собирать её в кубок. Я, чтобы не закричать, стиснул зубы. Сколько крови вылилось в вино, не знаю, но граммов сорок – пятьдесят точно, это можно было определить по тому, как уровень жидкости в кубке поднимался.

Наконец граф выпустил мою руку. Я сжал кулак, а Квентин впервые по-доброму усмехнулся и рассёк свою ладонь. Кровь старшего Ройхо смешалась с моей и вином.

– Духи предков! – произнёс граф после того, как кубок наполнился до краёв. – Примете ли вы нового родича в семью Ройхо?! Дайте нам знак!

Вновь взметнулось ввысь пламя свечей. И в этот момент произошло нечто странное и в самом деле чудесное. Кубок начал опустошаться, уровень жидкости опускался на глазах, и вскоре ёмкость была совершенно пуста. Свечи стали гореть ровно, и граф Ройхо, повернувшись ко мне лицом, надел на мою левую руку тонкий витой браслет из серебра с поперечным рисунком руны «Справедливость».

– Что это? – спросил я.

– Оберег, – короткая заминка, – сын. Тот самый, который прежний Уркварт носил до того момента, как умер. Он защитит тебя от сглаза, порчи и большинства враждебных магических действий. Кроме того, он является опознавательным знаком того, кто ты и из какого рода.

– Это значит, что я стал для вас своим?

– Для Катрин и детей ты и так свой, а для меня только приёмный член нашей семьи. Живи по чести и справедливости, и я признаю тебя полностью.

Таким вот образом, сам того не ожидая, я стал приёмным сыном рода Ройхо.

Мы с графом вышли из приморского донжона и увидели, как в замок въезжает закрытый зимний возок на полозьях, сопровождаемый десятком вооружённых всадников. На борту возка был нарисован герб – перекрещенные копья в обрамлении дубовых листьев на малиновом щите. Кто это, я уже знал – троюродный брат графа, барон Юрген Арьян,

добродушный толстяк и повеса, в молодости пустивший по ветру всё немалое состояние своей семьи, но удачно женившийся и за год промотавший приданое супруги, некрасивой и злобной мадам Флоры. Об этом мне рассказал Койн, дабы я знал того, у кого перед своей смертью гостил настоящий Уркварт.

Увидев, кто приехал, да ещё в снегопад и ночью, граф снова надел на себя маску суровости и направился встречать гостя. Я же, понятное дело, двинулся в спальню. Время уже за полночь, а завтра мне снова придётся выйти против сержанта Юнга в учебном поединке, и наверняка он опять мне накомстыляет по первое число, чтобы была графскому сыну хорошая наука и память.

Глава 4

Империя Оствер. Замок Ройхо. 16.02.1401—17.02.1401

Определённо жизнь начинала складываться. И то, что я видел вокруг себя, мне нравилось.

Вчера меня признали духи рода Ройхо, и я стал частью дружной семьи. Впереди учёба в военном лицее. И всё было в моих руках. Поэтому с утра, несмотря на напряжённую ночь, я был бодр, свеж и готов пусть не к великим свершениям, но к усиленной тренировке точно.

Однако в этот день никаких учебных занятий в замке не было, так как дружинники были приведены в состояние повышенной боевой готовности. И виной тому были два события. Во-первых – это приезд барона Юргена Арьяна, который всю ночь о чём-то совещался с графом Квентином. Во-вторых – отъезд мага Койна, за которым прибыл представительный кортеж в лице двух десятков подтянутых и настороженных бойцов с опознавательными знаками магической школы «Торнадо» – спиралью в вихре.

Кстати сказать, помимо всего прочего, с воинами сопровождения барона Койна из города Изнар, где находился ближайший к замку транспортный телепорт, для графа была передана почта, и среди нескольких десятков писем одно касалось меня. Оно было из военного лицея «Крестич», в котором приняли заявку на обучение кадета Уркварта Ройхо и ждали его через месяц для освидетельствования и прохождения медицинского обследования.

«Ура! Ура! Ура! Скоро на волю, и я увижу большой мир! – Такая первая мысль посетила меня, а вторая была более здравой: – Э-э-э, братишка, какая к чертям собачьим свобода? Запрут, как тигру в клетку, и будешь словно стойкий оловянный солдатик, пока ему ногу не оторвало, по плацу маршировать и проходить воду, огонь и медные трубы. Так что, Лёха-Уркварт, готовься к суровым реалиям и не думай, что тебя везде будут, как у Ройхо, принимать по-доброму и с хорошим подходом».

Впрочем, раньше времени себя грузить тяжкими мыслями я не стал, тем более думки гонять было некогда. Вместе с домочадцами я попрощался с покинувшим замок дядей Ангусом, который перед этим уведомил меня, что мой разум окончательно свободен и независим от артефакта «Ловец душ», снявшего с меня копию. И когда конные воины «Торнадо», по сути профессиональные наёмники, работающие на магов за деньги, исчезли в

снежной круговерти февральской метели, я с Тайфари отправился в конюшню и занялся приведением в надлежащий вид своей лошадки.

За этим занятием скоротал время до полудня. После чего вернулся в Центральный донжон и немного раньше времени зашёл в столовую – наручных часов-то нет. По этой причине я стал совершенно случайно свидетелем одного разговора. Через один из четырёх входов сунулся в помещение, а перед основным залом – портьеры, я на секунду за ними приостановился и услышал голос старшего Ройхо:

– Меня не устраивает его предложение.

Следом до меня донёсся несколько натужный и нервный голос толстого барона Арьяна:

– Квентин, ты знаешь, как я уважаю лично тебя и люблю твою семью. Но я прошу тебя, спустись с небес на землю и посмотри на всё происходящее трезво. Кто ты и кто герцог Григ? За тобой немногим больше сотни мечей, замок без дохода, и вдобавок Койн уехал. Против тебя очень богатый человек со своим войском, связями, магами и возможностью нанять за приличную плату самых лучших воинов в империи. У Ройхо нет шансов на победу, и поэтому прими предложение Грига. Ты публично откажешься от своих слов, получишь три деревушки из десяти, которые у тебя отобрали, и всё будет хорошо. Иначе начнётся серьёзная война, в которой ты потерпишь поражение.

«Так вот зачем барон Арьян приехал, – мелькнула у меня мысль. – Герцог хочет мира, и дальний родственник Ройхо выступает как посредник. За ночь он уломать графа не смог. Забавно и интересно, эта информация может когда-нибудь пригодиться».

– Вот, значит, как ты думаешь, Юрген, – сказал граф.

– Да, я так думаю.

– Юрген, ты недооцениваешь меня, старый друг. – Последние два слова Квентин выделил особо. – Замок неприступен, и магией его не взять. Имперцы строили на совесть, так что до весны я в нём любого противника пересижу.

– Ты постоянно поминаешь весну, Квентин. Но что изменится через два-три месяца? Ничего. И даже если вернётся Койн, у тебя нет шансов.

– Открою тебе небольшой секрет, брат. Мне помогут свалить герцога Грига.

– Кто?! – резко вскрикнул барон.

– Пока это секрет. Но, не имея поддержки, я бы и не думал о сопротивлении Андалу, потому что голова у меня на плечах сидит крепко, и она сообщает, что к чему.

– Это кто-то из великих герцогов, который желает подмять владение Грига под себя?

– Придёт время, и ты всё узнаешь. Однако уже сейчас я могу тебе сказать, что это Григ проиграет, а я получу то, что всегда принадлежало Ройхо. Мне чужого не надо, но и своего я не отдам.

– Как знаешь, Квентин. – Барон тяжело вздохнул. – Но ты уже проиграл.

– Время покажет, кто победитель, а кто в дураках остался.

Граф и барон замолчали, а я тихонько вышел из столовой и вернулся в неё через двадцать минут, как раз к обеду. Главы семейства и гостя здесь уже не было, видимо, они пообедали отдельно и ушли в кабинет или в одну из башен замка, так что трапеза проходила в лёгкой и несколько шутиливой обстановке. Девчонки дразнили Трори, который моментально заводился и сразу же начинал ёрзать на месте. Айнур расспрашивал меня о тренировках и мечтал о том дне, когда он тоже сможет заниматься с дружинниками. А Катрин весь обед просто смотрела на детей, думала о чём-то своём и пару раз, словно вспомнив что-то плохое, хмурилась. Однако девочки снова начинали паясничать и баловаться, а смотреть на них без улыбки было нельзя, и она снова становилась спокойной.

Позже я не раз вспоминал об этом обеде и гадал о том, чем было вызвано хмурое облачко на лице графини. Может, она чувствовала беду, гадала о судьбе детей или переживала за Квентина? Не знаю. Но тогдашнее лицо Катрин Ройхо врезалось в мою память на всю жизнь, и именно такой я запомнил её: красивой, уверенной в себе, умной женщиной, которая безмерно любила своих детей и мужа.

Покинув столовую, я вновь отправился на тренировочный плац и застал здесь смешную картину. Десять воинов барона Арьяна, все какие-то толстенькие и неповоротливые здоровяки в шубах, пыхтя и сопя от натуги, с красными, словно помидоры, мордами (на лица заплывшие жиром, перекормленные ряшки бойцов барона не походили) нелепо и неловко тыкали копьями в чучело. Стоявшие вокруг них дружинники графа, подтянутые и вечно настороженные волки, подбадривали их весёлыми выкриками и, словно дети, кидались в их спины снежками.

– Что происходит? – приблизившись к месту потехи, спросил я у Тайфари.

– Да вот, – усмехнувшись, ответил дядька, кивнув на шоу толстяков, – у барона, видать, с деньгами совсем туго стало, и он вместо своих пьяниц, которые у него раньше служили, обжор деревенских набрал. А наши парни их решили немного потренировать.

– Ясно. Сумоисты в бою.

– Какие такие сумоисты?

– Да есть такие герои в одной восточной стране – заплывшие жиром мешки, которые сталкиваются голыми пузырями и выталкивают противника с ковра.

– Наверное, тебе о них Койн рассказал, я про таких людей никогда не слышал.

Понаблюдав ещё некоторое время за вояками барона, которые нелепо падали в снег, снова поднимались и снова атаковали чучело, я подивился тому, как можно так себя запустить, а потом называться воином, и остаток дня провёл в арсенале, где вместе с несколькими дружинниками перебирал, чистил и смазывал оружие. На этом как таковой день закончился. И вполне довольный собой и жизнью, я заснул.

Проснулся я оттого, что в мою комнату кто-то вошёл. Незапертая дверь открылась без скрипа и шума, и по деревянному полу заскользили шаги. Но, несмотря на осторожность вошедшего, я его сразу почувствовал. Армейская привычка. Если в палатке или в комнате общежития шум и гвалт и берцы топчут, значит, всё нормально, а шорох – это уже подозрительно, и мой разум отреагировал на это соответственно. Глаза открылись и стали привыкать к темноте, а правая ладонь метнулась под подушку, где у меня находился нож. Только раньше, когда я был на Земле, под моим спальником лежал самокованный клинок, копия с НР (ножа разведчика), сделанный из рессоры, а здесь, как только я получил разрешение графа на ношение оружия, подыскал себе в арсенале отличный булатный кинжал.

Пальцы обхватили удобную рукоять оружия, и, стараясь не подать виду, что проснулся, я потянул клинок на себя. О том, что делать дальше, я не задумывался, всё определено заранее. Скатиться с кровати и приготовиться к бою. А то мало ли что. Вдруг меня не убивать пришли, а братишки подшутить захотели, а я их клинком по животу. Нехорошо может получиться. Я напрягся и, когда крадущийся человек оказался совсем рядом, был готов действовать. Но меня остановил голос того, кого здесь и сейчас я никак не ожидал услышать.

– Уркварт, вставай, – полушёпотом произнёс барон Арьян.

Кинжал в руке переместился под одеяло, и, не расслабляясь, я сел на кровати и поинтересовался у весёлого толстяка, объёмная туша которого чётко обрисовалась на фоне окна:

– Что вы здесь делаете, дядя Юрген?

– Тебе надо бежать, – заявил он.

– С чего бы это?

– В замке наёмники Андала Грига. Я предлагал твоему отцу замириться с герцогом, а он меня не послушал, гордый слишком и сам себе на уме. Но я хочу, чтобы наследник Ройхо выжил. Поэтому быстро одевайся, я вывезу тебя за стены и дам лошадь, а дальше всё в твоих руках.

– Так что же ты тут рассусоливаешь, дядя?! – Я вскочил на ноги. – Надо тревогу поднимать!

– Поздно!

– Ничего не поздно, всегда можно отбиться. Где отец?!

– Он уже мёртв, – короткий всхлип, – и Катрин тоже, хотя так не должно было случиться.

Во мне словно что-то оборвалось, слишком я привык полагаться на графа. На секунду я растерялся, и тут Арьян, на что неповоротливый кабан, резко ударил меня кулаком в солнечное сплетение. Я задохнулся. А тут новый удар, на этот раз по голове, и после него мой разум погрузился во тьму беспамятства.

Сколько времени я находился без сознания, не знаю. Может, не дольше двадцати минут, а вполне могло оказаться, что и целый час.

Очнулся я во дворе замка, связанный и в одной ночной одежде. Я находился в повозке, верх которой был накрыт пологом, а через широкую щель между бортом и брезентом мог видеть часть тренировочного плаца, который был устлан телами убитых воинов графа Ройхо. Большинство из них, как и я, были в нижнем белье, солдатских кальсонах и майках с рукавом, видимо, смерть застала их во сне. И только бойцы дежурных десятков были в одежде и броне. Но в каком они находились состоянии! Лучше бы я этого не видел. Рваные окровавленные кольчуги, вывернутые наружу ребра и куски мяса, и было совершенно непонятно, каким оружием их убили. Слуг и домочадцев графа видно не было.

«Что делать? – стучалась молоточком в голове единственная мысль, а вместо ответа приходил только очередной вопрос: – Как быть?»

И в этот момент меня накрыла такая тоска и печаль, что захотелось сдохнуть, лечь рядом с дружинниками и больше никогда не вставать. Как же так могло случиться, что приютившая меня семья пострадала? Почему? За что? Зачем это всё – кровь и грязь, смерть и насилие? Пропади всё пропадом!

Долго заниматься самокопанием не пришлось. Откуда-то слева послышался звон клинков и крики. В свете масляных фонарей в доступном мне для обзора пространстве я увидел живых воинов графа, трёх сержантов: Юнга, Тимбора Косого и Гради Тайфари. Эти трое жили вне казармы, в Приморском донжоне над родовым храмом, и, видимо, старые

опытные бойцы почуяли опасность, встретили её грудью и теперь пытаются вырваться из ловушки, в которую превратился для них замок. Но даже я понимаю, что сделать это проблематично, потому что они без доспехов и лошадей и с одними только мечами в руках, а на них насела целая толпа воинов с эмблемами герцога Грига – цветок с шестью синими лепестками на жёлто-зелёном щите. Но, несмотря ни на что, дружинники Ройхо не сдавались, упрямо пробивались к воротам и махали своими клинками так, что любо-дорого посмотреть. Особенно выделялся Юнг, приземистый лысый крепыш в лёгкой набивной шубейке, вроде российской телогрейки.

– Ну, налетай! – выкрикнул он врагам и бросил назад, в сторону Гради и Тимбора: – К воротам! Я прикрою!

Лучший мечник графской дружины бросился в гущу врагов, и в этот момент своей жизни он показал всё, что только мог и умел. Какой-то громила замахнулся на него копьём, а он резко отпрянул в сторону и мягким движением, словно вода, перетёк под его наконечником, оказался рядом с врагом и полоснул своим кортом по его шее. Кровь брызнула во все стороны, но Юнг под неё не попал. Сержант уже находился рядом со следующим врагом, которому рассёк мышцы руки. А затем настал черёд третьего, у которого он ловким выпадом выбил из рук саблю и отсёк ладонь.

Бой был жарким, и, прикрывая своих товарищей, Юнг дрался как бешеный. И он один был сильнее всей своры своих врагов. Но тут, перекрывая звон стали и крики раненых герцогских бойцов, раздался резкий, скребущий, неприятный окрик:

– Всем назад! Пусть этим бешеным гоц займётся!

Воины Грига отхлынули от сержанта, а тот прижался спиной к стене и громко, понимая, что вскоре умрёт, выкрикнул:

– Что, твари! Решили меня стрелами или болтами положить! Говно вы, а не воины! Быдло! Не было вас с нами на Диньском поле, когда мы с асилками три дня резались! Ну, давайте! Стреляйте!

Сержанту никто не ответил. А из темноты, от правой приморской башни появился один из тех толстяков, которые приехали с бароном Арьяном. Только теперь этот человек выглядел иначе – это был не перекормленный жирдяй, а по пояс голый перекачанный здоровяк. Морда по-прежнему заплывшая и сальная, а туловище – сплошь мускулы, как-то неравномерно выпирающие из тела и сплетающиеся в какие-то непонятные формы. И весь вид гоца в данный момент напоминал мне какого-нибудь мутанта из дешёвого американского кинофильма или маньяка,

пережравшего стероидов и стимуляторов роста.

Все воины герцога по-прежнему молчали. Юнг пригнулся и выставил перед собой клинок. А гоц прорычал что-то неразборчивое и без разбега, метров с четырёх прыгнул на графского дружинника. Миг! И он рядом с сержантом, который попытался припасть к земле и подрубить противнику подколенные сухожилия. Но человек-мутант, как я его для себя обозначил, левой рукой схватил Юнга, словно котёнка за шкурку, и бросил на стену. Удар! Сержант пытается подняться и мечом, который он не выпустил из рук, наносит слепой удар в сторону гоца, но тот легко уклоняется и ребром ладони сминает гортань бывалого воина графа Ройхо.

Мне захотелось закричать от того, что я увидел. Но в горле словно комок застыл, не продохнуть и не выдохнуть. Одновременно с последними конвульсиями сержанта Юнга, которого гоц легко отбросил в общую кучу убитых, появились ещё два таких же уroda. Оба они, как и их напарник, подкинули на плац по одному телу, это были Тайфари и Косой.

«Значит, – сделал я вывод – всё, конец боевой дружине Ройхо. Если даже лучшие сержанты не вырвались из лап предателей, про остальных и разговора нет».

На плацу тем временем началось движение, человек с сиплым, скребущим по душе голосом начал отдавать команды:

– Сотня Бойяра, прочесать все помещения в приморских донжонах! Сотня Ингая, за вами Центральная! Сотня Юкио, внешние донжоны! Пельс и Хольс, все хозпостройки, помещения слуг и подвалы! Стражники, следить за пленниками и помогать господам магам! Гоцы, на выход! Ждите за воротами!

Прерывая его, послышался истеричный вскрик барона Арьяна, предателя, который ввёл в замок гоцев и предал родню:

– Пожар в господских покоях!

– Как?! Где?! Кто допустил?!

– Не знаю! Наверное, это гоцы, когда старшего Ройхо убивали, свечку или лампаду перевернули, деревянные полы тлели, а теперь полыхнули. А может быть, старший сын графа, которого до сих пор не нашли, специально всё подпалил.

– Всем свободным воинам тушить огонь! Живо! Повозки и лошадей за пределы замка!

Командир ещё что-то выкрикивал, а повозка, в которой я находился, тронулась с места, и брезент при движении накрыл меня с головой. Рядом ржали лошади и суеились люди, а я уже не обращал на это никакого внимания, просто впал в ступор, и моё тело, которое без движения и тёплой

одежды уже давно заоченело, дёргалось в такт движению повозки. Минут через пятнадцать подёргивание дерева подо мной прекратилось и брезентовый полог откинулся. В свете луны, изредка показывающейся из-за тёмных туч, я увидел над собой насупленное хмурое лицо Юргена Арьяна. Барон кинжалом, кстати сказать, моим, обрезал верёвки на ногах и руках, а затем с лошади, привязанной к повозке, снял узел с одеждой и кинул мне:

– Одевайся! Быстрее!

– Да пошёл ты! Скотина! – разминая кисти рук и вздрагивая всем телом от порывов холодного зимнего ветра, выругался я.

– Понимаю твои чувства, Уркварт. И признаю, что ты имеешь полное право проклинать меня и считать предателем. Но это всё потом, а сейчас тебе надо бежать за пределы герцогства Григ.

Я развязал узел, в котором находилась моя повседневная одежда, и стал одеваться, попутно пытая барона:

– Почему ты предал отца?

Арьян, настороженно всматривающийся в сторону замка, в котором полыхала Центральная башня, отступил от меня в сторону и ответил:

– Квентин – воин, и он имел шанс на победу. Но почему-то не подумал о том, что он сидит в крепком замке, а у меня такого надёжного укрепления нет. И когда ко мне в гости прибыли маги и воины Грига, которые моих троих малолетних детей схватили и каждому к сердцу копье приставили, мне ничего другого не оставалось, как согласиться с условиями герцога. Однако, видишь, рискуя собой, я помогаю тебе спастись.

– Это сколько же на тебе теперь крови будет, дядя Юрген?

– Немало. Но, по крайней мере, твои братья и сестры будут живы, пусть в плену врага, но целы и невредимы. Герцог пообещал, что не будет их мучить.

– Значит, младшие живы?

– Да, я видел их полчаса назад. Они находились под охраной, выглядели испуганно, но держались неплохо, не плакали и не стонали.

– И ты веришь герцогу?

– А мне ничего другого не остаётся. Пока он своё слово держал, а что дальше будет, одни боги и духи знают.

– Как отец и мать погибли?

– Гоцы вошли к ним в спальню и навалились на Квентина. Он пытался сопротивляться, но ничего не смог сделать. Зато Катрин отличилась: схватила арбалет под кроватью и выстрелила, тяжело ранив одного гоца, и ей свернули шею.

– А гоцы – это кто такие?

– Квартероны троллей и людей, они небольшим родом живут под крылом герцога, про них мало кто знает.

Затянув ремень на одежде и накинув на себя полушубок, я сказал:

– Понятно.

После чего прыгнул на Арьяна и попытался его ударить. Но ноги меня подвели, кровообращение ещё не восстановилось, так что толчок был слабым и я не дотянулся до барона. А он отскочил и произнёс:

– Ещё один такой дурацкий поступок – и я позову воинов, и ты присоединишься к своим близким, которым уже не сможешь помочь. – Он сделал паузу и спросил: – Ты понял меня?

– Да.

– Тогда садись на лошадь и скачи к Изнару, сейчас снова метель закружит, так что умчишься и никто тебя не хватится, все подумают, что ты сгорел. Выедешь на Южный тракт, доберёшься до города, через телепорт выберешься за пределы герцогства и только тогда сможешь подумать о мести, хоть мне, хоть герцогу. Деньги, бумаги графа и его печать – всё в чересседельной сумке. Прощай!

– Прощай! – бросил я, вскочил на лошадь и, поворачивая её на дорогу, добавил: – Когда я вернусь, дядя Юрген, то отрежу тебе голову!

– Давай-давай. – Барон устало махнул рукой. – В пути, если решишь остановиться в трактире, в любом, представляйся человеком Арьяна. В этих местах меня уважают.

Ударив стремями по бокам лошади, рысью, только раз оглянувшись на горящий замок, я направился на юг. В голове был полнейший сумбур, и я пытался разобраться в том, что произошло сегодня ночью в замке графов Ройхо. Во мне боролись две мои ипостаси. Одна, земная, говорила, что подрались два феодала, и один из них проиграл, так что я здесь ни при чём, так, сбоку припёка. А другая, уже примерившая на себя личину графского сына, утверждала, что поражение потерпел «свой» феодал, который отнёсся ко мне по-человечески. А значит, выручить из лап подлого – данная характеристика обязательна – герцога Грига своих новых братьев и сестёр моя святая обязанность.

Как поступить, я пока не знаю. Но чётко понимаю, что люди местного правителя Андала Грига меня будут искать, что помощи здесь я не найду, а сам ещё не имею такой силы, чтобы дать противникам отпор. Так что как ни прискорбно это признавать, но барон Арьян, подлец такой, прав. Мне необходимо бежать отсюда, а там видно будет, что произойдёт и можно ли отомстить убийцам графа Квентина, официальным наследником которого,

между прочим, я пока ещё являюсь. Всё получилось печально, семейство Ройхо потерпело поражение, но никто не говорил, что всё будет хорошо и что я попал в сказку. В данном случае если вокруг меня и сказка, то весьма злая и сильно приближенная к реальной жизни, которая совсем не похожа на танцы буги-вуги по весне.

Глава 5

Империя Оствер. Город Йонар. 21.02.1401

Как я добирался в Изнар, главный город во владениях герцога Грига, это целая история с самыми разными мелкими дорожными ситуациями, встречами, разговорами, впечатлениями, наблюдениями, опасениями и переживаниями.

Если кратко, то я рысил на лошадке, предоставленной мне бароном Арьяном, до тех пор, пока бедная животина была в состоянии двигаться. И только когда я удалился от замка Ройхо километров на пятьдесят и лошадь начала спотыкаться, часам к десяти утра, заехал в одну из деревень перед поворотом на Южный тракт и зашёл в местный трактир. Поскольку я впервые был полностью предоставлен сам себе, то всё, что видел в пути, было мне в новинку, хотя понятие о том, чем живут люди окрестных земель, как они отдыхают и почём здесь товары и услуги, я имел и поначалу был намерен не теряться и действовать решительно. Ведь в этом деле, в придорожном отдыхе, главное показать, что ты уже многое повидал и харчевня у дороги, в которую ты попал, не то что не первая, но даже и не сотая на твоём пути. Так меня учил покойный дядька Гради.

Но оружия у меня не было. Барон по какой-то причине мне его не дал – то ли забыл, то ли специально так сделал, чтобы я глупостей не наделал. Знаки принадлежности к свите или отряду герцога у меня отсутствовали. И выглядел я как мечта разбойника с большой дороги – беззащитная потенциальная жертва, так что мог огрести неприятностей и решил на рожон не лезть и воспользоваться рекомендацией Арьяна.

И – о, чудо! Лишь только я вошёл в трактир, обычный продолговатый двухэтажный барак из неотёсанных брёвен, с одной стойкой и парочкой длинных столов с лавками, и заикнулся о том, что являюсь доверенным лицом барона Арьяна, как всё сложилось наилучшим образом. Трактирщик, полноватый дядька с лицом простака и оценивающим взглядом вора, сразу накормил меня, напоил горячим взваром и предоставил свежую лошадь. Видимо, Арьяна здесь знали, да и немудрено, его хлипкий замок находился всего в десяти километрах отсюда. Правда, за все свои услуги хозяин заведения содрал с меня целый золотой иллир, что было втрое выше предполагаемых расходов.

Ну и ладно, расходы на тот момент меня не волновали. В харчевне я смог немного передохнуть, отогреться и в тёмном уголке осмотрел сумку с

вещами. И что же я там обнаружил? Во-первых, раритет – защищённую магией от плесени, сырости и ветхости грамоту от самого первого императора Иллира Анхо, которая удостоверяла право семейства Ройхо титуловаться графами. Во-вторых, графскую родовую печать – руна «Справедливость» на фоне солнца. В-третьих, деньги, целых двадцать пять золотых иллиров. Огромная сумма для одинокого парня без поддержки, дома и перспектив и ничтожная для графа. И у меня появилось подозрение, что я получил лишь двадцатую – тридцатую часть казны Квентина Ройхо. Где остальное? Хм, думаю, что у дяди Юргена и солдат герцога Грига. Ну и последнее, что находилось в сумке, – это письмо из военного лица «Крестич» с приглашением на учёбу. Больше у меня ничего не было.

Я был готов продолжить путь. Купив у трактирщика, опять же втридорога, стандартный корт, заложенный ему одним из наёмников пару лет назад, я оседлал свежую лошадь и продолжил путь к Изнару и спасительному для меня транспортному телепорту.

Кстати, насчёт телепортации. Переброс материального объекта из одной точки пространства в другую был исследован ещё во время становления империи Ишими-Бар. Но всерьёз строить установки телепортации начали лишь во времена Иллира Анхо. Слишком это был трудоёмкий и затратный процесс, который требовал точных математических расчётов, приложения серьёзных магических сил и немалого количества редких и дорогостоящих материалов, из которых изготавливались телепорты.

Из чего конкретно состоит установка телепортации и за счёт чего она работает, конечно же я не знал. Но мне было известно, что всеми уцелевшими в империи Оствер транспортными телепортами уже лет четыреста владеет магическая школа с незатейливым названием «Истинный свет», и, наверное, это самая богатая структура во всём государстве. Почему? Догадаться несложно, поскольку весь доход за частную почту и грузопассажирский поток, идущий через телепорты, которых осталось около трёхсот пятидесяти штук из полутора тысяч, оседал в этом магическом клане, и даже Верховный имперский совет не смел покуситься на эти деньги. И соответственно, школа «Истинный свет», как и любая сильная организация Оствера, имела свои особые поселения, частную армию, мастерские и рабов. А вокруг каждой установки телепортации маги воздвигали крепость, которая являлась нейтральной территорией в любой части империи.

К концу первого дня, устав сам и утомив вторую лошадь, я выбрался на Южный тракт. И уже здесь почувствовал себя в относительной

безопасности. Конные патрули герцога Грига, надо отдать ему должное, следили за основным торговым маршрутом зорко и разбойников вылавливали быстро. Да и вообще, проехавшись по землям этого правителя, я сделал для себя вывод, что герцог – крепкий хозяйственник, который всё делает в меру и не сдирает со своих подданных три шкуры. Во многих иных феодальных владениях, по рассказам дружинников графа Ройхо, к середине февраля люди уже толчёную кору с деревьев ели и корешки копали. А тут, в самом северном герцогстве империи, они её только добавляли в остатки муки, а в харчевнях имелся запас продовольствия, которое можно было взять под залог имущества, сельхозинвентаря или в счёт будущего урожая и охотничьей добычи. Так что народ под властью Грига жил сносно.

Ночь я провёл в трактире, где снова назвался человеком Арьяна, и опять меня обжулили. Кстати, выяснил, почему хозяева этих придорожных заведений так относились к барону и его людям. Юрген Арьян привык жить на широкую ногу. И даже в нашей (надо же, начинаю привыкать к тому, что империя Оствер моя новая родина) провинциальной глуши, вдалеке от славного столичного города-миллионника Грасс-Анхо, он и его люди продолжали держать марку и пускать всем окружающим пыль в глаза. И само собой, для сельских трактирщиков барон был самым лучшим клиентом, с которого они за всё брали тройную цену. Но и обслуживали его при этом быстро и по высшему разряду. Вроде бы чепуха получается: Арьян – лопух, а хитрые простолюдины из сферы обслуживания делают на нём деньги. Однако, как мне показалось, в этих отношениях имелось какое-то второе дно, а вот какое, разбираться мне тогда было некогда, хотя зарубку в памяти я сделал.

Следующие два дня пути прошли вполне спокойно. И ближе к вечеру третьих суток, голодный и замёрзший, я пристроился к одному деревенскому обозу, без проблем миновал сторожей и въехал в Изнар. Стражники спешили закрыть ворота и вернуться в тёплую караулку, и на меня никто не обратил внимания, так как в общей толпе людей, лошадей и саней, которые потоком шли за стену, я ничем не выделялся.

На красоты главного герцогского города, население которого официально достигало двадцати пяти тысяч человек, смотреть было некогда, да и ночь всё больше окутывала его. Оказавшись за стенами, я отстал от обоза и, свернув направо, метров через триста остановился перед высокой внутренней стеной и воротами, ведущими в твердыню школы «Истинный свет». Перед ними стояла охрана, десятков воинов в тулупах, шлемах, со щитами и копьями, и один дежурный маг с классическим

посохом в руках. Здесь с меня уже потребовали документы. И, удостоверившись, что я дворянин, а не беглый раб или бандит с каторги, меня пропустили внутрь.

И сразу же разительная перемена. В городе темно, морозно и с небес валит снег, а в форпосте магов – купол над головой, сухо, тепло и в воздухе витают цветочные ароматы. Интересно и необычно. Но погулять по крепости, размеры которой мне были неизвестны, пассажиру-транзитнику никто не дал. Служка в сером балахоне и небольшой круглой шапочке, напомнившей мне среднеазиатскую тибетейку, по широкому и гулкому проходу, который мог бы пропустить многотонную фуру, проводил меня ко вторым воротам.

В этом месте меня встретил ещё один маг, который, сидя за конторкой, поинтересовался:

– Куда намерены отправиться, молодой человек?

Зная, где находится школа «Крестич», я ответил:

– Город Йонар.

– Так-с. – Маг достал большую потрёпанную тетрадь, открыл её, пожевал губами и произнёс: – Это четыре тысячи километров, с вас десять иллиров.

Я присвистнул:

– Ничего себе. Откуда такие расценки?

– Тысяча километров для одного человека, который не находится на службе магических школ и не имеет чести принадлежать к слугам императора и Верховного имперского совета – это две монеты. Лошадь в четверть цены. Итого десять иллиров.

– А если я лошадь оставляю?

– Невозможно. Вы с нею вошли и с нею выйдете.

«Всё ясно, – подумал я, – барыги хотят срубить с провинциала денег, а мне деваться некуда».

– Согласен, – вздохнул я, доставая кошелек.

Расплатившись за транспортировку к Йонару, с неказистой крестьянской лошадкой в поводу, которую стоило бы оставить за воротами, я направился за вторую стену. Несколько десятков шагов – и я оказался в огромном зале, в центре которого находился расчерченный узорами и рунами десятиметровый круг. Ещё один служитель в балахоне и тибетейке проводил меня на середину зала, удалился, и через двадцать секунд, не больше, совершенно незаметно для себя я оказался в другом таком же зале. Вот и вся телепортация, чудо из чудес и сказка для землян.

В Йонаре тоже был вечер. И, отправив письмо дяде Ангусу с

уведомлением о том, что произошло, я покинул форпост магов и оказался на улице, которая была заполнена спешащими по своим делам горожанами.

Первое моё впечатление – удивление. Город Изнар, откуда я только что прибыл, был атакован метелями и морозами, а в Йонаре, столице великого герцога Канима, раскинувшейся на берегу тёплого Исарийского моря, погода соответствовала мягкой поздней осени, температура воздуха – плюс пять-шесть градусов по земному Цельсию. И здесь, посреди улицы – грязный паренёк в тулупе и с усталой лошастью. Так что совершенно естественно мной сразу же заинтересовался городской патруль.

Кто таков? С чем прибыл? Какова цель визита? Вопросы стражников были совершенно стандартные, как и мои ответы. Уркварт Ройхо, граф (Квентин убит, и, наверное, я могу так себя называть), прибыл из Изнара в Йонар для обучения в военном лицее «Крестич». Правда, несколько рано, но так сложились обстоятельства. Стражники были удовлетворены и порекомендовали не очень дорогую гостиницу на восточной окраине города, именно в той стороне в нескольких километрах от Йонара и находился лицей. И вскоре я уже снял номер, за гроши продал лошадку и, подперев изнутри дверь моей комнатки шкафом, отрубился без задних ног.

Утро началось с того, что в дверь стали тарабанить кулаками, и я, вынув из ножен корт, приготовился к бою. Но вскоре в шуме распознал голос барона Ангуса Койна и, отодвинув шкаф, открыл дверь, за которой находились встревоженные слуги гостиницы и маг, который незамедлительно желал видеть своего племянника.

С моим явлением всё успокоилось. Маг прошёл в комнату, устало рухнул на мою кровать, прислонился спиной к стене и выдохнул:

– Рассказывай.

О чём, я понимал, а потому, сев на табурет напротив Ангуса, подробно изложил ему свою версию всего произошедшего в замке Ройхо. После чего выложил из сумки имперскую грамоту на титул графа и печать. И, помолчав, спросил Койна:

– Что мне теперь делать?

– Живи и учись. Будь достойным Ройхо и готовься к тому, что Григ попытается тебя убить. Если выживешь, отомстишь ему и постарайся выручить своих близких. Разумеется, если ты захочешь это сделать.

– Захочу. – Я кивнул. – Добро не забывается, и кроме того, меня признали духи семьи Ройхо. Только хотелось бы узнать: а ты мне поможешь?

– Помогу, если сам к тому моменту, когда ты решишь действовать, всё ещё буду жив.

– Дядя Ангус, а почему бы сейчас не вмешаться и младших не спасти? Ведь ты же чародей?!

– Да, я маг. – Койн усмехнулся. – Но бедный и не очень сильный, хотя кое-что умею. И я могу выступить против Грига только как частное лицо, без поддержки своей школы, он же имеет право выставить против меня все свои силы. У вас на Земле магия кажется чем-то всемогущим, а в империи Оствер это всего лишь вспомогательная вещь. И в бою, как правило, побеждает тот, у кого больше золота, потому что он может позволить себе дорогие артефакты, свитки, амулеты и накопители энергии. Это как в вашем мире: два человека, оба одинаковые, но у одного ружьё фитильное, а у другого многозарядная дальнобойная снайперская винтовка. Они в чистом поле, и кто победит, совершенно ясно.

– Да. Только младших жаль.

– Думаю, с ними всё будет в порядке. Григ – расчётливый мерзавец, которому уже под сто лет, хотя выглядит на сорок пять, и он им ничего не сделает. По крайней мере до тех пор, пока ты жив, а дети не подросли. Так что, скорее всего, они будут находиться у герцога под боком и на коротком поводке.

– А почему Григ так поступает?

– Древняя дворянская кровь дорого стоит, Уркварт, чтобы ею разбрасываться. Пока они заложники. Позже девчонок можно выдать замуж за своих верных баронов или союзников, а мальчишек женить на какой-нибудь богатой вдовушке из торговцев или мещан, которая мечтает погулять в столице как графиня Ройхо.

– Но граф может быть только один.

– Правильно. Поэтому тебя могут убрать ещё и за титул. Ты знаешь, сколько стоит старое графское звание?

– Нет. Сколько?

– Ну, твоему отцу в своё время предлагали двадцать тысяч иллиров.

– Ничего себе!

– Вот так, а с тех пор цена только росла, поскольку богатеет стало больше, а старых дворян меньше. Так что если представить, что честный и не вороватый полковник регулярного имперского полка получает тридцать золотых монет в месяц, а капитан и лейтенант по двадцать и пятнадцать соответственно, и живут офицеры небогато, то рано или поздно у них появляется соблазн принять выгодное предложение. Например, от какого-нибудь купца о женитьбе на его дочери, или подписать договор с иностранным правителем на переезд в его королевство. И это только армия, а помимо неё имеются бедные столичные чиновники, простые помещики и

бастарды, и уже немало дворян за деньги свою свободу продали. Старая кровь с каждым столетием только дорожает, а соблазнов всё больше, и таковы нерадостные для нашей империи факты.

– Значит, младшим Ройхо смерть не грозит?

– Нет.

– А помимо титула, дворянская кровь ещё чем-то ценится?

– Конечно. Это ведь не только история рода, корни и уважение. Но и способности к магии, которые передаются по наследству. В своё время, в империи Ишими-Бар, а затем и в Оствере, целое министерство занималось вопросами расовой политики и давало разрешения на браки между людьми. И в итоге за тысячелетия сложилась каста дворян-магов, которые чувствуют энергетику дольного мира, меньше болеют, дольше живут и могут понимать желания и чаяния духов и богов.

– Но ты ведь сам говорил, что магические силы проявляются и среди крестьян?

– Да, это так. Но если среди простых граждан способности к магии лишь у одного из нескольких тысяч, то дворяне из старых семей поголовно маги. Только одни аристократы, меньшинство, развивают в себе этот талант, который требует долгой учёбы, полнейшей самоотдачи и самоотречения. А другим, большинству, он не нужен, и даже в чём-то мешает, и поэтому они используют удобные для себя амулеты и артефакты.

Мы помолчали. Маг выложил на столик рядом с грамотой Иллира Анхо и печатью свой кошелёк и встал.

– Завтра к тебе мой слуга подъедет, зовут Сенас Аминари. Он поможет тебе освоиться и уладит все формальности в лицее. Я буду навещать тебя, когда смогу. Деньги не транжирь, я отдал тебе все свои накопления, больше у меня нет. Удачи – и прощай!

Койн кивнул и вышел, а я, оставшись один и оказавшись предоставлен самому себе, полчаса сидел и просто смотрел в окно. Затем встал и проверил кошелёк барона. В нём было семнадцать иллиров. Не густо. Плюс мои девять. Итого двадцать шесть золотых, на которые мне придётся прожить почти месяц до поступления в военный лицей и три года в нём. Положение не очень хорошее, но и не самое поганое. Вспомнить хоть тех же крестьян в деревнях вдоль Южного тракта. Вечное полуголодное существование и надсмотрщик герцога с плетью или дружинник с мечом. И ничего, живут и даже порой могут смеяться и радоваться каким-то своим событиям, женятся, строят планы на будущее и растят детей.

В общем, моя жизнь продолжалась, и начинался новый её этап. Спрятав кошелёк в небольшой сундучок, привинченный к полу, – сейф,

предоставляемый управляющим гостиницы для дворян, я отправился в город, где должен был подстричься, привести себя в порядок, прикупить одежду по сезону и посмотреть на жизнь местных граждан. Кроме того, имелось огромное желание более подробно покопаться в истории этого мира, посетить оружейный магазин, а затем взглянуть на то, что продаётся в специализированных лавках, торгующих амулетами и иными магическими вещами.

Глава 6

Империя Оствер. Замок Григ. 26.02.1401

Правитель самых северных территорий империи Оствер герцог Андал Григ, крепкий кареглазый мужчина с шапкой густых чёрных как смоль волос, который выглядел на сорок пять лет, хотя ему недавно исполнилось девяносто восемь, сидел на своём троне и смотрел на стоящих перед ним детей покойного графа Квентина Ройхо. Два настороженных насупленных мальчишки и две девчонки, с любопытством взирающие на него, милые и незлобивые существа, которые не были виноваты в том, что их отец перешёл ему дорогу и за это поплатился жизнью. И сейчас, решая их судьбу, герцог, у которого было семь своих законнорожденных детей и полтора десятка бастардов, был рад, что не послушал советников, предлагавших уничтожить весь род Ройхо. Тогда он решил, что должен пасть глава рода и его наследник. Но с Урквартом Ройхо вышла заминка – по какой-то причине после первого покушения он выжил. Зато с Квентином, которого Андал помнил ещё ребенком, разобрались чётко. Правда, при этом пострадала его жена, и в замке выгорела Центральная башня с немалыми материальными ценностями, а это в планы герцога не входило, и результаты операции против Ройхо назвать превосходными было нельзя.

Впрочем, для герцога всё сложилось относительно неплохо. Потери минимальны, всего один раненый гоц и семнадцать убитых дружинников. Это немного. Вот если бы Ройхо дотянул до весны, тогда да, пришлось бы воевать всерьёз, потому что к нему на помощь должен был подойти один из сыновей великого герцога Канима с несколькими наёмными отрядами и магами. А так все внутренние проблемы севера решены, вокруг тишина и покой, последний независимый замок герцогства находится под контролем воинов Грига, а дети смутьяна Квентина «гостят» в его резиденции.

– Ваша светлость, – от левого подлокотника к герцогу наклонился его первый советник Юни Пран, колченогий хитрый старик с лысиной, похожей на яйцо, который и спланировал операцию против мятежного графа, – что прикажете делать с детьми рода Ройхо?

Андал уже всё решил. Но он никуда не торопился и поинтересовался у Юни:

– А ты что посоветуешь?

– Близняшек можно оставить в вашем замке. Красивые девушки

вырастут, и они могут стать хорошими жёнами для младших Григов или ваших верных вассалов. А мальчишек надо бы разъединить. Айнура оставить, он наследник титула, а Трори – продать в королевство Ассир, тамошний правитель за такого красавца с хорошей родословной даст не менее десяти тысяч полновесных золотых монет со своим ликом.

– Ну а ты что думаешь?

Герцог повернулся ко второму советнику, высокому и несколько нескладному молодому человеку с раскосыми глазами и длинными белоснежными волосами, спадающими на плечи, своему незаконнорожденному сыну от рабыни дари, Вейфелю. Полукровка, зачастую думавший и поступавший не как человек, оправил тяжёлый багровый плащ, в который он кутался, и ответил:

– Необходимо удостовериться в том, что Уркварт мёртв, и только тогда принимать решение.

– Парень сгорел в одной башне с родителями, его труп был найден на нижнем этаже, – сказал Юни Пран.

– Вы за это ручаетесь, уважаемый Юни? – Вейфель смерил первого советника холодным змеиным взглядом.

– Ну-у-у... – протянул лысый хитрец.

В этот момент, не дав советнику договорить, появился его сын, командир дружины Скир Пран по прозвищу Ржавый, который командовал атакой на замок Ройхо. Воин порывисто пересёк тронный зал, миновал детей графа Квентина и, подскочив вплотную к трону, упал на одно колено и виновато склонил голову.

– В чём дело, Скир? – задал ему вопрос герцог.

– Повелитель, я виноват, – неприятным скребущим голосом прохрипел Ржавый.

– А конкретней?

– Уркварт Ройхо жив, а палёный костяк в Центральной башне графского замка принадлежит одному молодому оруженосцу, про которого думали, что он дезертировал.

– Как узнал, что наследник Квентина уцелел?

– Мои люди регулярно поставляют мне информацию о том, кто убыл из Измара через телепорт. В журнале есть запись, что Уркварт Ройхо покинул наше герцогство четыре дня назад.

– Ты разобрался, как он выбрался из замка?

– Да, повелитель. Ему помог Юрген Арьян. В этом нет никаких сомнений.

– Где сейчас наследник Ройхо и барон?

– Арьян как сквозь землю провалился. Вместе со своими детьми, бросив жену, он покинул родной замок и скрылся в неизвестном направлении. А Уркварт находится во владениях великого герцога Ферро Канима и вроде бы ждёт зачисления в военный лицей.

– Как он проник в Изнар? Опять стража спит?!

– Не знаю.

Андал Григ посмотрел на советника Прана, а затем вновь на его сына:

– Ты виноват, Ржавый.

– Мой герцог, прикажи, и я лишу себя жизни! – воскликнул воин.

– Это не выход. – Григ усмехнулся, прищурил левый глаз и вынес свой вердикт: – Отправляйся вслед за Урквартом и убей его, это твой единственный шанс заслужить прощение. Мне всё равно, как ты это сделаешь: наймёшь людей или лично его прикончишь. Однако учти, если тебя схватят волкодавы Канима, я тебя знать не знаю и объявлю Скира Прана вором, беглецом и изменником. Ты понял меня?!

– Да, повелитель!

– Пшёл вон! – Скир Пран встал и бегом покинул тронный зал, а герцог вновь обратил внимание на растерянных детей и, не глядя на первого советника, приказал: – Ройхо держать вместе. Приставить к ним ответственных людей и следить за щенками в оба глаза. Если что-то будет не так, ответишь головой.

Юни закивал:

– Всё понял, мой герцог. А что делать с Арьяном?

– Разумеется, искать его, Пран. Я не намерен прощать предательство, и, когда этот кусок весёлого жира найдут, он ответит за измену. Все свободны. – Стражники и две няньки, дебелые тётки лет под сорок, вместе с детьми направились в левое крыло замка. Следом за ними двинулись советники. Но Андал бросил в спину своему сыну-полукровке: – Вейфель, останься. Я желаю отправить послание барону Койну, которому надо выразить мои самые глубокие соболезнования по поводу нападения разбойников на замок Ройхо.

– Слушаюсь, мой господин.

Вейфель подошёл к небольшой конторке, чуть правее трона, и приготовился писать. А герцог, полуприкрыв глаза, улыбнулся и начал:

– Глубокоуважаемый барон Ангус Койн. С прискорбием я узнал о горе, посетившем всех нас...

Империя Оствер. Город Йонар. 5.03.1401

Немного расскажу о моей жизни перед поступлением в военный

лицей.

Чем больше я бродил по Йонару, тем больше мне нравился этот город на берегу ласкового тёплого моря, с высокими крепкими стенами, каменными двух- и трёхэтажными домами, ровными улицами и мощным замком на господствующей высоте. Вокруг него жёлто-зелёным ковром раскинулась вширь приморская равнина с мягким климатом. А далее возвышались старые покатые горы, густо заросшие дремучими вековыми лесами и кустарником. Виноградники с крупным мускатом и яблоневые сады. Луга, на которых пасутся отары тучных овец, косяки быстрых чистокровных и полукровных лошадей и стада коров. За ними в уютных долинах находились опрятные фермы, где на ухоженных полях по осени собирали отличные урожаи ячменя и пшеницы, и медные рудники. А помимо всего этого имелись многочисленные рыбацкие деревушки, раскиданные вдоль побережья на сотню километров, и солеварни. И хотя зимой всего богатства этого благодатного края, всех красот его не оценишь, кое-что я в своей жизни уже повидал и мог определиться в том, где оказался. Так что мой вывод о столице великого герцога Ферро Канима был однозначен – это прекрасное место, в котором бы я с удовольствием жил на постоянной основе.

Это что касается Йонара и окрестностей, а если присмотреться к людям, то опять же про местных жителей могу сказать только хорошее. Спокойные и уверенные в себе граждане. Не видно излишней озлобленности, суеты или нервозности. Городская стража ведёт себя вполне прилично и весьма профессионально и если берёт взятки или мзду, то без наглости и рвачества. Военные из армии великого герцога выглядят подтянуто, на мародёров не похожи и за товары расплачиваются деньгами, а не угрозами. Чиновники работают как следует, воры ведут себя тихо, торговцы проворачивают свои дела более или менее честно, и каждый человек из ста с лишним тысяч горожан, словно мозаичный пазл, встроен в жизнь общества. И можно сказать, что город Ферро Канима – это осколок той старой империи Оствер, которая некогда, в свои лучшие годы, властвовала над большей частью этого мира и была образцом честности и порядочности, а сейчас скатывается в глубокую сточную яму без дна.

Всё это я видел, делал выводы, подмечал, что к чему, и старался впитать в себя добрую атмосферу, царящую вокруг меня. Гулял по улицам, любовался замком великого герцога, посещал парки и площади. Но больше всего времени проводил в трёх местах. Первое – конечно же оружейные ряды на городском рынке. Второе – большая лавка торговой компании «Польт», торгующая продукцией магов. А третье – книжный магазин

«Мудрые мысли». Именно в этих точках вместе со слугой барона Койна, низкорослым, очень подвижным и вечно настороженным Сенасом Аминари, я проводил почти каждый день.

Начну с оружейных рядов, которые занимали пятую часть всего немалого по размерам городского торжища. Их я посещал с утра, и в этом месте было столько железного и стального припаса, предназначенного для защиты и убийства людей, что глаза просто разбегались. Оружие империи и окрестных королевств, но помимо него всегда имелось что-то экзотическое, привезённое из-за океана. И любознательный пытливый человек, а я считал себя именно таким, мог, расспрашивая торговцев, каждый из которых являлся экспертом в оружейной тематике, узнать очень многое.

Одноручные и двуручные мечи, сабли, палаши, булавы, шестопёры, ножи и кинжалы самых разных видов и форм, сделанные из стали, тёмной бронзы, железа и даже меди с какими-то присадками. Кольчуги, рыцарские доспехи, щиты, поножи, наручи, шлемы и латы, напоминающие римские образцы. Луки, арбалеты, дротики, рогатины, трезубцы и копья. Всё это манило и привлекало меня. И, всматриваясь в причудливые узоры на металле булатных клинков, я мечтал о таком оружии. Но, к моему великому сожалению, пока что я не имел возможности его приобрести, так как хорошее оружие и броня стоили очень дорого. А денег у меня было всего ничего, и заработать их в неполные шестнадцать лет беглый дворянин, то бишь я, не мог. Так что мне оставалось только наблюдать за более удачливыми и богатыми покупателями, вслушиваться в разговоры оружейников, ведущих спор о преимуществах того или иного меча и расхваливающих свой товар, с тоской вспоминать арсенал замка Ройхо, а затем двигать дальше по намеченному маршруту.

После рынка Аминари и я заходили в харчевни неподалеку, где за очень небольшие деньги можно было вкусно и сытно перекусить и послушать местные новости. Затем мы направлялись в «Мудрые мысли», самый лучший книжный магазин в городе. И здесь, в тишине читального зала я листал страницы фолиантов, которые раскрывали передо мной все грани мира Кама-Нио и рассказывали историю империи Оствер.

И вроде бы всё нормально. То, что мне рассказывали дружинники графа Ройхо и барон Койн, совпадало с тем, что я читал. Однако в одной из книг я выловил некоторую странность, которая меня чрезвычайно заинтересовала. Это было жизнеописание верного рыцаря и сподвижника первого остверского императора Иллира Анхо, герцога Киэпа Акцира. Стандартная история о бедном рыбаке, у которого были обнаружены магические способности, и его приблизил повелитель государства. А

позже, побеждая зло и спасая принцесс, он дослужился до высоких чинов и был могуч, богат и счастлив. Всё ожидаемо и вполне предсказуемо. Но в конце книги имелось официальное приложение с копией послужного списка командующего Юго-Восточной армией маршала Акцира. И в этом казённом сухом документе было сказано, что будущий полководец начинал свой путь военного с того, что четыре года проучился в военном лицее «Шайгер» и был выпущен из него со специализацией «маг-воитель второй степени».

«Оба-на! – подумал я. – Мне говорили, что совмещение двух направлений, воинского и магического, невозможно. И каждый дворянин выбирает для себя только один путь, по которому он и идёт всю свою жизнь. Но есть копия официального документа, в котором указана военно-учётная специальность бойца. И не доверять этой бумаге, которая, вне всякого сомнения, составлена военным, я не могу. Так что получается, откат коснулся не только техники, но и умений? Очень даже может быть».

Итак, уцепившись всего за один факт, я кинулся ворошить другие тексты, касающиеся герцога Киэпа Акцира и военного лица «Шайгер». Но ничего интересного больше не нашёл, во всех иных книгах командующий Юго-Восточной армией преподносился только как воин без магической составляющей.

«Ну и ладно, – решил я, – зайдём с другой стороны. Опрошу книжников и, может быть, от них что-то узнаю».

Однако меня ждало фиаско, а по-русски – облом. Хотя некоторую информацию, обратившись к продавцу, который по роду своей профессии являлся знатоком литературы и истории, я всё-таки получил.

– Понимаете, молодой человек, – близоруко прищурившись, произнёс седой дедушка в сером сюртуке с налокотниками, – термин «маг-воитель» не говорит о том, что выпускник военного лица мог быть одновременно и магом и воином. Это всего лишь значило, что подобный специалист, помимо чисто военных способов, освоил некоторую теорию, которая помогала ему более полно использовать в бою магические предметы, зелья и артефакты.

– Ясно, – слегка расстроившись, сказал я и задал следующий вопрос: – А не подскажете, где бы я мог получить более подробную и исчерпывающую информацию по этой теме?

– Хм, – старичок, божий одуванчик, усмехнулся и обвёл руками все пространство немалого по размерам магазина, который был заставлен книжными полками, где лежали и стояли тысячи книг и свитков, – у нас только общая история, развлекательно-приключенческие романы и

землеописание. А литературу, которая вас интересует, можно найти в библиотеках магических школ, частных хранилищах древних дворянских родов или в военно-учебных заведениях. И если бы вы не были дворянином, то о вашей заинтересованности я бы незамедлительно сообщил стражникам. Но поскольку вы Ройхо и вскоре поступаете в военный лицей, то я всё понимаю и суетиться не стану.

– А разве мои вопросы – это нечто необычное и настораживающее?

– Разумеется, господин граф. И, прожив на свете семьдесят полных лет, – старик вновь усмехнулся, – я неоднократно встречал самых настоящих шпионов, которые охотились за древними знаниями, и, как правило, их вопросы были похожи на ваши. Где находились военные лицеи, которые сейчас закрыты? Чему учили древних воинов? Какова система подготовки? Как определить потенциального мага? Как и из чего делались древние боевые артефакты? Вопросов много, но ни на один из них я не отвечу, потому что являюсь самым обычным обывателем, живущим под рукой великого герцога Ферро Канима, да правит он нами тысячу лет. И каждую потенциально опасную книгу, которая попадает в мои руки, я незамедлительно сдаю в канцелярию нашего благородного и мудрого повелителя.

– Благодарю за разъяснения, – сказал я и, вновь сожалея о том, что не имею доступа к хранилищам замка Ройхо, продолжил ворошить пыльные листы, пытаясь лучше и яснее понять новый для себя мир, который быстро стал для меня родным.

Обычно в книжном магазине мы с Аминари находились до трёх часов дня, а затем направлялись в магическую лавку «Польт», которая, несмотря на своё скромное обозначение «лавка», являлась самым настоящим мини-маркетом с большим выбором товаров и дополнительных услуг. И это было ещё одно место, где я получал новые знания и с лёгкой завистью смотрел на людей, имеющих деньги. Богачи могли себе позволить прикупить всё, что их душе угодно. А я мог только слушать продавцов, наблюдать за демонстрацией товаров, подмечать реакцию опытных людей и делать для себя некоторые выводы на будущее. Дело шло на лад, и вскоре я стал понимать, что не всё так просто, как кажется, и нельзя, словно сорока, бросаться на всё, что блестит и что тебе пытаются впарить торгаши.

Итак, что такое магическая лавка? Это торговая точка, где десяток продавцов-консультантов под присмотром стражников и пары чародеев сбывают с рук предметы производства магических школ – надо сказать сразу, в основном никчёмное барахло. И главные условия при купле-продаже – это фиксированная цена, гарантия на товар и то, что покупатель

в обязательном порядке должен являться гражданином империи Оствер не младше пятнадцати лет.

Вроде бы всё просто, ясно, понятно и прозрачно. Предлагаемый товар делится на две основные категории: активные и пассивные. Первая работает от стандартных накопителей энергии дольного мира, по сути магических аккумуляторных батареек, каждая из которых имеет определённый объём и ресурс работы, в среднем они стоят тридцать золотых. Это конечно же оружие и доспехи, артефакты и руны, украшения и предметы обихода, такие как говорящие двери, охранные сигнализации, следящие устройства, «вечные» светильники и прочее имущество. Вторая категория включает в себя личные обереги и амулеты, зачатое оружие из серебра, посохи, свитки, алхимические эликсиры самого разного предназначения и свойства и боевые одноразовые энергетические капсулы. При этом товары первой категории легче и проще в изготовлении и могут быть использованы кем угодно. А вещи из второй категории – это уже индивидуальный подход и эксклюзив, и в основном они настраиваются на конкретного человека.

В чём же между ними разница? Если не вникать, то различия заметны мало, и поначалу я их не видел. Однако позже, присмотревшись и прислушавшись к опытным людям, для меня разница стала заметна. Активные магические предметы ограничены объёмом аккумуляторов, которые при работе рассеивают вокруг себя энергию. И поэтому любой маг обнаружит человека в боевом доспехе из первой категории за километр и сможет одним лёгким дестабилизирующим заклятием обесточить противника, который сразу же превратится в жертву. А пассивные предметы берут силу от тела владельца и работают не всегда, а лишь в том случае, когда этого хочет хозяин, обладающий прямой связью с дольным миром, – чародей. Именно он является той батарейкой-аккумулятором, подпитывающей зачарованный предмет, который будет работать так, как он захочет и столько, на сколько у него хватит сил. Как важное дополнение, эликсиры, свитки и одноразовые энергокапсулы могут использоваться всеми, но относятся к пассивной категории товаров, так как не рассеивают свою энергию и с годами не теряют полезных свойств.

Так это всё понял я, и, хотя мои мысли не являются описанием всей системы магических предметов в империи Оствер, в которой много нюансов и исключений из правил, это основа, и на неё можно опереться в своих дальнейших действиях. Толкаясь среди людей в магической лавке «Польт», я многое для себя переосмыслил и даже сделал некоторые прикидки на то, что можно прикупить для личного пользования за

четыреста иллиров, если они у меня когда-нибудь будут.

Доспехи, мантии и специализированное магическое оружие мне не нужны, слишком много энергии они потребляют. Поэтому из одежды я бы взял только бельё, которое защищает человека от вошек, блошек и прочей мелкой живности, а помимо этого придаёт владельцу дополнительный заряд бодрости – не очень большой бонус, но полезный. Далее – оружие, один зачарованный серебряный меч и кинжал, как защита от нежити, которая изредка всё же попадает на просторах империи. Затем целебные эликсиры, травяные сборы, сваренные алхимиками магических школ и преобразованные с помощью энергетик дальнего мира, и свитки с заклятиями. В основном меня интересовали простые, надёжные и проверенные временем укрепляющие, восстанавливающие силы и регенерирующие составы. Ну и конечно же мне нравились наполненные разрушительной силой мощные одноразовые энергокапсулы, которые обычно продавались в виде арбалетных болтов, наконечников стрел или обычных металлических шаров. Каждая такая капсула по мощности равна гранатомётному заряду или противопехотной мине ОЗМ, а некоторые образцы, очень дорогие, запросто могут сравниться с РПО-А «Шмель».

Всё остальное – это дорожные и бытовые мелочи, которые облегчают путешествия и повседневную жизнь, или же понты для богатеев. Например, есть чрезвычайно сложный эликсир левитации за сотню иллиров. Зачем мне пять минут полёта, которым без подготовки и опыта очень сложно управлять, с кучей побочных эффектов? Не нужен мне такой полёт, который с вероятностью в пятьдесят процентов окончится моим падением наземь и сломанными конечностями. То же самое касается подводного дыхания, невидимости или ускорения реакций. Эффект есть, но его легко разрушить. Малейшее вмешательство со стороны – и нарушение процесса с тяжкими последствиями для организма гарантировано. Благо я сразу усвоил, что чем сложнее предмет, эликсир или заклятие, тем чаще они дают сбой. Так что для меня, как для будущего воина, такие магические эликсиры и заклятия бесполезны, поскольку в реальном бою их применение почти невозможно.

В общем, такие вот дела. Я всё плотнее вращался в жизнь местного общества, обогащался знаниями, готовился к поступлению в военный лицей и пока жил по своей воле. День был похож на день, сегодняшний исключением не был, и, выйдя из магической лавки «Польт», которая принадлежала акционерному торговому обществу из нескольких влиятельных людей герцогства, мы с Сенасом вернулись в гостиницу. По дороге, двигаясь по освещённым улицам, мы обсуждали увиденное и два с

половиной километра от центра города до восточной окраины прошли быстро.

Всё как обычно. Однако сегодня на входе в гостиницу нас встретил управляющий, вечно весёлый и неунывающий толстячок господин Ирса.

– Что-то случилось? – спросил я у него.

– Да. – Ирса согласно кивнул. – К вам в номер пытался пробраться человек с ножом и арбалетом. Но городская стража его выследила и вовремя схватила. Ничего не пропало, и опасность вам не грозит. Поэтому пока поужинайте, а служанки наведут в вашем номере порядок.

– Хорошо у вас стражники работают, – уважительным тоном произнёс я.

– Вы совершенно правы, господин граф. Мы – самый спокойный город в империи и, без сомнения, самый процветающий и богатый, а всё потому, что герцог держит у себя на службе настоящих профессионалов своего дела.

– Господин Ирса, а нельзя ли мне поподробней узнать, кто был человек, проникший ко мне в комнату, и с какой целью он это сделал?

– Ну... – протянул управляющий, оглядываясь по сторонам так, словно рядом были шпионы герцога Канима, – вообще-то это противозаконно. Но у меня есть знакомый сержант в страже, и он может посодействовать вашей просьбе, господин граф. Однако для него это риск лишиться хорошего места и потеря репутации.

Из кармана моего лёгкого чёрного полупальто, в каких ходило местное население, появился полуиллир – золотая монета весом в шесть граммов, которая опустилась в ладонь Ирсы и моментально из неё исчезла.

– Мне очень нужна эта информация, господин Ирса.

– Она будет, но это ещё целый иллир, господин граф.

– Хорошо, – внутренне содрогаясь оттого, что денег у меня становится всё меньше, спокойно согласился я.

– Завтра утром вы будете знать результат допроса, а пока прошу отужинать. У нас сегодня кальмары, жареная ставрида с печёным картофелем и молодой барашек на вертеле.

Через пару минут, помыв руки, я сидел в зале для благородного сословия, с аппетитом уплетал рыбу и посматривал на щуплого паренька в потёртом синем камзоле и при тонком мече на левом боку, расположившегося за соседним столиком. Быстро прикончив ужин, я вытер руки салфеткой и, заметив, что молодой дворянин посмотрел на меня, улыбнулся и представился:

– Граф Уркварт Ройхо, готовлюсь к поступлению в военный лицей

«Крестич».

Парень помедлил, покраснел и представился в ответ:

– Виран Альера, второй сын графа Рольфа Альеры, так же как и вы, прибыл в «Крестич».

– Видимо, вместе учиться станем.

– Наверное. – Виран пожал плечами.

Так я познакомился со своим первым соучеником.

Глава 7

Империя Оствер. Город Йонар. 5.03.1401—6.03.1401

Мой новый знакомый, Виран, был личностью экстравагантной и со странностями. На Земле про таких людей говорят – в тихом омуте черти водятся. Второй сын графа Альеры, мой ровесник, с виду выглядел скромным и стеснительным парнем. Но когда я познакомился с ним поближе, то понял, что это человек-пламя, который горит своими страстями и желаниями, готов сметать с пути любые препятствия и крайне щепетилен в вопросах чести. Поэтому, вполне естественно, Виран постоянно влипал в неприятности. И его отец, от греха подальше, после того как сын чуть не наварлся на драку с соседом, бароном Бальбиро, отправил сына в учебное заведение, где некогда учился он сам и его наследник, всего год назад окончивший «Крестич».

Итак, я свёл знакомство с первым сотоварищем по учёбе, и первое, что мы сделали, – это взяли две бутылки лёгкого хмельного вина из местного муската и хорошего сыра и, расположившись подле камина в обеденном зале для дворян на первом этаже гостиницы, приступили к беседе. Наши слуги, мой временный подчинённый Аминари и два дружинника графа Альеры, в это время охраняли наш покой. Они быстро навели мосты дружбы с патрулём городских стражников, который после поимки убийцы находился поблизости, и сами всё время были неподалеку.

Слово за слово, я узнал от Вирана, что дворянское семейство Альера – вассалы герцога Канима, бедные, но гордые люди, и единственный для них шанс получить хоть какое-то приличное образование – это обучение в военном лицее «Крестич». И хотя моего нового знакомого хотели отправить на учёбу только через полгода, после трений с соседом на семейном совете было решено не медлить. Такая вот история, и, выслушав её, я поведал свою. А как только закончил рассказ, молодой Альера предложил сбежать от слуг и отправиться на север, пробраться в логово злой твари герцога Грига и прикончить его. Я был уверен, что Виран говорил на полном серьёзе и действительно был готов немедленно бросить всё и кинуться в драку с Андалом Григом и всеми его солдатами, магами и гоцами.

К счастью, запал у Вирана был короткий. Вскоре я отговорил его от похода на север, сказав, что для начала необходимо стать великими бойцами, а только потом драться с коварным герцогом, которому чуждо понятие чести. Затем я аккуратно перевёл разговор на предстоящую учёбу.

И молодой Альера, который от отца и брата про «Крестич» знал немало, за вечер рассказал мне о нём в несколько раз больше, чем я узнал об этом учебном заведении за всё время моего пребывания в Йонаре или замке Ройхо.

– Странно, что ты не слышал про «Крестич», – раскупоривая вторую бутылку вина и разливая по бокалам тёмно-бордовый напиток, произнёс Виран.

– Я из глуши, с севера, так что мне простительно, – ответил я. – Поэтому хотелось бы подробностей.

– С чего начать?

– С самого начала.

– Ну, раз так, то слушай. Когда империя была в силе и наступала на своих соседей по всем фронтам, Иллир Анхо повелел создавать военные лицеи. За всю его долгую жизнь было основано сорок военно-учебных заведений с упором на какой-то род войск. Одни готовили моряков, другие – кавалеристов или пехотинцев, третьи – инженеров, пограничников или разведчиков. Когда великий правитель умер, империя прекратила натиск на соседей, и количество военных лицеев стало сокращаться. И так происходило до тех пор, пока не осталось всего десять учебных заведений общевойскового типа. А лет триста пятьдесят назад и эти расформировали. Но к счастью, при дворе быстро опомнились и восемь лицеев восстановили. Среди них и «Крестич», который изначально готовил пограничников, но основной упор в нём всегда делался именно на охрану имперских рубежей.

Виран сделал глоток вина, посмаковал его, а я спросил:

– Однако, насколько я понимаю, на данный момент военный лицей находится под контролем Ферро Канима. Как так получилось?

– Недостаток финансирования из столицы сказался на учебном процессе и уровне подготовки молодых офицеров. И дедушка нынешнего великого герцога взял училище на баланс собственной казны, а его преемники продолжают политику своего предшественника. Ну и конечно же если Канимы платят деньги учителям и обеспечивают кадетов всем необходимым, то именно они определяют, чему и как учить молодых дворян.

– И какие дисциплины преподаются в «Крестиче»?

– Самые разные. Пехотная и кавалерийская тактика, письменность и словесность, фортификация и инженерное дело, строевая подготовка и математика, несение гарнизонной и караульной службы, боевая магия и военная топография, фехтование и верховая езда, этикет и хорошие

манеры, снабжение войск и разведка, уставы и обзоры иностранных армий. В общем, не соскучишься.

– А методы какие?

– Староимперские. – Альера усмехнулся. – Минимум свободного времени и максимум учебных часов. Не выдержал, катись за ворота, а не хочешь сам уйти, тебе помогут. Сержанты за стенами училища суровые, палки применяют без промедления, и им плевать, что кадеты дворяне, а они простолюдины. Для них это не имеет абсолютно никакого значения. Или учись, или получай тумаки.

– А что насчёт отпусков, они бывают?

– Первый – через год на две недели. А потом ещё два, один на три недели, другой на неделю перед сдачей экзаменов. И это послабление, поскольку в империи даже этого не было, на территорию военного лица вошёл – и выйдешь уже офицером или трупом.

Я выпил сладковатого муската и продолжил задавать вопросы:

– Допустим, мы с тобой выдержим подобное обучение, пройдем все испытания и через три года получим офицерский патент. Что дальше? Куда можно направиться и где пристроиться?

– Да где угодно. Выпускники любого военного лица нарасхват.

– Но я слышал, что в армейских полках вакансий нет.

– Ну и что? Помимо имперской армии есть частные войска магических школ, а ещё – наёмники, баронские, графские и княжеские дружины, отряды Торгово-промышленной палаты и вольные ватаги, ведущие свою собственную войну с кочевниками на северо-востоке Эранги и пиратами на западе Анвера. Воины нужны всегда, и сейчас, когда на границах неспокойно, особенно.

– А ты где хотел бы послужить?

– Ещё не думал об этом, – ответил Виран. – Пока мечтаю по белому свету побродить и на мир посмотреть. Но если мне предложат вакансию в армии великого герцога Канима, я не откажусь, так как это интересно и прибыльно.

Альера налил ещё по одному бокалу вина, затем ещё, и к концу второй бутылки мы уже были очень добрыми приятелями. Обсудив с Вираном самые разные темы, ближе к полуночи мы собирались расходиться по своим комнатам. Надо было отдохнуть, а завтра, на свежую голову, мы решили вместе прогуляться по славному городу Йонару и пофехтовать друг с другом. Добрый вечер, хороший собеседник, приподнятое настроение и лёгкий хмель в голове. А помимо этого был схвачен убийца, которого сейчас допрашивают стражники герцога. И хотя мне ясно, что, скорее

всего, он прибыл с севера и нанят людьми Грига, уже утром я буду знать точно, кто он и почему решил на меня напасть. В общем, ещё одни сутки были прожиты, и ладно.

Мы с Вираном встали и в самом благодушном настроении двинулись на выход из обеденного зала. И в этот момент, грубо расталкивая нас широкими плечами, в помещение вошли два крепких здоровяка, лет по восемнадцати, одетые как богатые дворяне, в расшитые серебряными позументами камзолы и при мечях, которые висели на перевязях. Хамство? Ещё какое. И к этому добавилось то, что один из наглецов, направляющихся к камину, где мы только что сидели, проворчал:

– С дороги, рвань подзаборная!

Это уже оскорбление, и за него было необходимо потребовать сатисфакции. Но дуэли в Йонаре были запрещены под страхом смертной казни, и за свои клинки ни я, ни Виран не схватились, а вместо этого переглянулись, кивнули один другому, без слов понимая, что необходимо сделать. Альера повернулся к дворянам и, выставив вперед левую ногу, поинтересовался у новых постояльцев гостиницы:

– Животные, вы из какого хлева выползли?

– Что?!

Пристроившиеся у огня дворяне резко обернулись и в недоумении посмотрели на Альеру. И тут в разговор вступил я:

– Мой друг интересуется, где выращивают такое быдло, как вы?

Здоровяки вскочили и кинулись на нас. Один на Вирана, второй на меня. Нападавший на меня широко размахнулся, и если бы его увесистый кулак попал в меня, то черепно-мозговая травма была бы гарантирована. Но я не стал ждать, пока мне нанесут увечья, а сам стал действовать. И пусть фехтовальщик я пока никакой, но о рукопашном бое понятие имею. Поэтому, чуть пригнувшись, я поднырнул под богатырский замах дворянина и врезал противнику в челюсть. Сильный, отработанный удар не раз выручал меня в непростых ситуациях. Вот и сейчас всё сложилось так, как надо. Наглец потерял пару зубов и сознание, рухнув на обеденный стол, разнесся его в щепки. А я кинулся на выручку к Вирану, который схватился с более массивным, чем он, противником в жёстком клинче и никак не мог вырваться из захвата, при этом хамоватый бычок с позументами по всей одежде пытался ударить его головой в переносицу.

– Эй! – подскочив к борющимся сбоку, выкрикнул я.

Наглец, посмевавшийся оскорбить нас с Альерой, обернулся, и мой кулак впечатался в его прямой аристократический нос. Противник залился кровью, взвыл от боли, отпустил Вирана и прыжком отскочил назад к

камину. Можно было считать конфликт исчерпанным, но пришлый дворянин решил не отступать и выхватил меч. Мы схватились за свои клинки, и могла бы разгореться более серьёзная драка, но появился управляющий гостиницей и стражники, которые пригрозили нам гневом герцога и разогнали нас по комнатам. Так что пришлось мне возвращаться в номер, где ворчливый Сенас Аминари смазал сбитые костяшки моих пальцев целебной мазью, приговаривая при этом, что я притягиваю к себе неприятности.

Ночь прошла спокойно. Зато утро было насыщено новой порцией событий.

Во-первых, мы с моим новым товарищем узнали о том, что должны заплатить управляющему гостиницей за сломанный во вчерашней драке стол. Естественно, ни я, ни Виран с этим были не согласны, ибо ущерб нанёс наш противник. Однако два побитых нами барона, кстати тоже будущие кадеты «Крестича» и верные вассалы великого герцога Канима, ещё вчера слиняли из гостиницы. Так что крайними остались мы с Альерой, и в итоге за разбитую мебель нам пришлось заплатить. Немного, всего три серебряных нира, но всё-таки деньги.

Во-вторых, господин Ирса сообщил мне о том, что информации относительно моего несостоявшегося убийцы нет и не будет, и вернул мне полуиллир. На мой вопрос, а в чём, собственно, дело, он ответил, что киллера забрала Тайная стража великого герцога по личному приказу барона Аната Каира, прозванного Жало Канимв. Услышав фамилию начальника герцогских шпионов и контрразведчиков, которого очень сильно уважала половина жителей города, а вторая половина пугала им детей, я понял, что действительно информацию не получу, и больше вопросов не задавал.

Вроде бы всё? Нет.

Лишь только мы с Альерой позавтракали и собрались выйти в город, как перед крыльцом нашего временного пристанища остановилась карета с особенным гербом великого герцога на дверце. Обычный герб рода Канимв – это скорпион с человеческой головой, выставивший перед собой две клешни, и красным изогнутым жалом за левым плечом мифического персонажа на синем фоне. А особенные, с небольшими дополнениями в рисунке, использовались службами и полками великого герцога. У этого герба, который увидели мы, на жале была ясно видимая зелёная капелька яда, так что становилось понятно – в гостиницу пожаловала Тайная стража. А это значит, что у всех присутствующих, обслуживающего персонала и постояльцев, невзирая на заслуги, титулы и звания, могут появиться

неприятности.

Господин Ирса, увидев карету, заметно побледнел, сглотнул слюну и за счёт того, что втянул голову в плечи, стал меньше ростом. А когда он увидел, кто выходит из запряжённого четвёркой породистых лошадей транспортного средства, то я подумал, что он грохнется в обморок, поскольку гостиницу почтил своим присутствием сам начальник Тайной стражи барон Каир. Однако Ирса справился со своей слабостью, бросился встречать важного гостя и вёл себя вполне достойно, а когда узнал, что Жало Канимов желает увидеть графа Ройхо, то сразу проводил его в столовую, откуда мы с Альерой наблюдали за всем происходящим.

Мы с грозным бароном расположились у камина, того самого, возле которого вчера выпивали с Вираном, а потом дрались с заносчивыми дворянами. Каир молча смотрел на меня своими серыми пронзительными глазами, которые оценили меня, взвесили, поставили на мне невидимое клеймо и определили в какую-то группу или подвид разумных существ. А я, стараясь выглядеть спокойным и расслабленным, размышлял о том, чем же так страшен человек передо мной. Выглядел Каир невзрачно, среднего роста брюнет в тёмно-коричневом полукафтани и такого же цвета брюках, заправленных в мягкие кавалерийские полусапожки. И только глаза, раскладывающие людей на составляющие элементы, да сильные мозолистые руки опытного мечника-профессионала говорили о том, что не так прост этот приближенный к великому герцогу барон, как это может показаться с первого взгляда.

Молчание тем временем становилось тягостным, и наконец Каир начал разговор:

- Что же вы, граф, буяните?
- Вы про ночную драку в гостинице?
- Про неё. – Каир быстро, почти незаметно, моргнул.
- Ваши дворяне первыми напали, а мы с Вираном Альерой только защищались.
- А они утверждают обратное.
- Врут.
- Может быть. Однако сегодня великий герцог получит жалобу, в которой будет сказано, что вы пытались ограбить его верноподданных.
- Чепуха! У нас есть свидетели.
- Только это вас от каталажки и спасает, граф Ройхо.
- А что, эти дворяне важные птицы?
- В общем-то да. Один – старший сын барона Пейрана, который владеет тремя медными рудниками на территории великого герцога.

Другой, его друг, – третий сын барона Калька, сам по себе птичка-невеличка. Но у него много родни, и он является наследником богатого состояния, которое вскоре получит.

– И что теперь? Мне снова бежать?

Каир усмехнулся:

– Не стоит. Всё уладится, и никто вас не тронет, граф.

– Ну и слава богам.

– Эх, молодость, – протянул барон, по-прежнему улыбаясь. – Завидую вам, граф. Вы потеряли родителей, братьев, сестёр, замок и в родных местах стали изгоем. Вчера вас пытались убить, и вы дрались против сильных, по вашим меркам, соперников. А вас, насколько я посмотрю, это не очень-то и волнует.

– Поначалу, когда родителей убили и я убежал, тогда боялся, и порой до дрожи в коленях доходило. Но прошло какое-то время, и мне надоело вздрагивать от каждого шороха. Поэтому я и веду себя вполне спокойно. Кстати, господин барон, раз уж речь зашла об убийце, может, скажете, кто он и откуда? Ведь наверняка вы не ради драки решили меня навестить?

– Умный мальчик, – начальник Тайной стражи вмиг стал серьёзен, перешёл на «ты» и добавил: – Весь в папу.

– А вы его знали?

– Да, и очень хорошо. Десять лет вместе в одном полку прослужили, и тебя, Уркварт, в своё время я не раз на коленях держал. Поэтому я лично прибыл на тебя посмотреть, а не вызвал наглого молодого аристократа, который бьёт вассалов великого герцога, к себе. Но не об этом сейчас. Ты хочешь знать, кто был убийца, и я тебе отвечу. Это мелкий вор-уголовник с окраины Йонара, которого наняли для мокрого дела.

– А кто его нанял?

– Воришка отнекивается и утверждает, что не знает заказчика и с ним связались через посредника. Но есть подозрение, что это Скир Пран, командир дружины герцога Грига. Его засекли, когда он неделю назад вышел из телепорта. Правда, долго за ним следить не стали, так как поначалу он вёл себя тихо и спокойно.

– Важная птица.

– Не очень. В войске герцога Андала Грига его должность вспомогательная, и своего рода он – порученец правителя, его глаза и уши, а иногда командующий отдельными военными отрядами.

– И что теперь с моим несостоявшимся убийцей будет?

– С воришкой? Каменоломни. Пожизненно. А Прана ищем и наверняка найдём, если он не успеет сбежать за пределы герцогства Каним. – Анат

Каир смерил меня ещё одним долгим взглядом и встал. – Ну что же, удачи тебе, Уркварт. Я на тебя посмотрел и выводы сделал. Прощай, и ничего не бойся. Пока ты будешь находиться в Йонаре и военном лицее, за тобой присмотрят мои люди, а дальше всё в твоих руках.

Я встал следом и спросил:

– Господин барон, а ваши выводы относительно меня хорошие или плохие?

Каир не ответил, а только криво ухмыльнулся и вышел. Ну и что тут скажешь? В общем-то ничего, так как есть какой-то пласт событий, о котором я не владею всей информацией, и потому не понимаю поступка барона, решившего обо мне немного позаботиться.

На этом событии на время вокруг меня всё успокоилось. И никто не пытался совершить на графа Ройхо новое покушение. Мы с Вираном Альерой занимались фехтованием и гуляли по городу, вечерами много общались, а ночами, прежде чем провалиться в сон, я задавал себе множество вопросов на самые разные темы. Да вот беда, с ответами было туго. И порой это меня напрягало. Но, к счастью, не очень сильно. Хандра с тяжкими думами накатывала только ночью, а днём мне заморачиваться было некогда.

Глава 8

Империя Оствер. Военный лицей «Крестич». 16.06.1401

Звонкий сигнальный горн издал протяжный звук, который разнёсся по всему училищу. И тут же по казарме прокатилась трель свистков и крики наших сержантов-десятников:

- Подъём!
- Встали!
- Живее!

Тонкое одеяло моментально отлетает в сторону, я вскакиваю и, на полном автомате, всё ещё находясь в состоянии полусна, быстро натягиваю на себя форменные брюки, сапоги и бегом по проходу между койками устремляюсь на выход. Вокруг меня кадеты нашего первого курса. Все мы торопимся как можно скорее покинуть помещение, потому что последний курсант обязательно получит сильного пинка по копчику. Это является хорошим стимулом, чтобы поторапливаться. И я знаю: каждый из моих сокурсников, что, пыхтя и толкаясь, спешат на плац, сейчас мысленно кроет матом сержантов, офицеров-инструкторов, преподавателей, весь военный лицей «Крестич», в котором мы проходим обучение, и, конечно, недобрым словом поминает тот день, когда решил в него поступить. Но при этом никто не желает показать слабинку.

– Стадо беременных ослов! – хриплым голосом орёт сержант Сантин, командир моего второго десятка.

– Маменькины сыночки! – вторит ему первый десятник Цинкер, когда я пробегаю мимо него. – Стадо ленивых бабуинов!

– А вот и жертва! – позади слышен радостный рёв сержанта Бунара. – Опять благородный граф Торман Сарана опаздывает! Что, молодой человек, спать любим?! Устаете?! Так, может, вам отправиться домой, к могилке вашего папочки, который не смог защитить свои земли?! Червяк!

Слышен глухой звук удара и вскрик Тормана, светловолосого румяного парня семнадцати лет, который в самом деле постоянно попадает на раздачу тумачков во время подъёма. Для меня это всё уже привычно, и я не обращаю на происходящее никакого внимания, воспринимая крики, суету и беготню как само собой разумеющийся фон моего сегодняшнего бытия.

Наш курс, точнее, всё, что от него осталось, выбегает на плац и строится по десяткам. Сейчас будет быстрая переключка, а затем начнётся новый день. Я окончательно просыпаюсь, встряхиваюсь, быстро

оглядываюсь вокруг и без движения замираю во второй шеренге. Впереди – две минуты относительного покоя, я смотрю на своего верного товарища Вирана Альеру, и в голове чередой фрагментов проносится история нескольких месяцев моего обучения в военном лицее...

Ранним утром шестнадцатого марта сего года гостиницу господина Ирсы покинули сразу пять постояльцев, молодые дворяне, в числе которых были я и Виран Альера. Все мы должны были стать кадетами «Крестича». Наёмной повозкой, без слуг, мы отправились за город. Проехав около десяти километров, мы свернули с основного тракта на просёлок и через десять минут подкатили к мощным воротам с двумя охранными башнями в высокой каменной стене, тянущейся на пару километров влево и вправо. Чем-то это напоминало обычную воинскую часть на Земле, только ограждение повыше, поверху нет колючей проволоки, и на КПП отсутствовали солдаты, которые находились не на виду, а в укреплении.

Здесь находилось уже больше сотни молодых людей, будущих кадетов. И, присоединившись к ним, я вслушивался в их разговоры и для себя всех присутствующих разделил на несколько групп. Первая – это богатые и влиятельные аристократы, которые искали острых ощущений или же прибыли в «Крестич» по воле своих родителей. Вторая – обедневшие и безземельные дворяне, вроде меня и Альеры, которым терять было нечего, и военный лицей должен был дать нам образование и путёвку в жизнь. Третья – бастарды, и с ними ситуация ясна: училище для них всё, и отступить они не могут, потому что некуда. И последняя группа – свободные остверы, у которых были обнаружены не используемые ими таланты к магии. В основном это были бывшие крестьяне и ремесленники, готовые помучаться, чтобы получить офицерский патент.

Такой вот подобрался контингент готовых к учёбе людей в возрастной категории от шестнадцати до девятнадцати лет. И единственное, что на тот момент я не очень хорошо понимал, – почему набор в военный лицей ведётся каждые полгода, один курс приравнивается к шести месяцам и зачем набирают так много кадетов. Однако со временем ответы на эти вопросы были получены.

Наше ожидание продлилось два часа, до самого полудня. За это время прибыло ещё около сотни будущих учеников. И я вновь подумал о том, что нас слишком много для одного курса. Но развить эту мысль мне не дали, так как открылись ворота, появились солдаты с копьями в руках и несколько офицеров, которые вежливо пригласили нас пройти на территорию военного лицея. Новобранцы, естественно, прошли и оказались на широком пустом каменном плацу, где мы с Вираном

огляделись.

Плац был с трёх сторон окружён вечнозелёным кустарником. Со стороны ворот – чистое пространство. Вдоль стен – общежитие для офицеров и казарма для солдат. Слева от плаца – серые угрюмые здания в три этажа, как позже выяснилось, учебные корпуса. Справа – спортивный городок – покрытое травой просторное поле для командных игр и множество самых разных снарядов: турники, брусья, подвесные кольца, скамейки для качания пресса и другие приспособления. Впереди – здание канцелярии, казармы для курсантов и сержантов и далее конюшни и хозяйственные постройки. Вот и весь военный лицей.

На плацу сами по себе мы простояли минут пять. Затем вновь появились офицеры, которые выстроили кадетов в два плотных каре, приблизительно по сотне человек, и снова вежливым тоном попросили всех нас по одному проходить в канцелярию. Мы с Альерой одни из первых направились в местное присутственное здание, где предъявили свои бумаги и сдали на хранение личные охранные амулеты и вещи. После этого нас осмотрели маги-целители, патологий и болезней не обнаружили и передали нас интендантам. И через полчаса мы получили по комплекту новенькой армейской униформы, серые береты, необходимые для личной гигиены вещи – мыло и зубную пасту – и двадцать минут на обустройство в казарме и переодевание.

От Вирана я уже знал, что будет дальше, а потому поторапливался. Быстро занял койку, сложил в тумбочку вещи, оделся в тёмно-коричневое обмундирование, чем-то похожее на матросские робы советско-российского ВМФ, притопнул мягкими яловыми сапогами и покинул спальное помещение. Вовремя. Потому что вместо офицеров кадетами занялись залетевшие в казарму сержанты с дубинками в руках, поприветствовавшие новичков злыми криками лужёных глоток, оскорблениями и ударами. Простым остверам подобное к себе отношение было не в новинку. Бастардам и бедным дворянам тоже, мы всякого повидали. А вот богатым и обеспеченным аристократам пришлось туго, и кое-кто даже имел глупость возмущаться, за что был награждён новыми тумками и предложением покинуть «Крестич».

Вот с этого момента и началось наше обучение. Первый месяц являлся одним сплошным кошмаром, который был наполнен бегом, строевыми упражнениями, занятиями на спортивной площадке и избиениями, многие из которых приводили к травмам, и если бы не маги-целители, то большинство из нас на всю жизнь остались бы инвалидами. Так что каждый кадет-новобранец все эти дни находился в состоянии постоянного

стресса. И хотя я не в курсе, кто составлял программу обучения и подбирал методику, но знаю, что наверняка этот человек был очень хитрым и жестоким ублюдком, который ставил своей целью сломать и растоптать новичков, а затем вылепить из них что-то новое.

На сон отводилось четыре, иногда пять часов. На гигиену и туалет – пятнадцать минут в день. На приём пищи – двадцать пять минут. На личное время, в которое входила стирка обмундирования и чистка сапог, – один час. Все остальные минуты и часы уходили на занятия и физические упражнения. Вне всякого сомнения, это очень жёсткий распорядок дня для вчерашних гражданских подростков. Мы с Альерой ощущали постоянную усталость, ноги были ватными, а тела одеревеневшими, и пару раз у нас случались настоящие обмороки. И когда у нас выпал первый выходной день и нам дали небольшой роздых, я обнаружил, что из двухсот кадетов осталось всего сорок пять измождённых человечков. Другие полторы сотни молодых новобранцев отсеялись и тихо-мирно, совершенно незаметно для нас, отправились за ворота военного лицея в свою прежнюю жизнь. И, лежа на узкой кровати, я сообразил, что за тридцать дней испытательного срока не познакомился ни с одним кадетом, не узнал ничего для себя нового, а курсантов старших курсов видел пару раз и то мельком, когда они возились с лошадьми или направлялись в фехтовальный зал.

Второй месяц обучения начался с очередного построения, на котором вновь появились офицеры-инструкторы – тройка подтянутых, похожих один на другого, словно родные братья, мужчин в тёмно-зелёной полевой пехотной униформе. Судя по красному ромбику на мягких погончиках, все они находились в одном звании – капитаны.

Не спеша офицеры прошлись вдоль сорока пяти кадетов, смерили нас презрительными взглядами, и один произнёс:

– Что-то их много.

– Да, – согласился с ним второй, – многовато.

– Определённо, надо сократить курс, в нём ещё есть отребье, – весомо добавил третий.

На этом невозмутимые, словно небожители на Смертном суде, офицеры покинули нас, и снова на тридцать дней первым курсом занялись сержанты. Правда, на этот раз они делали упор не на физические упражнения, хотя их никто не отменял, а на психологическое давление. Причём эти звери в человеческом обличье знали подноготную каждого кадета и били по самому больному. Ты беден? Попрёк нищетой. Бастард? Они крутили этот факт перед носом кадета и задевали его мать. Крестьянин? Следовал рассказ про тупость деревенских жителей, их

необразованность и пьяные зачатия, в результате которого и родился данный ученик военного лица, попавший в него лишь по недоразумению. В общем, доставалось всем, а в моем случае для сержантов было полное раздолье. И они многое поведали мне о моей трусости и бегстве из замка, глупости Квентина Ройхо, решившего, что он может быть на равных с герцогом, и никчёмности его дружины, прозевавшей нападение. Всё это происходило перед строем, и, скажу честно, я за малым не сломался. И только взгляд верного товарища Альеры, который морально поддерживал меня, а я его, не дал мне плюнуть на всё и не покинуть военный лицей с позором, как это сделали ещё пятнадцать человек нашего курса.

Но всё проходит, и второй месяц прошёл. Снова нам дали один выходной, а затем тридцать человек, всех, кто остался, под присмотром всё тех же офицеров, которых мы видели ранее, разбили на десятки и к каждому подразделению прикрепили постоянного сержанта. Мы с Альерой попали во второй десяток, и нашим командиром стал сержант Сантин, в прошлом пограничник-рейдер, двадцать лет на юге империи ловивший контрабандистов и диверсантов из королевства Асилк и успевший поучаствовать в знаменитом побоище на Диньском поле, где отличился полк Квентина Ройхо. И с этого момента началась более или менее нормальная учёба, так как с нами наконец стали заниматься учителя и инструкторы.

Однако определённого распорядка дня всё равно не было, всё происходило на первый взгляд спонтанно и неорганизованно. С утра – физподготовка, затем верховая езда, всего два часа, после – фехтование, а далее снова физические упражнения и история имперских войн. Какая-то мешанина. И хотя беготни по кругу и нагрузок стало меньше, а работы для мозга больше, меня такое положение дел всё же не устраивало, поскольку знаний и умений у меня опять не прибавлялось, а учителя и сержанты просто присматривались к кадетам и выясняли их интеллектуальный уровень. В общем, странный месяц, который истёк вчера. А сегодня начинается четвёртый, у нас будет очередной выходной день, а далее снова начнётся учёба, и, какие изменения грядут, никто, даже Виран Альера, точно не знает, потому что хоть он и имел про «Крестич» некоторую информацию, но не мог знать всё досконально.

Я вновь вернулся в реальность, а воспоминания, от которых у меня начинали скрежетать зубы, загнал в дальний угол своей памяти. Наши сержанты стоят перед строем и, хотя видят, что все кадеты на месте и за минувшую ночь никто из «Крестича» не испарился, выкрикивают фамилии своих подчинённых. Первый и третий десяток меня не интересуют, я

вслушиваюсь в слова сержанта Сантина, высокого блондина, который чем-то напоминает жердь и в целом производит впечатление неуклюжего человека. Но мы знаем, что он может быть очень быстрым, резким и гибким и является великолепным гимнастом с навыками разведчика, который подмечает любую мелочь, а потому недооценивать его нельзя, и каждый кадет стоит не шевелясь.

– Виран Альера! – выкрикивает сержант.

– Я! – откликается мой единственный в этом мире ДРУГ.

– Нунц Эхарт!

– Я! – слышится бас некогда полного и весёлого, а теперь худого и вечно хмурого третьего баронского сына.

– Тарди Пест!

– Я! – подает голос сын простого ремесленника-оствера из Йонара.

– Торман Сарана!

– Я! – отвечает уже получивший сегодня тумака рано ставший сиротой и отправленный в лицей матерью шестнадцатилетний граф.

– Вилл Фертанг!

– Я! – Это наследник князя Фертанга, самый знатный из всех присутствующих дворянин и, стоит это признать, самый подготовленный к физическим нагрузкам человек на нашем курсе.

Первая шеренга отозвалась, приходит черёд второй, и сержант продолжает:

– Кричард Кальк!

– Я! – слышится голос того самого аристократа, с которым я дрался в гостинице господина Ирсы.

Сначала он был вместе со своим товарищем, но тот уже через три дня, проклиная сержантов, покинул учебное заведение. А Кричард, оказавшийся неплохим парнем, выдержал все испытания, а поскольку трений между нами больше не возникало, то мы даже пару раз посмеивались, вспоминая наше знакомство.

– Ченст Лигна!

– Я! – Глухой рокот молодого горца из племени, которое называет себя «истинные остверы», присланного на учёбу вождём.

– Гуннар Арциз!

– Я! – порывисто выкрикивает бастард самого великого герцога Ферро Канима, которому только обида на отца и на всю свою неказистую жизнь дала силы выдержать непомерные нагрузки и оскорбления.

– Лиска Заман!

– Я! – увесисто роняет смуглолицый раскосый, похожий на башкира,

дворянин с архипелага Гири-Нар.

– Уркварт Ройхо!

– Я! – последним раздаётся мой голос.

Переключка окончена, и сержант с высоты своего роста и главенствующего положения оглядывает нас и говорит:

– Поздравляю вас с окончанием третьего месяца обучения, господа кадеты!

Каждый из нас наверняка отметил для себя появившуюся в обращении сержанта приставку «господа». Значит, мы поднялись на первую ступеньку по пути к заветному офицерскому патенту. Этому нельзя не порадоваться, и мы бодро выкрикиваем:

– Служим империи!

От соседних десятков нашего курса доносится то же самое, и в это время от центра плаца к нам приближаются три офицера в капитанском звании, которых мы уже видели ранее. По пути они разошлись, каждый направился к одному из десятков, и один из них приблизился к нам. Как и в прошлые разы, капитан окинул нас взглядом, в котором сквозило презрение, думаю, более показное, чем настоящее, и бросил:

– Ну что же, вполне приемлемые заготовки, из которых может что-то получиться. – Он повернулся к Сантину: – Что вы думаете по этому поводу, сержант?

– Вы совершенно правы, господин капитан! – отчеканил сержант. – Но с ними ещё придётся много работать, и, если хотя бы половина из них дотянет до выпуска, это будет приемлемым результатом.

– Да. – Офицер кивнул и обратился к нам: – Господа кадеты, меня зовут капитан Свен Нитра. Отныне я ваш наставник и офицер-инструктор. Вы выдержали серьёзные физические нагрузки и не сломались под давлением психологического пресса, поэтому достойны того, чтобы вами занялся настоящий имперский офицер. Сегодня у вас должен быть выходной, и он будет. Но перед этим я хочу пообщаться с каждым из вас один на один. Так что после физической зарядки, приведения себя в порядок и завтрака я жду ваш десяток в казарме.

Капитан замолчал, и снова раздался рёв сержанта:

– Напра-во! Бегом! Марш!

Десяток послушно побежал и быстро втянулся в ритм движения. Сколько бежать, никто не говорил, а потому мы были готовы к тому, что Сантин и его сотоварищи-сержанты сыграют в свою любимую игру под названием «бег до первого упавшего». Однако сегодня, видимо в честь выходного дня, наши сержанты не зверствовали, ограничились пятью

километрами, турником, отжиманиями, растяжкой и качанием пресса. В общем, день начинался относительно неплохо, и вскоре, быстро почистив зубы и умывшись, мы позавтракали пшеничной кашей с мясом, которую запили фруктовым компотом. А затем строем кадеты вошли в казарму, где нас уже ожидал капитан Нитра, в дальнем углу возле окна поставивший стол и разложивший перед собой папки в красной обёртке, видимо наши личные дела.

Справа и слева от него стояли ещё два таких же стола, за которыми сидели другие офицеры – инструкторы первого и третьего десятков. Сержанты находились с нами и начали по одному направлять нас к капитанам. Мне выпало первым подойти к Нитре, наверное, Сантин решил начать с конца списка нашего десятка.

– Господин капитан, кадет Уркварт Ройхо для беседы прибыл, – застыв напротив офицера-инструктора, отрапортовал я.

– Хорошо, кадет. Сейчас я начну задавать вам самые разные вопросы, а вы должны отвечать на них быстро и без запинки и не употреблять таких формулировок, как «не знаю» или «мне неизвестно». Каждая лишняя секунда раздумий – это удар палкой. – Капитан на меня даже не посмотрел, пролистнул бумаги в папке и что-то в них отметил. – Вы поняли меня?

– Так точно, господин капитан!

– В таком случае начнём. Скажите, кадет, вы сами решили поступить в военный лицей или это желание вашего отца?

– Это решение покойного графа Квентина Ройхо.

Новая отметка и ещё один вопрос:

– Как вы считаете, кадет Ройхо, вы сможете закончить «Крестич»?

– Да.

– Серьёзное заявление, но я его принимаю. – Наконец капитан посмотрел на меня, снова сделал у себя в бумагах отметку и продолжил: – Кадет, а зачем вам обучение в военном лицее?

– Хочу получить хорошее образование, господин капитан, дабы иметь возможность самому выбирать свой путь в жизни и быть способным защитить себя и своих близких.

– А как вы относитесь к императору?

– Положительно.

– А к великому герцогу Ферро Каниму?

– Точно так же.

– Ваш любимый цвет?

– Зелёный.

– Любимое оружие?

- Меч.
- Какой?
- Корт.
- Какая порода лошадей вам больше всего нравится?
- Исанийская полукровная лошадь.
- Почему?
- Быстрая, неприхотливая и выносливая.
- Вы не хотели бы стать магом?
- Нет. Я выбрал путь воина.
- Скольких людей вы убили?
- Ни одного.
- Что вы сделаете, встретив герцога Грига?
- Прикончу его.
- А если у вас не получится этого сделать?
- Тогда мне придётся бежать, или он прикончит меня.

Быстрые вопросы, и такие же быстрые ответы. Темы самые разные, и они идут вразброс, в непонятном для меня хаотичном порядке, а порой повторяются в разных интерпретациях. И когда капитан окончил беседу, больше похожую на допрос, я подумал, что у него в руках не моё личное дело, а заранее подготовленные профессионалами психологические тесты.

«Серьёзно здесь контора работает, – отметил я, возвращаясь на своё спальное место. – Сначала отсеяли всех, кто не мог бы доучиться до конца, невращенников и слабаков, и только потом всерьёз начали копаться в душах и мыслях тех, кто остался. Да уж, великие герцоги Канимы не прогадали, когда взяли военный лицей под своё крыло, ибо это приоритетное получение в свою армию отличных офицеров и возможность узнать сильные и слабые стороны соседей, которые обучались в «Крестиче», княжич Фертанг тому живой пример».

Капитан Нитра и другие офицеры беседовали с кадетами около двух часов и перед тем, как оставить нас, вновь выстроили все три десятка на плацу. Инструктор нашего подразделения с папками в руках прошёлся вдоль жидкого строя и объявил:

– С завтрашнего дня начинается нормальный учебный процесс. Он начнётся с фехтования, вольтижировки, тактики имперских военных подразделений и истории. Кто не будет успевать, того подвергнут тяжким телесным наказаниям, поэтому настоятельно рекомендую не расслабляться, запоминать каждое слово своих учителей и побольше думать. Вопросы есть?

Вперёд шагнул княжич Вилл Фертанг:

– Господин капитан, нельзя ли нам получить свои личные вещи?

– Нет.

Следующим был Кальк:

– Когда кадетам разрешат писать и получать письма?

– После первого отпуска, до которого вам ещё надо дожить.

Третий и последний вопрос задал Тарди Пест:

– Господин капитан, когда мы получим допуск в библиотеку военного лицея?

– По окончании первого курса, то есть через три месяца.

Больше спросить офицера-инструктора о чём-либо никто не осмелился. Нас вернули в казарму, и третий выходной день за три месяца обучения в военном лицее «Крестич» пошёл своим чередом.

Глава 9

Империя Оствер. Герцогство Каним. 7.02.1402

Судьба не была благосклонна к Скиру Прану, и приказ герцога Андала Грига для провинившегося командира дружины по прозвищу Ржавый был ясен. Он должен был убить Уркварта Ройхо, и никак иначе опальный командир не мог заслужить прощения своего господина, которому верно служил с самых малых лет, сначала пажом, потом гонцом, а затем дружинником, десятником и сотником. Так что, попрощавшись с отцом, первым советником герцога, которого он любил и уважал гораздо меньше своего повелителя, Скир отправился в город Йонар.

Первое время он просто присматривался к столице великих герцогов Канимв. И очень осторожно, чувствуя на себе пристальное внимание местной Тайной стражи, он искал выходы на городской криминалитет. В скитаниях по Йонару пролетело десять дней, и, когда верный слуга Грига решил, что готов исполнить волю северного герцога, и шпионы Канима перестали за ним следить, он стал действовать. Поначалу ему сопутствовал успех. Пран познакомился с одним из авторитетных местных воров и предложил ему простое дело – найти в огромном городе конкретного человека и помочь ему пришить его. Деньги за это он предлагал очень хорошие, целых пятьдесят иллиров, половину из того, что имел. Вор Боган Синий дал ему в подчинение своего человека, молодого паренька по имени Финч Бритва. При этом Боган специально оговорил, что его люди не будут напрямую участвовать в убийстве, поскольку это хлопотно и сулит неприятности с Тайной стражей. Скир Пран с этим согласился, так как лично собирался прикончить сбежавшего графского сына. Однако позже всё пришлось переиграть.

Финч Бритва, юркий смысленый воришка, обнаружил Ройхо уже через несколько часов поиска. И сам предложил Прану за десять золотых монет найти человека, который поможет ему с мокрым делом. Ржавый подумал и решил не мелочиться, ведь два клинка лучше одного, и если он упустит жертву, то её достанет второй убийца, так что согласился с Бритвой. И это его спасло, поскольку оказалось, что за Урквартом следили шпионы барона Аната Каира, не заметившие Прана, но обратившие внимание на человека с арбалетом, который забрался в гостиничный номер Ройхо.

В итоге йонарского киллера схватили. Бритва и Боган Синий исчезли.

А Прана взяли через двое суток, когда он пытался выбраться из города. Тайная стража герцога Ферро Канима работала чётко, и вскоре Ржавого били смертным боем, пытая, кто и с какой целью послал его в Йонар. Он молчал, сплёвывал на пол камеры кровавые сгустки слюны и выбитые зубы и мысленно славил своего повелителя, который ещё в молодости, когда он был его гонцом, приказал поставить Ржавому дорогой блок, не позволяющий считывать его мысли и чувства с помощью магии. После трёхсуточного допроса всё, что осталось от Скира Прана, немного на скорую руку подлечили, обтёрли его лицо мокрой тряпкой и приволокли Ржавого в чистый тюремный кабинет, где за продолговатой конторкой находились два человека. Первый был одним из следователей, который занимался его делом, а другой, по описаниям шпионов герцога Грига, походил на барона Аната Каира.

Следователь пока молчал, и разговор повёл начальник Тайной стражи великого герцога.

– Ты знаешь, кто я? – спросил барон Прана, которого наручником приковали к металлическому стулу, привинченному к полу в центре комнаты.

– Наверное, вы барон Каир, – просипел Ржавый.

– Правильно, это я, – кивнул начальник йонарских шпионов. – А зачем я здесь, догадываешься?

– Нет.

– Мне доложили, что ты выдержал все пытки, которые к тебе применялись, и я решил лично взглянуть на такого редкого человека.

– Редкий, значит?

– Конечно. Ты хранишь преданность своему герцогу, даже оказавшись в безвыходной ситуации и понимая, что никому не нужен, ни повелителю, ни отцу. Это своего рода героизм, какой в наше время не часто встретишь. И хотя, на мой взгляд, это глупый героизм, но уж какой есть.

– Угу, – буркнул Скир.

Каир посмотрел на следователя и сказал:

– Прочти.

Тайный стражник достал из папки на конторке слегка скомканный лист бумаги, расправил его и начал:

– «Внимание! Двадцать восьмого числа месяца нара, предав своего господина герцога Андала Грига и учинив ряд злодеяний в его доме, бежал бывший командир дружинников Скир Пран по прозвищу Ржавый. Он выглядит следующим образом: рост метр восемьдесят, цвет кожи – белый, волосы чёрные, глаза карие, блестящие, нос прямой, возраст – тридцать лет.

Особые приметы: неприятный резкий голос, на шее тонкий шрам от кинжала. На всей территории герцогства Григ преступник объявлен вне закона, за его поимку предлагается награда в сто пятьдесят иллиров».

– Что скажешь, Ржавый? – спросил Каир.

– Это всё правда. Я виноват перед герцогом Григом. – Пран флегматично пожал плечами. – А Уркварта Ройхо я хотел убить по собственной инициативе, потому что ненавижу это семейство.

– Уркварта оставим в стороне. Меня интересует, почему ты не желаешь выдавать секреты Грига?

– У меня на это есть причины, и я буду молчать.

– Жаль, Скир, очень жаль. – Барон поморщился. – Я надеялся, что ты будешь благоразумен и поймёшь, что тебя использовали, чтобы посмотреть на нашу реакцию на покушение на Ройхо. Надеялся, что, осознав это, ты пойдёшь на сотрудничество с Тайной стражей, которая может помочь тебе начать новую жизнь. Однако ты упорствуешь в своём нежелании обвинить герцога, и за это тебя надо бы убить. Но я, уважая твою стойкость, не стану отдавать приказ на твоё уничтожение, а оставлю тебя наедине со своей судьбой.

– Мне не нужны ваши лживые заверения в хорошем ко мне отношении и помощь.

– Дурачина! Тебя никто не будет выкупать, обменивать и выручать. Григ получил письмо-предупреждение не посылать больше своих шпионов-неудачников в земли великого герцога Канима, и твой повелитель ему внял. Тебя использовали и бросили, и помощи не будет!

– Плевать.

– В таком случае во всех своих неприятностях вини только себя.

– И Уркварта Ройхо.

– Хм! – Каир снова поморщился и приказал увести Прана.

Ржавого отволокли в допросную комнату, где его снова стали бить, но он опять молчал. Через пару дней Скира перевели в общую тюрьму, где ему пришлось драться за кусок плесневелого хлеба и миску баланды с мелкими преступниками и перемалывать пищу шатающимися редкими уцелевшими зубами. И это ради того, чтобы выжить, когда-нибудь выбраться из тюрьмы и всё же выполнить приказ Андала Грига, который занозой сидел в его мозгу и не позволял ему сломаться во время допросов.

Шло время. Пран немного поправился, хотя здоровье его было серьёзно подорвано, а опытные тюремщики считали, что, скорее всего, этот заключённый умрёт от истощения и увечий. Однако он выжил, и вскоре Скира осудили, признали виновным в попытке предумышленного убийства

и приговорили к пожизненной каторге на каменоломнях великого герцога. Ещё один день в тюрьме, сбор колонны каторжников – и Ржавый зашагал в сторону раскинувшихся за Йонаром гор. Его нога делала шаг, и он думал о том, что не выполнил приказ герцога. Другой шаг – и Скир мечтал о побеге и убийстве ненавистного Уркварта, который был источником всех его бед. И так шаг за шагом, одни и те же, превращающиеся в манию мысли и монотонное движение.

До каменоломни скованные кандалами каторжники дошли за пять дней. Осуждённых загнали в глубокий карьер, где кирками и ломами они вырубали из скалы белые глыбы, затем обтёсывали их в квадратные блоки, вытаскивали этот строительный материал, который позднее станет частью крепостных стен, на поверхность, и с помощью рычагов и талей грузили на мощные подводы.

Кормили каторжников скудно, работали они по двенадцать часов в день, и труд их был очень изнурительным, а потому многие не выдерживали и умирали. Но Скир Пран, в душе которого кипели ярость и злоба, а в голове были только две основные мысли, переносил все беды и лишения стойко и практически не замечая их. Он даже окреп и раздался в плечах. И этого изуродованного пытками человека с половиной выбитых зубов и гнилыми пеньками во рту, с диким взглядом и грязными космами, спадающими на спину, заключённые стали избегать, словно он был агрессивным и непредсказуемым зверем.

Прану на это было плевать, и, всё глубже погружаясь в пучину безумия, он мерно крушил молотом камень и не обращал на косые взгляды остальных каторжников никакого внимания.

«Я не смог! – снова говорил он сам себе и тут же добавлял: – Ненавижу Ройхо! Всё из-за этого беглеца! Убью!»

И так продолжалось до тех пор, пока каторжники, в большинстве своём кровавые злодеи, насильники и убийцы, то есть далеко не смиренные овечки, не обратились к начальнику каменоломни господину Кимпусу с просьбой убрать от них Прана. И господин Кимпус, пятидесятилетний человек с небольшим брюшком и прагматичным складом ума, задумался о том, что же ему делать со страшным и уродливым кандальником. С одной стороны, каторжники волнуются, и если не удовлетворить их настоятельную просьбу, то может вспыхнуть бунт, который повлечёт за собой его жестокое усмирение и, как следствие, потери в рабочих руках и невыполнение производственного плана. А с другой – сумасшедший Скир Пран пока не причинил никому вреда, выполняет полуторную норму и не виноват в том, что остальные заключённые боятся его и нервничают, когда

он рядом.

«Как поступить?» – сидя за столом в своей конторе и в окно наблюдая за работами, подумал Кимпус. И в этот момент к нему вошёл начальник охраны, который доложил о том, что прибыл представившийся Филисом Омундом из школы «Трансформ» маг, и у него имеется бумага из канцелярии великого герцога Канима.

Кимпус поспешил встретить гостя. А маг, лысый мужчина с круглым лицом и тонкими губами, одетый в дорожную мантию коричневого цвета, сразу же предъявил ему документ, в котором было сказано, что он имеет право забрать для личных нужд любого кандальника из приговорённых к пожизненной каторге. Приказ есть приказ, особенно если он составлен по всем правилам и заверен печатью, и у начальника каменоломни подобная бумага удивления не вызвала. Случалось в его практике, что маги брали для проведения своих наверняка смертельно опасных опытов приговорённых к пожизненному заключению людей. И данный случай был как раз из этого разряда.

Каторжники были построены перед конторой. Кимпус и Омунд вышли на свежий воздух, и заключённые, завидев мантию, тут же забеспокоились и зашумели, так как имели некоторое представление о том, зачем маги посещают тюрьмы и каторги. Но стражники быстро навели порядок, и сопровождаемый начальником каменоломни и парой охранников маг двинулся вдоль закованных в цепи людей, которые смотрели на него как на своего злейшего врага.

Филис Омунд вглядывался в лица кандальников и недовольно морщился, то ли от запаха давно не мытых тел, то ли ещё отчего. Но вот он подошёл к стоящему с самого края Скиру Прану и, словно споткнувшись, замер на месте. После чего пристально всмотрелся в сумасшедшего, снял с шеи амулет, красный рубин на золотой цепочке, покрутил его перед Ржавым и пробормотал:

– О боги! Какая преданность, сила и ненависть! Великолепный образец!

– Вы что-то сказали, господин маг? – наклонился к нему Кимпус.

– Да, – повернувшись к начальнику каменоломни, ответил Омунд и кивнул на Прана: – Я забираю этого человека.

– Он опасен, – предупредил мага Кимпус.

– Я знаю.

– Дело ваше, бумаги выправят быстро, а кандальника хоть сейчас забирайте.

Спустя двадцать минут господин Кимпус, проводив мага, вернулся в

свою контору и, вскоре позабыв про него и сумасшедшего Скира Прана, занялся текущими делами. А закованный в кандалы Ржавый, словно дикое животное, в крепкой железной клетке, которая была поставлена на телегу и накрыта чёрной материей, под охраной воинов школы «Трансформ» отбыл в неизвестном направлении.

Империя Оствер. Военный лицей «Крестич». 10.03.1402

После того как мы выдержали трёхмесячный испытательный срок и офицеры-инструкторы вплотную занялись нашим обучением, ещё три месяца первого курса в училище пролетели очень насыщенно, интересно и достаточно быстро. На физподготовку теперь уходило не более полутора часов в день, а всё остальное время было забито занятиями. И из всех многочисленных предметов, которые нам начали преподавать, лично меня больше всего интересовали три: история империи, боевая магия и фехтование. Первый – это фундаментальная основа, на которой строилась вся современная жизнь, и, изучая прошлое, я мог более ясно видеть настоящее и заглядывать немного вперёд. Второй интерес вырос из желания раскопать информацию о магах-воителях. И хотя до сих пор я так и не нашёл конкретных доказательств тому, что древние воины императора Иллира Анхо могли совмещать два направления, мне казалось, что я на верном пути и со временем смогу разгадать эту тайну прошлого. И конечно, более подробное изучение книг по магии помогало мне лучше освоить работу с амулетами, эликсирами, свитками и артефактами и их применение в бою. Что же касается третьего предмета, то есть фехтования, то я дворянин, и значит, мне на роду написано владеть клинком так, чтобы не было за себя стыдно и на дуэли я смог бы дать отпор любому наглецу.

В общем, я старался как мог и, понимая, что от уровня подготовки зависит моя жизнь, учился с полной самоотдачей. И результаты не замедлили сказаться. Хотя я не был лучшим учеником на нашем курсе, на общем фоне моя личность вопросов не вызывала: добросовестный средний кадет, который стремится узнать что-то новое и не халавит. Меня это устраивало полностью, наставников-инструкторов и сержантов тоже, и на второй курс я перешёл без особых проблем. Нас переселили в другую казарму, более комфортабельную и тёплую. А наши места заняли новобранцы, которых мы могли видеть из окон своей новой спальни. И, наблюдая за двумя сотнями парней, с любопытством разглядывающих пустой плац и здания вокруг, сами себе мы казались бывалыми ветеранами. Хотя каждый из нас понимал, что это не так. Вот шестой курс – это да, настоящие воины, а мы всего лишь заготовки, как нас правильно называли

инструкторы.

Начался второй курс обучения. Мы получили доступ в библиотеку лица, и конечно же я посетил её при первой же возможности. Многого от этого посещения я ждал. Однако был разочарован, так как никаких секретных книг с описаниями древних боевых методик не обнаружил, хотя полезной и редкой литературы в ней было немало. Другой бы на моём месте, может быть, и расстроился, а мне было некогда, слишком напряжённый у нас был график обучения, и на это просто не оставалось времени. Так что вопрос с магами-воителями и имперскими методами обучения по-прежнему оставался открытым.

Месяцы летели мимо меня и моих товарищей, со многими из которых мы с Альерой пусть и не сдружились, но стали приятелями и добрыми товарищами, которые понимают, что, если хочешь доучиться, придётся играть в команде, а иначе будет очень сложно. Так прошло ещё полгода, и сегодня, находясь в фехтовальном зале, где звенели скрещивающиеся клинки первого и третьего десятков, отрабатывающих групповой бой, воспользовавшись кратковременной передышкой, наш второй собрался в кружок. Как были, в тяжёлых войлочных костюмах, скинув маски и поджав под себя ноги, мы сели на пол, и княжич Вилл Фертанг, худощавый и жилистый брюнет, произнёс:

– Скоро отпуск, господа кадеты.

– Это да, – одновременно согласились с ним Тарди Пест и Гуннар Арциз, которые за время нашей учёбы сильно сблизились с наследником богатого княжества и стали как бы его теньями.

– Понятно, что отпуск, – сказал я. – Ты хочешь что-то предложить?

– Да. Я приглашаю всех к себе в гости. Оплату телепорта, питание, проживание и развлечения гарантирую. Кто со мной?

Мы с Вираном переглянулись и кивнули один другому. Мне всё равно деваться некуда, и, если бы не приглашение княжича, я остался бы в «Крестиче», а Альера живёт далеко, и на дорогу в оба конца должен потратить весьма солидную сумму.

– Какие развлечения предоставишь, Вилл? – спросил его Заман.

Княжич улыбнулся:

– Все, какие только душа пожелает. Пиршества, балы, охота и выпивка.

– А девушки будут? – Заман и все мы заулыбались.

– Да. – Фертанг смутился и покраснел.

– Тогда я с тобой.

Предложение Фертанга приняли все, кроме Тормана Сараны и Кричарда Калька – их за воротами училища ждали близкие и родные им

люди.

– Договорились. – Княжич был доволен.

И в этот момент раздался голос нашего учителя по фехтованию, невысокого и вертлявого господина Нагера:

– Второй десяток в зал! Взять щиты! Учебный поединок один на один!

Кадеты быстро вскочили и расхватили учебные мечи, затупленные ируты, которые являлись штатным оружием имперских гвардейцев, а со временем стали использоваться большинством взрослых дворян, и в основном именно на них ведутся все дуэли. И чем больше я набираю вес, вытягиваюсь и расту, тем больше мне нравится это великолепное оружие, хотя корт в некоторых ситуациях, в ближнем бою или свалке например, гораздо удобней. Ирут предназначен для одиночных боёв или кавалерийских схваток. И если описать его коротко, то это прямой обоюдоострый стальной клинок длиной девяносто сантиметров, с десятисантиметровой рукоятью, которая прикрыта корзинчатой гардой, надёжно защищающей ладонь от повреждений и порезов. Ширина лезвия от четырёх до шести сантиметров, вес оружия примерно один килограмм двести граммов.

– Альера против Фертанга! – командует учитель. – Кальк против Арциза! Заман против Песта! Лигна против Сараны! Ройхо против Эхарта!

Мы выходим в зал, где только что закончился групповой бой, в котором победу одержал третий десяток, и занимаем свои места – обозначенные краской квадраты четыре на четыре метра. Круглый кавалерийский щит на левую руку, меч – в правую. Салют вскинутым клинком! Ждём команду, и Нагер не медлит:

– Начали!

Эхарт, после первых трёх месяцев обучения из толстяка превратившийся в худого и подвижного паренька, атакует первым. Он быстр и стремителен, его клинок, со свистом рассекая воздух в вертикальном ударе, устремляется на меня. А я, зная горячность и нетерпеливость своего товарища по десятку, которому не уступаю по скорости реакции и мастерству, но превосхожу в массе тела на десяток килограммов и в росте на пять сантиметров, уверен в своей победе и уже жду этой атаки. Мой щит выдвигается от тела немного вперёд и встречает затупленное лезвие ирута, которое ударяет в его верхнюю кромку и отскакивает от неё. Жаль. Я рассчитывал, что клинок может застрять в щите, а я его сброшу и проведу контратаку по корпусу противника. Ну, ничего, значит, придётся помучиться.

Моя левая рука содрогается от сильной отдачи, и с правого плеча

одновременно с поворотом корпуса тела я наношу Эхарту горизонтальный удар. Замах у меня сильный, я это уже знаю и делаю расчёт на то, что Нунц не сможет выдержать силу моего удара. Однако он устоял и, подобно мне, подставляет под клинок щит. Сталь меча, выбив из металла еле заметный снопик искр, проскрежетала по щиту, оставив на нём светлую борозду, которая ясно видна на серой краске. Снова удар Эхарта, и я смещаюсь немного влево. И когда Нунц наносит ещё один удар, то я отвожу его меч своим в сторону и без замаха, резко опустившись на одно колено и подавшись вперёд всем телом, делаю выпад, который проникает под его защиту, и клинок соприкасается с доспехом моего спарринг-партнёра.

Есть! Достал! Однако команды прекратить бой нет, и мы продолжаем.

Делаю вертикальный замах и наношу удар по щиту. Нунц отвечает. И, обмениваясь предсказуемыми базовыми ударами по прямолинейным траекториям, мы около минуты топчемся на месте, до тех пор пока Эхарт не пожелал отыграться и не попробовал зацепить меня кромкой щита. Хороший приём. Но я его знаю. А потому рывком опять ухожу влево и сбоку бью клинком по его щиту, который на краткий миг стал оружием нападения. Замах удался. Удар прошёл как надо, Нунц сильно засопел, а это является знаком того, что ему больно. Хм. Ещё бы не было больно. Рука в полёте и с грузом, а тут удар килограммовой железкой. Тяжко это, по себе знаю, так как на подобной попытке атаковать соперника щитом меня позавчера княжич Фертанг подловил, и мне, чтобы быстро восстановиться, понадобилась помощь мага-целителя.

Горизонтальный замах – и новый мой удар по щиту. Наверняка Нунцу сейчас тяжело, и он стиснул зубы. А мне ради победы необходимо не останавливаться и не давать ему ни секунды роздыха, и, отбив своим клинком ирут спарринг-партнёра, я направляю острие клинка вдоль верхней кромки щита, который Эхарт не может удержать, как это необходимо. Сталь соприкасается с костюмом, и я слышу голос учителя Нагера:

– Победа Уркварта! Пара Эхарт – Ройхо ко мне!

Вдвоём с Нунцем, который с трудом скинул с руки щит, сняв шлемы, мы подходим к Нагеру и замираем, этот учитель не любит официоза, ему не нужны наши формальные рапорты.

– Значит, так, молодые люди, – наблюдая за другими поединщиками, говорит фехтовальщик, – успехи у вас есть. Но недочётов гораздо больше. Сначала Эхарт. Вам необходимо наращивать мышечную массу, так что лучше питайтесь. У вас превосходные диагональные удары, и только за счёт этого вы можете выиграть схватку. Вам надо больше внимания уделять

поворотам. Не бойтесь рисковать, отрываться от противника, резко убирать голову или плечо.

– Я понял, – произнёс Нунц.

– Теперь Ройхо, – продолжает учитель. – У вас есть хорошие задатки фехтовальщика, но, в отличие от Эхарта, в вас слишком много авантюризма. Вы понимаете, что мечи затуплены, а на вас защита, и поэтому излишне рискуете. Пока это вас выручает. Однако в реальном бою вы можете по привычке подставиться под смертельный удар, который отправит вас на тот свет. Так что больше думайте о безопасности, не стойте на месте, следите за ногами и чаще используйте шокирующие и дестабилизирующие удары.

– Ясно, – ответил я.

– Эхарт и Ройхо – на площадку! Кальк и Арциз – ко мне!

Вновь мы с Нунцем надеваем шлемы и встаём один напротив другого. По уговору, отбрасываем щиты в сторону и не столько рубимся, сколько отрабатываем удары, уклонения от них и парирование. Ещё одна тренировка, всё как всегда, а скоро первый отпуск и масса развлечений за счёт князя Фертанга. Эх, погуляем!

Глава 10

Империя Оствер. Город Свальдун. 28.03.1402

Бытие определяет сознание!» – сказал незабвенный Карл Маркс. И был прав на все сто процентов, в этом я имел возможность убедиться на примере моих однокурсников и своём собственном. Кто мы были в военном лицее? По факту – никто, второй курс, слабо подготовленные кадеты, которые подчиняются приказу звероподобных, но очень умных сержантов, едят всё, что только возможно, и выкраивают для сна каждую свободную минутку, ибо отдых – самое величайшее счастье для кадета «Крестича». А кто мы в княжестве Фертанг, где наш товарищ Вилл – наследник престола и свет очей для правителя, князя Нумана Седьмого, прозванного Счастличик? Почётные гости и будущее империи Оствер, не больше и не меньше. Чувствуется разница? Сразу же. А раз так, то и поведение наше моментально изменилось. И если «Крестич» покидали подростки в военной униформе, которые только что получили личные вещи, за год ставшие для них тесными, родовые охранные амулеты, свои мечи и деньги, от вида которых они отвыкли, то спустя всего четыре часа из транспортного телепорта в столице Фертанга городе Свальдун на центральную городскую площадь вышли совершенно другие люди. Молодые благородные юноши под лёгким хмельком свободы и при оружии, гордо вззирающие на мир взглядом победителей. Такое вот с нами произошло быстрое преобразование при отбытии в отпуск.

Прежде чем покинуть лицей, я собрал некоторую информацию о княжестве Фертанг, куда нас теперь занесла судьба, и составил о нём некоторое предварительное мнение. И первое моё впечатление об этом национальном анклав, когда мы оказались в Свальдуне, полностью с ним совпадало. Обычная сатрапия на материке Анвер, где все люди, от княжеских приближённых до последнего нищего на городской окраине, счастливы и славят своего справедливого, мудрого, всесильного и полубожественного повелителя за свою прекрасную жизнь и синее небо над головой. А кто недоволен, тот очень быстро куда-то исчезает. Если же посмотреть официальную статистику, которая не является абсолютно точным источником информации, то это очень небогатая страна на юге империи с правителем, который в меру жесток, хитёр, коварен и любит роскошь. Народ европейского типа в количестве полумиллиона душ. На территории несколько городов и имеется выход к океанскому побережью. И

именно через порты этого княжества ведётся вся торговля с заокеанским народом манкари. Регулярная армия небольшая, в количестве всего полутысячи человек, своего военного флота нет, но имеется наёмная эскадра, которая за очень хорошую мзду охраняет торговые корабли под флагом Фертанга. На этом полезная информация исчерпывалась, а всё остальное я узнавал об этом княжестве путём наблюдения.

Половина встречающей наследника престола скромной делегации из сотни человек в цветастых халатах попадала на колени и стала Виллу Фертангу выкрикивать славу на своём родном наречии. Подобное раболепие я наблюдал впервые и был этому удивлён. Однако виду не подавал и воспринимал всё происходящее достаточно спокойно.

Нашего сотоварища княжича усадили в расписной паланкин, который немедленно окружила толпа сановников и спешенная охрана. Остальных гостей, то есть нас, разместили по два-три человека в паланкинах попроще. Рабы-здоровяки оторвали местное средство передвижения для богатых от мостовой и лёгкой рысцой без всякого видимого напряжения побежали по улицам города в гору, на которой стоял окружённый великолепными зелёными садами белоснежный дворец.

По покрытой гладким булыжником дороге мы поднимались всё выше и выше. Приоткрыв занавески паланкина, мы с Вираном Альерой с любопытством рассматривали город. Настроение было отличное, и уже через двадцать минут нас доставили во дворец. Местные слуги, чрезмерно много кланяющиеся, проводили нас через широкие, полные света, покрытые мраморными плитами тихие коридоры в помещение, где нам предстояло гостить. Все мы, кадеты «Крестича», оказались в огромной общей комнате класса люкс, из которой вели проходы в уютные спальни. Широкие кровати с пуховыми перинами. Роскошные диваны и множество ковров. Шкафы, наполненные самой разнообразной одеждой, часть из которой была нам по размеру. Столики из красного дерева, на которых стояли вазы с фруктами. Рядом – небольшой бассейн с прозрачной и постоянно подогретой водой. А помимо этого имелся бар с солидными запасами спиртного, в основном лёгкого вина.

Шик и блеск как он есть, особенно для меня, никогда не бывавшего во дворцах и не видевшего, как живут по-настоящему богатые люди. Единственное, что меня смущало, – это вопрос: что обладатель всего этого богатства и жизненных благ Вилл Фертанг забыл в военном лицее? Ведь по-хорошему, если рассуждать здраво, ему эта учёба не нужна, и он спокойно мог бы нанять себе самых лучших учителей и тренеров, которые бы натаскали его так, что он ни в чём не уступал бы выпускникам

«Крестича».

Впрочем, мысли о выборе молодого Фертанга были очень быстро вытеснены другими впечатлениями и ощущением состояния вечного праздника, царящего во дворце Нумана Седьмого, которому мы были представлены в его покоях уже через час после нашего прибытия. Как есть, в армейской полевой униформе, мы прошли в тронный зал этого славного правителя. По дороге полюбовались мозаичными напольными картинами, изображавшими львов, борющихся с тиграми, и настенными гобеленами с батальными сценами. Коридоры и залы мелькали перед глазами, и вскоре мы оказались перед широким помостом, на котором возвышалось нечто невообразимое, настоящее ложе из драгоценных металлов, усыпанных сверкающими в отблесках света камнями, на котором восседали два надменных человека. Один, понятное дело, наследник, одетый как и мы. А второй – суровый полноватый темноволосый здоровяк около сорока лет в лёгком белом халате, наподобие банного, из-под которого проглядывало смуглое загорелое тело. Это был сам правитель княжества Фертанг, как позже выяснилось, в своё время сместивший с трона своего старшего брата и с той поры уже двадцать лет управляющий родовым княжеством.

Нуман приподнялся, снова сел, широко улыбнулся и одарил нас несколькими добрыми словами. В ответ мы поклонились, поблагодарили князя за гостеприимство и отошли к придворным, которые расположились вдоль стен. Князь произнёс речь, в которой уведомил своих приближённых о том, что мы гости не только наследника, но и его личные. Сказано это было таким тоном, что вельможи взглянули на нас с видимым уважением, хотя наверняка как минимум половина из них подумала про нас что-нибудь нехорошее.

На этом приём был окончен, и мы окунулись в сказку по мотивам «Тысячи и одной ночи».

Этим же вечером наши гостевые покои навестил Вилл Фертанг, и они наполнились музыкантами и прекрасными танцовщицами из малого, так сказать, вспомогательного княжеского гарема. Вино полилось рекой. И веселье было такое, какого я никогда не наблюдал, даже в своей прежней жизни, когда являлся Лёхой Киреевым. Шутки, смех и истории про лицей. Множество деликатесов и разнообразных кушаний. Мелодичное звучание струнных инструментов, напоминающих испанские гитары. Полуобнажённые загорелые женские тела, извивающиеся в свете «вечных светильников». Это было нечто невообразимое. А ночь! О-о-о, это было что-то неопишемое! Настоящая феерия страсти с красивой женщиной, которая с фантазией и превеликим мастерством утолила первые плотские

потребности Уркварта Ройхо. И чего уж тут смущаться, даже меня, землянина, который что-то в своей жизни видел и Камасутру почитывал с применением на практике, она кое-чему научила.

Потом было утро и наши ошарашенные счастливые лица. А затем конная охота на зайцев, в полях за городом. Возвращение во дворец и снова гулянка с красивыми и готовыми оказать нам любые услуги женщинами. Далее океанский пляж с белоснежным песком и рыбалка, вечерний пир и новая девушка. Посещение весёлой ярмарки в одной из близлежащих деревушек и опять лёгкое вино, разговоры о жизни и перспективах, прекрасное настроение и очередная ночь страсти с профессионалкой. Сплошной круговорот развлечений и удовольствий. Сладкий плен, в который мы попали на три недели и покидать который не хотелось.

И так продолжалось до сегодняшней ночи, когда я проснулся от странных звуков, которых в моей спальне не должно было быть. Кто-то всхлипывал. Оторвав голову от подушки, я оглядел полумрак помещения и заметил, что у окошка, выходящего в сад, из которого в спальню потоком лился лунный свет, сидит девушка, с которой сегодня я делил постель. Красивая стройная брюнетка девятнадцати лет с отличными формами, страстная и весьма крикливая во время оргазма, почему-то уткнулась лицом в колени и тихонько плакала.

«Что такое? – подумал я. – Может, я её чем-то обидел? Вроде бы нет. Всё было по взаимному согласию, без насилия и извращений, хороший секс, и только. У неё наверняка по работе, а у меня по желанию».

Бесшумно встав с кровати, я подошёл к девушке, имени которой не знал, и спросил:

– Что случилось?

Она резко вскочила, рукавом полупрозрачного платья, больше напоминавшего ночную рубашку из магазина эротического белья, вытерла слёзы, поклонилась, опустила голову и ответила:

– Простите, господин, мне соринка в глаз попала, вот я и заплакала.

Я приподнял её подбородок, посмотрел в глаза, которые в свете луны сверкали, словно два драгоценных камушка, и покачал головой:

– Не ври мне. Ты плакала из-за меня?

– Нет-нет, благородный господин, вы здесь ни при чём, – быстро проговорила она, запнулась и добавила: – Дело в моей семье, за которую я сильно переживаю.

– Пойдём. – Я взял её за тонкую изящную ладонь, подвёл к диванчику, усадил, сел рядом и спросил: – Как тебя зовут?

– Юсти.

- Расскажи подробней, что случилось?
- А зачем вам это, господин?
- Интересно знать, как у вас люди живут. И может, я смогу тебе помочь. Ведь одни люди должны помогать другим?
- Не знаю...

Она в недоумении посмотрела на меня, и я подумал, что сморозил глупость. Я нахожусь в настоящем феодальном государстве, и мне повезло оказаться в теле аристократа, бедного и бездомного, конечно, который кайфует за чужой счёт, но всё-таки дворянина. А она – рабыня, может, потомственная, с детства приученная к тому, что вся её жизнь должна быть посвящена беспрекословному выполнению приказов своего господина, который подкладывает её под гостей. И ладно мы, кадеты, молодые и неуродливые парни, но ведь наверняка клиентура у девушки самая разная, и жизнь Юсти имеет некую тёмную сторону, краешек которой я только что увидел. Так что, с её точки зрения, только что я казал нечто очень и очень странное. И чтобы не делать на этом акцент, я немного повысил голос и повторил свои слова:

- Говори, что случилось.

Девушка всхлипнула и начала рассказ, и лучше бы я его не слышал, так как после этого весь мой отдых пошёл насмарку.

Оказалось, что я был прав: Юсти действительно потомственная рабыня, и четыре года назад, в возрасте четырнадцати лет её продали в гарем князя, и как сложилась судьба наложницы, совершенно понятно. Она служила господам и жила своей, как ей казалось, совершенно обычной жизнью. А вот её родные, мать, отец и три младших сестры, остались в поместье рядом со Свальдуном, и иногда родственники могли навещать Юсти. И пока был жив старый хозяин, господин Урака, у них тоже всё шло своим чередом. Но неделю назад Урака, человек преклонного возраста, скончался, а его наследники нуждаются в деньгах и собираются выставить всё имущество старика, движимое и недвижимое, на продажу. Завтра на окраине города состоится торг и, скорее всего, рабов скупят прибывшие из-за океана краснокожие манкари. Об этом наложница узнала незадолго до того, как отправилась развлекать гостей наследника престола. И после того, как я заснул, она выбралась из постели, подошла к окну, подумала о том, что больше никогда не увидит близких, и заплакала. А тут я услышал её всхлипы и проснулся.

Девушка замолчала, а я задал себе несколько вопросов. Можно ли помочь этой рабыне? Надо ли это делать? Почему манкари покупают на имперской земле людей, если это официально запрещено? И знает ли об

этом князь Нуман?

Ответы на первые два вопроса очень простые. Можно попробовать помочь Юсти, причём разными способами, самый простой из которых – это обратиться к Виллу Фертангу. Но я приехал и уехал. Девушку забрать с собой я не смогу, да и не хочу, потому что она мне никто. А моё вмешательство в жизнь Юсти навлечёт на наложницу неприятности, потому что станет известно – рабыня пожаловалась на свою жизнь кому-то кроме господина. И после этого её, скорее всего, засекут насмерть. Это дело принципа, так как движимое имущество не должно быть чем-то недовольно. Значит, если и помогать наложнице, то самому выкупить её близких и дать им свободу, а денег у меня кот наплакал, всего лишь девять иллиров, и тратить их на помощь совершенно чужим для меня людям было бы огромной глупостью. Итог размышлений – я держусь от этого дела в стороне. Всем рабам на огромной территории империи Оствер не поможешь, и не надо лезть со своим уставом и нормами морали в чужой монастырь.

– Печальная история, – я посмотрел на девушку, – но помочь я тебе не смогу. – Она покорно кивнула, и я добавил: – Ты можешь уйти.

Юсти встала, вновь кивнула и, неслышно ступая по коврам, удалилась, а я уже думал над следующими вопросами. Для чего и в каких количествах манкари покупают имперских рабов и знает ли об этом князь? Нуман Седьмой Счастливец показался мне человеком неглупым, так что наверняка он в курсе всего происходящего, а поскольку дело происходит открыто и вблизи телепорта, то про это знают и истинные правители империи – великие герцоги. Так что открывать глаза на творящиеся здесь безобразия никому не надо. Однако для чего везти людей через океан, мне было не очень понятно, и я этим заинтересовался, да и на самих краснокожих людей хотелось бы посмотреть. А то за девятнадцать дней отдыха кроме мест для развлечений, дворца и центральной городской площади ничего в княжестве не видел, хотя задумок на отпуск имелось много. Поэтому я решил прокатиться по Свальдуну, навестить рынок живого товара, вблизи посмотреть на процесс купли-продажи людей и на самих покупателей.

Решено – сделано. Продремав в одиночестве несколько часов, утром я покинул спальню и оказался в гостевой. Здесь я позавтракал с однокурсниками, которые лениво ковыряли в своих тарелках, и объявил, что отправляюсь в город. Меня никто не отговаривал. Все собирались на соколиную охоту, и это было гораздо интересней прогулки по Свальдуну. Хотя верный товарищ Виран Альера меня в одиночестве не оставил и после

недолгих колебаний тоже решил проехаться по столице княжества Фертанг.

Мы перерыли гардероб и надели самые неприметные костюмы местной знати – лёгкие серые рубашки из шёлка и такие же брюки. Дополнив наряд армейскими беретами и перевязями, на которых висели наши клинки – у меня корт, а у Альеры ирут, – были готовы к выезду в город. На княжеской конюшне мы взяли лошадей и в сопровождении двух слуг, которые держались в пятидесяти метрах позади нас, направились в Свальдун.

Дорога была лёгкая, куда ехать, мы уже знали, так что спокойно спустились с горы и уверенно направились в северо-восточную часть города. И пока ехали, мы с Альерой разговорились.

– Хорошо отдыхаем, – заметил я.

– Неплохо, – флегматично заметил Виран.

– Мне даже как-то неловко. Вилл нас кормит и поит, обеспечивает одеждой, развлечениями и женщинами, а мы словно приживалы и нахлебники.

Альера посмотрел на меня и неодобрительно покачал головой:

– Ты чего, дружище, в самом деле не понимаешь, что мы уже оплатили свой отдых?

– Как оплатили?! – удивился я.

– Ну, ты даёшь, граф Уркварт Ройхо. – Альера засмеялся. – Порой ты выглядишь очень умным и события на пару ходов вперёд предугадываешь, а иной раз – словно дитя малое, прописных истин не знаешь и ведёшь себя как идеалист, который только вчера на свет родился.

– Объяснись.

– Запросто. Ты спишь с женщинами, которые могут родить от тебя бастарда с хорошей кровью. А поскольку это ребёнок рабыни, то он обязан будет подчиняться своему господину, пусть не как раб, всё же он наполовину аристократ, но хотя бы как слуга. И когда в нём проснутся способности к общению с дольным миром, даже самые минимальные, есть вариант сделать из него верного себе мага, которого можно использовать в личных интересах, или предложить его одной из магических школ, не бесплатно, разумеется. Поверь, Уркварт, это очень хорошие деньги. У меня отец три года назад всего двоих детишек продал, которых наш дядя в деревне нагулял, и на эти деньги замок отремонтировал.

– Да как же так?! – Я остановил коня и со злобой оглянулся на дворец позади. – Нас что, используют как быков-производителей?!

– Спокойно, дружище. – Альера перегнулся с седла и хлопнул ладонью меня по плечу. – Не надо суеты. Поехали дальше.

Мы продолжили путь, и я сказал:

– Я не знал, что так всё случится, а иначе не поехал бы в гости. Почему ты мне ничего не сказал?

– Думал, ты всё знаешь. У тебя есть фамильный браслет, – он кивнул на мою левую руку, где висел серебряный оберег с руной «Справедливость», – и он, помимо охраны твоего тела и разума от магических атак, следит за тем, чтобы не было нежелательных детей вне брака, и оберегает тебя от плохих болезней, передаваемых половым путём. Вот я и решил, что ты на него расчёт делаешь.

При этих словах Альеры мне вспомнилось, как девушки во дворце пару раз просили меня снять браслет, но я отказывался, и они отставали.

«Да уж, снова не всё так просто, как оно кажется на первый взгляд», – подумал я и спросил Вирана:

– Не знаешь, как браслет работает на безопасный секс?

– Без понятия. Просто у тебя оберег очень старый, явно староимперская работа, а не новодел. У древних магов и дворян с этим было строго: что ни амулет или талисман, так не только для защиты, но и для здоровья.

– Ясно. А что насчёт тебя и остальных наших сокурсников?

– Мне-то что? Я соображаю, что делаю, и себя под контролем держу, а с другими на эту тему не разговаривал, но думаю, что они в курсе того, что в нашем отдыхе имеется второе дно.

– Как же Фертанг мог до такого додуматься?

– Нечего тут думать. Это стандартная практика. И если ты не в курсе, то Нуман Седьмой именно так на свет и появился. Он сын рабыни и Нумана Пятого. Ему улыбнулась удача, и когда он к власти шёл, то был неразборчив в средствах и жесток к своим врагам, так что стал князем. А если бы ему не повезло, то сейчас бы этот князь отрабатывал заплаченные за него деньги в одной из магических школ, на потоке заряжая накопители энергии. – Виран посмотрел на меня и улыбнулся. – Не переживай ты так. Ведь всем хорошо. Мы отдохнули. Фертанг показал, какой он гостеприимный хозяин и хороший товарищ, и даже смущался, когда в лицее про женщин разговор шёл. Его отец через девять месяцев получит трёх-четырёх карапузов с хорошим потенциалом, то есть не зря на нас потратился. А наложницы, которые родят бастардов, будут иметь возможность обрести относительную свободу, и на старости их, уже утративших красоту и здоровье, не сошлют убирать навоз в свинарниках, а скорее всего оставят жить во дворце и прислуживать на кухне. Разницу чуешь?

– Да. Только не понимаю, почему с наложницами мы кувыркаемся, а не какие-нибудь дворянчики, готовые за иллир на всё, что угодно?

– А всё просто. Ты никогда не интересовался разведением животных?

– Как-то не доводилось. Но понимаю, к чему ты клонишь. Порода?

– Конечно. Одно дело – брать захудалого конька, чтобы кобылку покрыть, а другое – сильного, яростного и мощного боевого жеребца, от которого будет хороший приплод. Это что касается лошадей, а если мы говорим о людях, то у кого самая сильная кровь, которую несложно к себе приблизить? Кого легко втёмную сыграть, чтобы они особо ни о чём не задумывались? Понятное дело, что это кадеты военных лицеев, которые пока мало о чём задумываются. Однако имеют характер, силу воли и связь с дольным миром, благодаря которой они переносят все невзгоды немного легче своих обычных сверстников.

– Ты это от брата узнал?

– От него самого, да и отец кое-что рассказывал.

– Ясно, – пробурчал я, нахмурился и замолчал.

Вскоре, проехав через очень грязный и запущенный нищенский квартал, где оборванные люди лежали чуть ли не в сточных канавах, мы въехали на рынок рабов, огромное поле, покрытое каменными плитами, в центре которого находился большой помост. На этом сооружении у стола с важным видом стоял мордастый пожилой мужчина с деревянным молотком в руках. Позади помоста находились загоны, закрытые высоким и плотным забором от глаз покупателей – четырёх десятков хорошо одетых мужчин и женщин.

Альера и я спрыгнули с лошадей, дождались княжеских слуг, передали им животных и присоединились к покупателям. Виран спросил:

– Слушай, Уркварт, а чего мы сюда припёрлись?

– Хочу на сам процесс торговли людьми посмотреть и на краснокожих купцов взглянуть.

– Чего на рабов смотреть? Всё равно денег нет, и слуги нам не скоро понадобятся. А большинство манкари наверняка в порту.

– Нет. Давай полчаса постоим, а потом в порт, а то я ведь кроме своего севера, Йонара, лица и княжеского дворца и не видел-то ничего.

– Ладно, как скажешь, только нет в продаже рабов ничего интересного.

По какой-то причине торги не начинались, видимо, продавцы ждали основных покупателей, краснокожих заокеанских торговцев. Они наконец объявились спустя пятнадцать минут. Пять человек, широкоплечие и высокие мужчины в возрасте от двадцати пяти до тридцати лет, с длинными чёрными волосами, зачёсанными назад и сколотыми на затылке

костяными белыми гребнями. Одеты они были в кожаные штаны и безрукавки, под которыми виднелись крашенные в цвет морской волны льняные рубахи. Из оружия торговцы имели при себе узкие мечи, чуть длиннее моего корта и покороче ирута. Лица и внешняя сторона рук у манкари в самом деле были красного цвета. Это для меня было удивительным, и я с интересом рассматривал заокеанцев. И видимо, с моей стороны это являлось бестактностью, поскольку один из купцов поймал мой взгляд и попытался заставить меня отвернуться. Но я такую игру знал, был в ней сильнее и выдержал это маленькое испытание. А манкари, злобно пробурчав на своем языке какое-то ругательство, сплюнул на камень под ногами и сосредоточил всё свое внимание на помосте.

– По-моему, он тебя оскорбил, – прошептал Альера.

– Начхать! – ответил я. – Будет реальное слово – ответит, а пока его нет, нам с тобой неприятности не нужны.

Тем временем началась продажа рабов. Аукционист дал команду крепким парням, стоящим рядом с помостом, и они вывели первых людей – семь юношей, наших ровесников, в мягких кожаных наручниках и кандалах на ногах.

– Внимание, господа! – радостным тоном объявил мордастый аукционист. – Сегодня продаётся движимое имущество благородного господина Ураки. И торги открываются его личными музыкантами и певцами, которые услаждали слух своего хозяина до самой его кончины, а теперь могут развлекать вас. А если вы останетесь недовольны музыкальными и певческими талантами этих прекрасных мальчиков, то они окупят расходы на себя хорошим трудом в поле. Стартовая цена за всех пятнадцать иллиров.

Некая пожилая женщина предложила семнадцать, ещё один покупатель обозначил двадцать, а третий, кто-то из манкари, двадцать три. Его цену никто не перебил. Гулкий удар деревянного молотка, и труппа была продана заокеанцам.

После музыкантов-певцов на помост вывели работников. За ними женщин. Далее детей и стариков. Снова крепких мужчин и опять женщин. Только за один час было продано примерно триста пятьдесят человек, и всех, за исключением двух кузнецов и двух столяров, купили краснокожие.

В общем, я увидел всё, что хотел, и мы с Вираном решили проехать по городу и посмотреть его достопримечательности. Но покинуть рынок тихо и спокойно нам не дали, так как путь к лошадям оказался перекрыт тремя манкари. Мы попытались их обойти. Но один из них, кажется, тот самый, который мерялся со мной взглядом, сапогом подкинул в нашу

сторону комок грязи, упавший на мою ногу. Увидев результат своей шутки, он громко рассмеялся и сказал на языке империи:

– Щенок! Как ты смеешь смотреть в глаза высшего существа?

Я спокойно повернулся к краснокожим заокеанским гражданам, которые вели себя на нашей территории как у себя дома, и поинтересовался:

– Дуэль, или трусишь?

– Кто?! Я?! Да тебе конец! – запальчиво выкрикнул манкари.

– Значит, бой один на один?

– А может быть, два на два? – подавшись вперёд, добавил Альера.

– Так даже интересней! – отозвался ещё один из торговцев. –

Принимаю вызов второго сопляка.

Прерывая нашу увлекательную перепалку, появился патруль, который вызвали слуги из дворца, – три стражника, обычные тюфяки, не чета йонарцам, и офицер, надо сказать, по виду вполне профессиональный вояка.

– Что происходит? – спросил воин князя Нумана.

– Да вот, – усмехнулся я, кивнув на манкари, – краснорожие уроды на драку навалились. И сейчас мы их прикончим.

– Что?! – Манкари схватились за клинки.

– Тихо! – остановил всех офицер и, дождавшись, пока шум вокруг него утихнет, сказал: – Дуэли в княжестве Фертанг разрешены. Но они происходят только на главном армейском ристалище по чётным дням под присмотром судей города Свальдуна, офицеров княжеской армии и жрецов Ярина Воина. Это закон. Поэтому сегодня бой между вами невозможен, а завтра вы будете иметь возможность убить один другого любым интересным для вас способом. Вам всё ясно, господа?

– Да, – кивок с моей стороны.

– Да, – точно такой же от Альеры.

От манкари недовольное бурчание. И офицер говорит:

– Расходитесь, господа, и не делайте глупостей. Свои разногласия разрешите завтра. Всё!

– Пошли, Уркварт. – Виран потянул меня за рукав.

Мы направились к лошадям и уже через несколько минут ехали по городу. На душе было муторно и как-то неуютно. Слишком много на меня сегодня свалилось. Наложница со своей жалостливой историей. Мелкий и меркантильный расчёт сокурсника Вилла Фертанга и его отца. Продажа рабов и ссора с манкари. Плохой день, даже, можно сказать, поганый. И, глядя на нищих калек, которые копались в мусорных ямах в поисках еды, и

вдыхая зловоние рыбного рынка, который находился неподалеку, я представлял, как вернусь в великолепии княжеского дворца и садов вокруг него, и не был этому рад.

— О чём задумался, Уркварт? — видя моё паршивое настроение, спросил Альера. — Наверное, про бой мыслишки крутишь? Может, сомневаешься в своих силах? Так не беспокойся, мы сильнее манкари, у одного одышка сильная, а у другого ладони беленькие, без мозолей, это сразу видно.

— Нет. — Я покачал головой. — Краснокожих прикончим, в этом сомнений нет. Они бойцы ниже среднего, это я тоже сразу оценил, так что справимся. Просто дом и родичей вспомнил.

В этот момент мне действительно вспомнился дом. Родной город, набережная, пляж, ярко освещённые улицы, уютная городская квартира со всеми удобствами и родители. Как они там сейчас поживают? Наверное, встречают старшего сына, который приехал со службы, и растят других своих детей. И конечно же они знать не знают, что слепок Алексея Киреева в теле другого человека пытается выжить в новом для себя мире. И им неизвестно, что я постоянно сталкиваюсь с предательством, двуличием и обманом, а завтра выйду на ристалище и стану насмерть драться против заморского купца, которого намерен убить.

Глава 11

Империя Оствер. Город Свальдун. 29.03.1402

В империи дуэли бывают условно двух основных видов: законные и незаконные.

С незаконными всё достаточно просто. Встретились два человека, стоящие на одной ступеньке социальной лестницы, оскорбили друг друга и в присутствии двух секундантов дерутся тем оружием, которое при них имеется. Очень опасный вид боя, так как в данном случае можно использовать все хитрые и подлые уловки, а также зачарованное и заклятое оружие, амулеты и алхимические препараты, выступающие в роли допинга. Естественно, зачастую в таких поединках побеждает не тот, кто является лучшим бойцом, а тот, кто имеет наилучшую экипировку.

Законные дуэли – дело другое. Они проводятся с разрешения местных властей на специализированных военных ристалищах вблизи основных имперских храмов, рядом с которыми не действует обычная магия. Поединки ведутся не просто так, сами по себе, а под присмотром жрецов, судей и офицеров городского гарнизона, которые следят за тем, чтобы бой проходил честно, а у бойцов имелось одинаковое оружие и более или менее равноценные доспехи. При этом если у одного из дуэлянтов чего-то недостает, всё необходимое он может получить из городского арсенала. Поэтому совершенно понятно, что в таком смертоубийстве главное – класс дуэлянтов. И мы с Альерой по пути в княжеский дворец трезво взвесили свои шансы на победу и пришли к выводу, что они у нас весьма велики, а значит, скорее всего, наши краснокожие оппоненты погибнут, а мы останемся в живых.

Настроение моё по дороге немного улучшилось – Альера постарался, растормошил. И когда мы вернулись в замок Нумана Седьмого, я уже не думал о плохом, а хотел хорошо поесть, выспаться и подготовиться к завтрашнему дню. Однако не успели мы поставить в конюшню лошадей и привести себя в порядок, как нас с Вираном вызвал сам князь, которому уже доложили о случившемся на рынке происшествии.

Князь Фертанга находился в саду, где думал о вечном, и вскоре мы предстали перед его светлейшими очами. Полный здоровяк, всё в том же белом банном халате, какой мы имели возможность наблюдать на нём при первой нашей встрече в тронном зале, в окружении нескольких сановников, стоящих рядом, возлежал на широком ложе под тенью большого

раскидистого дерева вблизи фонтанчика с розовой водой. Увидев нас, он без промедления начал разнос, говорил минут десять, и из всей его речи можно было вычленить очень короткую суть. Мы молоды и неопытны. Поэтому мало что понимаем в жизни. И так как являемся гостями, должны его слушаться. И он настоятельно рекомендует нам отказаться от завтрашнего поединка, признать, что мы были не правы, и принести извинения уважаемым господам заморским купцам, после чего обязаны сразу же покинуть его княжество.

«Вот тебе и суверенный правитель на троне из золота, который брюликами усыпан», – подумал я в тот момент и, переглянувшись с Альерой, ответил Нуману за нас двоих. Сначала дуэль. И только после этого мы покидаем Фертанг. За гостеприимство благодарим и самого князя сильно уважаем. Однако его совету последуем лишь частично, так как в данном случае задета наша честь, а значит, мы не отступим. А если на нас станут давить, то мы обратимся к покровителю военного лица «Крестич» великому герцогу Ферро Каниму.

Услышав это, князь не на шутку разозлился. Но приказа заковать нас в цепи и силой выдворить за пределы княжества не отдал, хотя вполне мог это сделать. В конце нашей беседы он посмотрел на своих советников, один из которых, благородный старец с длинными седыми волосами, кивнул в нашу сторону, потом правитель махнул на нас рукой и отпустил меня и Альеру в наши гостевые покои.

К тому времени с соколиной охоты как раз вернулись наши однокурсники, которые, узнав о произошедших в городе событиях, все как один посетовали, что их не было рядом, а то бы они тоже вызвали кого-то из манкари на бой. И только Вилл Фертанг нахмурился, кивнув мне в сторону балкона, и покинул комнату. Я последовал за ним, вышел на свежий воздух, посмотрел на солнце, опускающееся к линии между небом и землей, и стал ждать слов однокурсника. Но княжич молчал, хотя это он меня на разговор вывел. И тогда начал я:

– Вилл, что у вас происходит?

– В смысле? – Он повернулся ко мне и сделал вид, что не понимает моего вопроса.

– Хм. – Я усмехнулся. – Меня интересует, почему рабов продают краснокожим? Отчего твой отец, с виду умный и сильный человек, так заступает за манкари? С какой стати они ведут себя так нагло на вашей земле, которая хоть и национальная автономия, но всё-таки часть империи Оствер? Как так получается, что во дворце роскошь, а народ бедствует и по окраинам Свальдуна тысячи нищих?

Вилл быстро оглянулся по сторонам. Потом зачем-то посмотрел на свой родовой охранный браслет, как и у меня, старой работы из серебра, с многочисленными полукруглыми насечками и, придвинувшись поближе, сказал:

– Понимаешь, Уркварт. Несмотря на роскошь дворца, мы очень бедные люди. Ресурсов нет, а сельскохозяйственные угодья принадлежат кредиторам из Торгово-промышленной палаты. Рыбачьи деревни разорены, а леса бедны. И единственное, что у нас имеется, – это выход к океану и порты. Но они опять-таки не наши, а являются собственностью той же Торгово-промышленной палаты. Поэтому отец только внешне властитель. Он издает указы и держит свой народ в повиновении и раболепии, а вся реальная сила за торговцами, которые и ведут дела с манкари. Нам трудно им отказать. Но мы надеемся, что когда-нибудь сможем стать настоящими властителями своей земли, поэтому я и оказался в «Крестиче».

– Ну а дворец, а роскошь? Откуда это всё?

– Ты видишь только лицевую часть, которая слепит своим блеском, а отойди в сторону от жилых комнат – и заметишь дырявые ковры и рваные гобелены, облупившуюся штукатурку и выпавшие из кладки камни. Того, что нам из милости дают торговцы, хватает лишь на минимальные нужды, приёмы, выезды и подарки нашим близким сановникам. И мы с радостью потратили бы эти деньги на что-то иное, но не можем. Поэтому народ и наши гости думают, что отец живёт в блеске и славе. Однако если позолота отвалится, то станет заметно, что мы отличаемся от рядовых граждан только наличием титула.

– А армия и флот?

– В регулярной армии всего пять неполных сотен дармоедов, которые выполняют функции городских стражников. А остальные войска в княжестве находятся на денежном содержании ТПП. Эскадра, охраняющая торговые пути, – это бывшие пираты, которые ранее грабили наше побережье. А помимо моряков имеется триста профессиональных наёмников, готовых в любой момент ударить нам в спину.

– И как же так получилось, что вы оказались в долгу у Торгово-промышленной палаты?

– Из-за Нумана Шестого, который за три года своего правления всё княжество разорил. Народ тогда взбунтовался, а отец встал во главе бунта. И, договорившись с торговцами, которые не вмешивались, он убил своего старшего брата и стал следующим князем.

– А почему Имперскому совету не пожалуетесь?

– Смысла нет, только хуже будет. Сейчас время такое, что всем на

законы наплевать, кто сильнее и богаче, тот и прав. Малолетний император всего лишь пешка, великие герцоги увеличивают свои личные армии и копят силы, маги держатся кучками и в случае какой-либо заварухи готовы встать на сторону того, кто им больше предложит. Торгово-промышленная палата сама по себе государство в государстве. А жрецам на всё плевать, у них свои проблемы.

– В общем, теперь понятно, по какой причине твой отец за манкари вступился и нас унизить хотел. Но при ссылке на великого герцога Канима сдал назад. Его попросили об этом представители ТПП, и он сделал, что смог?

– Вот именно. – Вилл кивнул. – Ты видел с ним рядом седого старика с длинными волосами?

– Да.

– Вот он и есть истинный хозяин в княжестве. И ладно бы, имелся один погонщик, постоянный, так нет же, они каждые полгода меняются.

Вилл замолчал, а я спросил:

– Значит, в принципе князь не против этой дуэли?

– Конечно. Ему наплевать, убьёте вы заморских купцов или нет, всё равно он с них ничего не имеет. Главным для него было попробовать на вас надавить. Но раз всплыло имя великого герцога Канима, то жизнь манкари не так уж и важна, и ради них никто всерьёз спорить не станет.

– Ну, если разобрались, тогда я пойду спать.

– погоди. – Княжич остановил меня. – Вам с Альерой завтра хорошие клинки понадобятся и доспехи, а то знаю я городских стражников – дадут вам, что не жалко.

– Действительно, оружие и доспехи, если они есть, лучше заранее подогнать.

– Тогда пошли в оружейную комнату дворца. Надеюсь, что-нибудь там подберём.

Дружной гурьбой, решив сегодня обойтись без женщин и выпивки, кадеты навестили местный арсенал. Вошли в него и на мгновение застыли на месте. И не потому, что от выбора и богатства глаза разбегались, а в связи с тем, что он был практически пуст. Хотя, порывшись по сундукам и оружейным шкафам, кое-что мы всё-таки нашли: три десятка ржавых доспехов, несколько кольчуг, около сотни шлемов и полсотни самых разных клинков. В итоге, после двухчасовых примерок, я обзавёлся неплохим ирутом, вполне сносной кольчугой и чулками, медным закрытым шлемом с гребнем и наручами. Что касается Альеры, то для завтрашней дуэли он оставил свой меч, а на тело нашёл кавалерийский чешуйчатый доспех,

наколенники, наручи и юбку. На голову он решил натянуть какое-то квадратное ведёрко с прорезями для глаз, неизвестно кем и для кого произведённое и выглядевшее немного странновато, но удобное и сделанное из отличной стали. Помимо этого Виран и я добыли для себя две пары тонких кожаных перчаток, как раз под ируты.

После этого мы покинули арсенал и все вместе, за исключением Вилла Фертанга, который ушёл к отцу, занялись приведением в порядок нашего защитного и наступательного вооружения. Я затачивал клинок. Альера трудился над своим странным шлемом, который напомнил мне головные уборы германских пехотинцев-кнехтов. Остальные кадеты «Крестича» готовили доспехи, чистили их, меняли высохшую кожу и подшивали внутреннюю обивку. За такими занятиями мы скоротали время до полуночи и собрались расходиться спать. Но тут появился молодой Фертанг, который, устало выдохнув, присел рядом с нами и сказал:

– Значит, так, господа кадеты. Дуэль состоится, всё решено. Манкари твёрдо уверены, что убьют двух местных молодых дворянчиков, и сдавать назад не желают. Наши товарищи Ройхо и Альера тоже. Так что бой будет. Однако есть одно но. После того как поединок завершится, нам всем придётся возвращаться во владения великого герцога Канима.

– Почему всем? – спросил Альера.

– Краснокожие могут попытаться действовать нечестными методами, на это у них деньги найдутся, так что лучше нам один день в Йонаре догулять.

Кадеты с княжичем согласились и разошлись спать.

Ночь прошла спокойно. А в десять часов утра, сопровождаемые двумя десятками местных солдат, слугами и несколькими сановниками князя Нумана, мы уже находились на местном армейском ристалище вблизи храма Ярина Воина. Наши противники, судьи и зрители уже находились здесь. Краснокожие были облачены в доспехи из какого-то лакированного дерева тёмно-коричневого оттенка, такого же цвета стальные кольчужные чулки и юбки и конусовидные открытые шлемы со стрелкой, которая закрывала нос. Из оружия наши вчерашние и сегодняшние оппоненты имели узкие стальные мечи около восьмидесяти пяти сантиметров в длину, по весу примерно килограмм. Щитов ни у нас, ни у них не было, так что оставалось дожидаться разрешения судей и порубить противников в капусту.

Две пары воинов, мы с Альерой и манкари, перешли через ристалище – слегка посыпанную белым морским песком площадку сто на сто метров и подошли к трибуне, рядом с которой стояли люди, ответственные за чистоту проведения дуэли и её законность. Это пожилой жрец в сером

штопаном балахоне, два невысокого роста судьи, с опаской оглядывающиеся на лавки позади себя, на которых расположилось около сотни шумных моряков-манкари, и офицер, который не дал нам вчера сразу вступить в драку с краснокожими.

К нам подошёл жрец и поводил вдоль наших тел раскрытыми ладонями. Обнаружив на одном из манкари что-то подозрительное, он молча протянул к краснокожему руку, и тот, с ворчанием, снял с груди какой-то амулет. Но не отдал его священнослужителю, а перекинул этот магический предмет на трибуну, своим товарищам. Жрец был удовлетворён и отошёл в сторону, и нами занялись судьи, которые задали стандартные вопросы о причине ссоры и поинтересовались, не хотим ли мы помириться. Естественно, обе стороны настояли на драке. Городские судьи это приняли и передали эстафету офицеру, который представился капитаном Иоковым Инсаром, командиром второй сотни армии князя Фертанга. Он осмотрел наши доспехи и оружие, признал, что оно годится для поединка, и предупредил, что бой идёт до смерти, а кто останется в живых, тот возьмет всё, что на его противниках. После чего он предупредил, что беспорядков со стороны зрителей-болельщиков, что наших, расположившихся на другой трибуне, что моряков-манкари, не допустит, рядом с ристалищем находится его сотня и от князя Нумана капитан имеет приказ в случае проблем применять оружие.

– Всё ясно? – спросил капитан Инсар.

– Да, – дружно ответили четыре человека.

– В таком случае прошу вас, – он кивнул манкари, – отойти влево. А вас, – кивок в нашу сторону, – направо. Схождение по команде. Площадку не покидать.

Разошлись. Альера отсалютовал своим ирутом, я ответил. Стоим напротив своих противников, которые заняли исходную позицию, и слышится выкрик капитана:

– Сходитесь!

Двинулись навстречу манкари. Мы идём осторожно, а они чуть ли не вприпрыжку спешат к нам навстречу, и я удивлён их беспечностью. Неужели им никто не объяснил, кто мы такие? А может, они слишком самонадеянны? Всё может быть, но над этим ещё будет время подумать. А пока – в бой!

Мой противник всё ближе. Я уже вижу его глаза и ухмылку на губах, и готов отразить его первую атаку. Но буквально в трёх метрах от меня по какой-то причине он резко остановился, и я последовал его примеру. Секунда. Вторая. Слева слышен скрежет металла, это Альера схватился со

своим противником, а купец напротив меня стоит и ловит мой взгляд. Поймал. И одновременно с этим он делает длинный прыжок вперед. Шаг влево. И в то место, где я только что находился, опускается смертельно опасная стальная полоска, которая могла бы оборвать мою жизнь. Но не судьба манкари с одного удара меня свалить. Поворот и базовый диагональный удар сверху вниз. Лезвие ирута соприкасается с плечом краснокожего торговца и, что поразительно, отскакивает от дерева. Я не понимаю, как это возможно, но не паникую и встречаю вражескую сталь своей. Клинки выбивают один из другого сноп искр, и мы обмениваемся несколькими быстрыми ударами, а затем моряк пытается ударить меня ногой в живот. Однако песочек под ногами совсем не то, что твердая земля или палуба корабля, и у него ничего не выходит. Зато мой ирут прошёлся по его прикрытой чулками ноге и пропорол защиту.

Манкари, у которого из резаной раны на голени потекла кровь, отмахивается мечом и пытается взять меня силой. А затем, видя, что его удары не достигают цели, припадая на раненую ногу, резко подаётся назад и разрывает дистанцию. Ну а я, не отпуская подранка, следую за ним по пятам, кружу вокруг, настигаю его, и снова звенит сталь. Удары посыпались на противника один за другим. И хотя рана его не очень серьёзная, он запаниковал, начал терять над собой контроль, и я в длинном выпаде нанёс ему колющий удар в лицо. Попал. Правая щека заокеанца вскрылась длинным порезом и обнажила белые зубы, которые сразу же окрасились кровью.

Отскок назад, в любом случае победа уже моя, и я оглядываюсь на Альеру. У товарища всё в порядке. Он сбил своего противника на песок и добивает его размашистыми ударами, с хеканьем, клинком кромсая чужой шлем. И теперь снова внимание на «своего» манкари.

Краснокожий на мгновение застыл в ступоре, осознал, что у него располосовано лицо и он истекает кровью, и, что-то прокричав, видимо от отчаяния, в ярости бросился на меня. Меч над головой, он бежит, а я немного пригибаюсь и ныряю под удар. Пропускаю над собой чужую сталь и принимаю тело противника на своё левое плечо. А затем, после столкновения, снизу вверх, обеими руками держась за рукоять и направляя клинок, вонзаю его в залитую кровью голову манкари. Острие пробивает ложбину подбородка, прорезает язык и вонзается в череп. И вместе с краснокожим купцом, который массой своего тела увлекает меня за собой, я падаю наземь.

От резкого соприкосновения с песком ристалища в голове шумит. Но я сразу же откатываюсь от противника в сторону и встаю на ноги. Мои руки

пусты, ирут в теле манкари, и, слегка пошатываясь, я подхожу к мёртвому противнику и забираю сослуживший мне добрую службу честный клинок. После чего смотрю на Альеру, который уже прикончил своего оппонента и весь забрызган кровью.

Победа. Но радости нет, а в теле какая-то слабость. Вроде бы и бились недолго, не больше трёх минут, а ноги немного подрагивают, и клинок в руках сидит не так крепко, как перед началом смертельного поединка.

Под негодующие крики зрителей манкари, радостные вопли наших сокурсников и топот солдат, появившихся на ристалище, мы с Вираном направляемся к судьям и останавливаемся перед ними. Жрец одобрительно кивает и при этом смотрит на мой браслет с родовой руной. Городские судейские чиновники растерянны и хотят поскорее исчезнуть из этого места, то ли вида крови боятся, то ли иностранных моряков. А капитан Инсар кивнул на слуг, которые выбежали на песок и приготовились раздеть тела павших краснокожих купцов, и поинтересовался:

– Трофеи сразу заберёте?

Мы над этим как-то не задумывались, хотя конечно же знали, что доспехи и оружие убитых манкари, которые стоят денег, будут принадлежать нам. На пару секунд мы замялись. И тут, расталкивая солдат князя, к судьям вышел безоружный купец-манкари, один из тех, кто вчера был на рынке. Все присутствующие посмотрели на него, а он оглядел нас с Альерой и спросил:

– Отверы, что вы хотите за то, чтобы не трогать тела?

– А что дашь? – задал я ответный вопрос.

– Полсотни ваших иллиров.

– Ты как? – Я посмотрел на Вирана.

– Нормально.

– Идёт, – не торгуясь, согласились мы, так как цена за доспехи и оружие манкари на тот момент нам показалась приемлемой.

Купец снял с пояса тяжёлый кожаный кошель и было хотел с презрением бросить его на песок. Но, посмотрев на жреца и офицера, которые вперили в него тяжёлые и явно недружелюбные взгляды, а затем снова на нас, вложил шестисотграммовый мешочек мне в ладони.

Стражники тем временем всё-таки смогли утихомирить краснокожих моряков. Судьи разошлись. Ристалище начало пустеть. А мы, кадеты военного лица, уже через сорок минут через транспортный телепорт покинули княжество Фертанг и отправились в Йонар, из которого уже послезавтра нам предстояло вернуться в серые учебные корпуса «Крестича».

И единственное, о чём бы я хотел ещё упомянуть, – это о том, что княжич Вилл от имени своего отца преподнёс всем нам скромные прощальные подарки. Кому-то шитый пояс, иному неплохой кинжал из личной коллекции Нумана Седьмого, а Альере бутылку старого хорошего вина. Ну а мне, с подачи знающего о некоторых моих увлечениях Вилла, досталась копия старой книги, которая называлась «Краткие жизнеописания наиболее знаменитых выпускников военного лицея «Шайгер»». Написана она была восемьсот лет назад неким полковником Трентом Ройхо.

Глава 12

Империя Оствер. Военный лицей «Крестич». 8.05.1402

Через полчаса начнётся наш первый экзамен после возвращения в училище. И весь наш курс, пока есть время, сидит в читальном зале библиотеки, и каждый кадет ещё раз просматривает свои конспекты и листает справочники. В общем-то экзамен не очень серьёзный и больше напоминает зачёт, во время которого главное – уверенно выдавать информацию, не сбиваться и показать, что ученик знает ответы на все вопросы преподавателей, которые будут касаться только трёх предметов: основ магии, землеописания соседних государств и тактики имперской кавалерии. Но спрашивать станут строго, впрочем, как и всегда, и расслабляться не стоит, а не то живо лишат сна и заставят дополнительно предметы зубрить. Поэтому мы стараемся, как только можем, и я не исключение, листаю свою толстую тетрадь из серой имперской бумаги с обложкой из тонкой кожи и останавливаюсь на магии, разделе, который знаком мне менее всего.

Что есть магия? Определений этому явлению чрезвычайно много. Но для империи Оствер – это проявление энергетик дольного мира в мире реальном. То есть имеется планета Кама-Нио – она реальность, которая состоит из воды и земли, воздуха и деревьев, людей и животных, камней и так далее. И всё вокруг нас, весь округлый планетоид, летящий в космосе, и мы сами, пронизано токами силы иного пространства, которое называется дольный мир. И некоторые люди обладают родовой предрасположенностью к общению и взаимодействию с этим пространством, в котором обитают боги и духи. А главное, они могут использовать невидимые подавляющему большинству людей потоки идущей из того странного и невообразимого мира энергии. У всех талант к этому разный, у одних больше, у других, соответственно, меньше. Но одно неизменно – для правильного использования энергетик дольного мира надо долго обучаться в специализированном учебном заведении, и в Оствере это Академия магии и колдовства, расположенная невдалеке от имперской столицы Грасс-Анхо. Там, за стенами Академии, на то, чтобы освоить науку магии, люди тратят минимум десять лет. Они учатся, медитируют, общаются с иным миром, проводят эксперименты и изучают свойства трав и камней, которые способны впитывать в себя магические энергии. В итоге большинство из них, как мой дядя барон Койн, после общения с иным пространством,

сильно изменившись внутренне, а зачастую и внешне, становятся дипломированными специалистами, которые могут называть себя магами. После обучения они расходятся по магическим школам, и каждый работает в своём стиле и направлении. Одним удобнее заклятия накладывать, другим подвластны артефакты и алхимические преобразования, третьим – чистая энергетика, а четвертые и пятые работают с живыми организмами и рунами.

Всё достаточно просто и понятно. И именно так, только с большими подробностями, я буду отвечать моим экзаменаторам. Однако чем глубже я вникаю в этот предмет, тем больше, как у человека мира Земля, обладающего несколько иным, чем у местных жителей, складом ума, у меня возникает вопросов. Самый главный из которых: почему во времена расцвета Ишими-Бар и ранней империи Оствер маги управляли энергетиками дольного мира с большей эффективностью, чем сейчас, а обучение магическим наукам занимало не десять лет, а три-четыре года? Ведь существуют древние книги, в которых это всё упоминается, и их не одна или две, а десятки. И хотя во многих текстах имеются правки, мне они заметны, и, цепляясь за слова и предложения, я понимаю, что откат назад произошёл не только по технике и общему уровню жизни, но и по магии. При этом со временем пришло понимание того, что наверняка и местные маги из особо продвинутых это знают. Но почему-то они данной темы не касаются. Самому же мне об этом спрашивать не стоит, разве что только у Койна, который может выступить в роли моего консультанта. Однако его рядом нет, и мне остаётся только сравнивать древние тексты, размышлять, ставить перед собой вопросы, самому на них пытаться ответить и ворошить пыльные листы книг.

Кстати, о книгах. Подаренная мне копия «Кратких жизнеописаний наиболее знаменитых выпускников военного лицея «Шайгер», написанная полковником Трентом Ройхо, видимо одним из моих предков по крови, до сих пор со мной. В лицее действует закон: отбери у человека все права и блага, понемногу их возвращай, и он будет счастлив, но на третьем курсе появились некоторые послабления. В частности, господам кадетам увеличили личное время, мы можем писать и получать письма, а помимо того иметь при себе пару мелких безделушек и несколько книг. Так что я постоянно перечитываю занятную книжку про военный лицей «Шайгер». И хотя там нет описания систем подготовки воинов или методик, в ней имеется указание, где находилось это военно-учебное заведение, а из описания жизни его выпускников можно представить, чему и как их учили.

Например, сюжет о герцоге Киэпе Акцире, о котором ранее я уже

читал. Сей славный маг-воитель, будучи молодым лейтенантом, в одиночку атаковал полусотню вражеских гвардейцев из королевства Ассир, которое, между прочим, до сих пор существует, и всех их уничтожил. И в тексте было ясно сказано, что он использовал не только заклятый профессиональными магами меч, но и свои собственные боевые заклятия, такие как «Плющ», «Чёрная петля» и «Полное восстановление». Что, как и отчего – подробностей нет, и если насчёт последнего заклятия ясно, каким образом оно должно действовать, то относительно первых двух можно лишь догадываться, что это такое. И ещё автор книги при описании боя и применения заклятий использовал термины «индивидуальный энергопоток» и «внутреннее капсулирование тела». Может, это как-то связано с боевыми энергокапсулами, которые продаются в магических лавках? Пока не знаю, есть предположение, и не более того.

Вздохнув, я на время отложил конспект, ладонями размял затекшую шею, откинулся на спинку кресла, в котором сидел, и огляделся. Вокруг меня за столами расположились курсанты нашего курса, и вместе со мной нас в читальном зале было двадцать семь человек. Три человека, все из первого, «несчастливого», десятка, уехали в первый отпуск и в училище не вернулись. Один на дуэли погиб, второй струсил, не смог себя пересилить и вновь вернуться под власть сержантов и офицеров-инструкторов, а третий эмигрировал за границу, где ему уже сейчас предложили хорошие условия жизни и офицерский гвардейский чин. Вот так случается: поманили человека деньгами и званием, и он про всё забыл.

Что касается нашего второго десятка, то все на месте. Про приключения в княжестве Фертанг я рассказывал, и в целом можно считать, первый отпуск прошёл на оценку «отлично». Кадеты погуляли и расслабились, а мы с Альерой дрались на дуэли, вышли из схватки победителями, и у каждого из нас в кошельке прибавилось золотых монет. Правда, после этого всем нам пришлось покинуть владения Нумана Седьмого. Но это ничего, вовремя слинять тоже надо уметь.

Я подумал об отпуске, и от хороших воспоминаний мои губы сами собой растянулись в улыбке. При этом взгляд зацепился за графа Тормана Сарану и Кричарда Калька, которые с нами в Фертанг не ездили, а гостили у себя дома. И по сравнению с нами их отдых не задался.

У молодого графа Сараны более сильные соседи отбирают родовые земли, и он пытался уладить этот вопрос миром. Однако его вежливо посылали и внимания на него обращали не больше, чем на надоедливую мошку, а на дуэль, не имея никакой поддержки, он не решился. И правильно сделал, потому что его просто-напросто прибили бы, как

покойного отца, а после сказали бы, что он упал с лошади и расшиб себе голову, так что хмурый и злой Сарана теперь тренируется круглые сутки и готовится отомстить своим обидчикам.

С Кричардом Кальком история несколько иная, но тоже нехорошая. Он выходец из небогатой семьи вассалов великого герцога Канима баронов Кальков. Нашему сокурснику в жизни мало что светило, поскольку он не являлся старшим сыном барона и наследником его титула. Однако, по неизвестной причине, его дедушка по материнской линии оставил ему богатое наследство. И неожиданно Кричард стал обладателем собственного замка, неплохих земель, медного рудника и крупной суммы денег. Кажется, живи и радуйся. Но как тут радоваться, когда на твоё богатство, пока ты в военном лицее, саранчой налетела многочисленная худородная родня? Тут уже не до отдыха. И в данном случае было необходимо сразу же пресекать все поползновения двоюродной, троюродной и ещё непонятно какой родни на чужое имущество. Так что Кричард стал действовать. Где пинками и кулаками, а где уговорами и угрозами он освободил свои земли от «дражайших родственников», после чего попытался расслабиться и отрешиться от суровых реалий «Крестича». Но куда там. В течение недели на него было совершено четыре покушения, и в двух из них он выжил по чистой случайности. Так что возвращение в военный лицей Кальк воспринял с радостью. Деньги он положил в банк великого герцога, а всё остальное имущество сдал его управляющим в аренду, и теперь может спокойно продолжать обучение и не думать о плохом.

– Господа кадеты! – прерывая мои размышления и тишину читального зала, в помещение вошёл сержант первого десятка Юл Цинкер. – Время! Всем на выход!

Кадеты встали со своих мест и направились в аудитории, где каждый десяток, отдельно от других, начнёт сдачу экзамена. Наш десяток проходит в отведённое для нас помещение и садится за парты, которые мало чем отличаются от тех, которые стоят в земных учебных заведениях. Я смотрю на длинный стол перед чёрной доской на стене, которая завешена картой империи и окрестных земель.

Экзаменаторов четверо: наш офицер-инструктор Свен Нитра, заместитель начальника военного лицея капитан Зайнер, седоусый толстячок, как говорят, в прошлом лихой кавалерист, преподаватель землеописания господин Сибис, подслеповатый старичок, и один из магов школы «Торнадо», которую принято считать боевой, господин Саимор, на вид тридцатилетний мужчина, одетый в светло-синюю мантию. Нормальный состав, и люди знакомые, так что можно примерно

представить, что они спросят.

– Кто первым предстанет перед экзаменационной комиссией? – спрашивает капитан Зайнер.

– Я! – раздаётся мой голос.

– Что же, прошу к нам. – Зайнер усмехнулся.

Быстро, но без суеты и излишней поспешности я встал с места, подошёл к столу экзаменаторов, доложил по всей форме и приготовился выслушать вопросы, на которые должен ответить.

Начал Зайнер, и, как всегда, со своей любимой кавалерийской темы «Конные атаки». Ничего сложного в этом вопросе для меня не было, и я рассказал всё, что знал. Чётко, уверенно и без лишних словес по шагам описал сомкнутую и разомкнутую атаки, со всеми нюансами и уложился в шесть минут.

Заместитель начальника военного лицея остался доволен, подкрутил ус, и пришёл черед господина Саимора. Маг опросил меня по самым пустяковым вопросам, и тоже был удовлетворён. Две трети экзамена уже позади, учителя и наставники спокойны, я тоже, и оставался последний вопрос от преподавателя землеописания, который попросил меня обрисовать общую обстановку в странах, с которыми граничит империя. А поскольку вопрос общий, то можно было отделаться самыми пространственными формулировками с кратким описанием сопредельных с империей Оствер государств, тем более что выводы по такому предмету, как землеописание, мы должны делать сами на основе массы вспомогательных материалов. Так что это простая тема, на которую и надо было ответить просто, в течение шести-семи минут. Но меня понесло, и, подойдя к карте, я взял указку и начал отвечать, и вроде был краток, но сказал не то, что от меня ожидали услышать:

– Как известно, владения империи Оствер раскинулись на трёх материках: Эранга, Мистир и Анвер, протяженность границ нашего государства более ста десяти тысяч километров, которые прикрыты всего шестью десятками полков регулярных войск и не очень многочисленными дружинами пограничных владетелей.

– Вопрос был не про империю, кадет Ройхо, – прервал меня Сибис.

– Так точно, господин учитель, но я посчитал, что это необходимая вставка. Разрешите продолжать?

– Да.

– Теперь непосредственно обстановка в сопредельных с нами государствах. Наши соседи, все без исключения, готовятся к войне. На Эранге мы граничим с тремя крупными республиками, которые ранее были

имперскими провинциями. Это Коцка, Кауш и Васлай, которые пару лет назад объединились в Конфедеративное сообщество, а теперь строят новые корабли и комплектуют наёмные армии. Куда они направят свой удар, понятно – на нас. А всё потому, что считают, будто остеры ослабли и не смогут дать им достойный отпор. Далее. На материке Мистир имперские земли соприкасаются с четырьмя державами: царством Цегед, республикой Арзум и двумя королевствами – Ассир и Асилк. Это очень богатые, сильные и развитые государственные образования. И судя по тем известиям, что от них приходят, они тоже куют мечи и заключают между собой союзные соглашения. А если учесть то обстоятельство, что за последние три года у них несколько раз побывали республиканские посольства из Кауша и Васлая, которые были приняты очень тепло, можно предположить, что в случае военного конфликта на Эранге материк Мистир тоже полыхнет пожаром войны. Следующий материк – Анвер, где наша граница проходит преимущественно по населённым кочевниками степям и пустыням. И единственное серьёзное государство в тех краях – это теократия Шаир-Каш, где набирает популярность так называемый Культ свободы, пропагандирующий падение «империи зла», под которой подразумевается Остер. Ну и последнее – это морские и океанские просторы, на которые не принято делать упор, а надо бы, потому что с соседних материков и близлежащих архипелагов тоже можно ждать беды. И, обладая той информацией, которая мне доступна, я могу сказать о том, что морские лорды и краснокожие манкари тоже готовятся вступить в войну, только против кого, неизвестно. Возможно, против нас, а может так случиться, что они всех подряд будут грабить.

– То есть вы, кадет, считаете, что грядет большая война? – спросил меня Нитра.

– Она вполне возможна, – ответил я. – А иначе всё было бы тихо.

– На основе каких документов вы сделали такие выводы?

– Газеты из Асилка и Ассира, копии указов республик Коцка, Кауш и Васлай, донесения пограничников с материков Мистир и Анвер и свежий номер государственного обзора по сопредельным государствам, выпущенный канцелярией Верховного имперского совета.

– Вы понимаете, что ваши выводы основаны на самой общей и несекретной информации?

– Так точно.

– В таком случае, дабы проверить ваши знания, давайте более подробно остановимся на каком-либо одном государстве, – капитан нахмурился, – например, на королевстве Ассир. Что вы можете про него

сказать на основе ваших собственных знаний и умозаключений?

– Королевство Ассир расположено в юго-восточной части материка Мистир, преимущественно на равнинах Юрсан и предгорьях Камиранского хребта. Население государства около двадцати трёх миллионов человек. Строй – феодальный с сильной централизованной властью короля, на данный момент Унеча Первого, который управляет государством с помощью приближенных к королевской фамилии родственников. Столица – Дант-Асс. Денежная единица – десятиграммовые золотые и серебряные монеты юрасы. Сильная экономика, основа которой – сельское хозяйство, производственные мануфактуры, шелкопрядильные фабрики, железоделательные заводы и богатые рудные залежи. Регулярная армия – двести десять тысяч человек, ещё тридцать тысяч на флоте. Помимо этого имеются крупные формирования народной милиции и дружины феодалов. Главный бог этого королевства, как и в империи, Самур Пахарь. Имеется своя Академия магии и каста чародеев. Ассир дружит с соседним Асилком и против нашей империи...

– Понятно, – прервал меня Нитра, поднимая раскрытую ладонь, – тему знаешь. Но хотелось бы понять, на чём основывается твоё предположение, что Ассир готовится к войне? Каковы конкретные факты?

– Во-первых, королевство спешно перевооружает и доукомплектовывает армию и флот. Во-вторых, ассиры увеличивают закупку дефицитных для себя имперских товаров, в основном магических ингредиентов, сукна и шерсти, а подобный всплеск торговой активности был лишь перед прошлой войной с ними. В-третьих, в стране активно зачищают всех, кто так или иначе может встать на сторону Оствера, и дело маркиза Цумкана, казнённого в прошлом месяце, явное тому свидетельство. В-четвёртых, делаются большие запасы продовольствия и военного снаряжения, а многие королевские мануфактуры перепрофилируются под военные нужды. В-пятых, налаживание дипломатических контактов с Конфедеративным республиканским содружеством на материке Эранга. Это основное. Но есть масса мелких факторов, которые говорят о грядущей войне. Прикажете продолжать?

– Нет. Вопросов больше не имею. Сдача экзамена засчитана.

– Разрешите идти?

– Подожди. – Офицер-наставник достал из кармана своего мундира письмо в пакете и положил его на стол. – Это тебе. Иди.

Я взял пакет и вернулся на своё место и, пока офицеры и преподаватели гоняли моих однокурсников, распечатал письмо, которое оказалось от барона Койна.

Мой родственник писал, что недавно один из его друзей-магов гостил у герцога Грига и видел младших Ройхо. С ними всё в порядке, они живут вполне неплохо, хотя свобода их, по понятным причинам, ограничена стенами герцогского замка. Родовое жилище графов Ройхо разграблено, и сейчас в нём расквартирован небольшой отряд дружинников Грига. Барон Арьян исчез в неизвестном направлении, а сам Койн, с подачи своего покровителя Вишнера, отправляется в долгое путешествие. В общем, самое обычное письмо.

Мои однокурсники и сотоварищи по десятку один за другим в течение двух с половиной часов сдали экзамен, и пришёл черед отправляться на занятия по фехтованию. Сначала вышли преподаватели и Зайнер, а за ними следом двинулись мы. Но когда я направился на выход из аудитории, меня остановил голос Свена Нитры:

– Кадет Ройхо!

– Я! – поворот в сторону капитана.

Офицер встал из-за стола и подошёл:

– К вам будет поручение, кадет. Вы должны написать реферат о положении дел на имперском пограничье и кратко изложить ваши выводы относительно подготовки сопредельных с нами государств к войне. Справитесь?

– Так точно!

– В таком случае на сегодня вы освобождаетесь от всех занятий. Ступайте в читальный зал и работайте. Вечером жду вас с рефератом.

Приказ был понят правильно и удивления не вызвал, так как рефераты на разные темы, с подачи капитана, некоторые из моих однокурсников уже писали. Поэтому спустя пятнадцать минут, обложившись справочниками и отчётами, листами бумаги и грифельными карандашами, я приступил к написанию доклада. И хотя мне не совсем понятно, зачем капитану Нитре мои размышления, если он наверняка регулярно получает сводки имперского Генштаба и некоторые данные разведки великого герцога Канима, дурака уже не включишь. А значит, придётся изрядно попотеть, прежде чем получится нормальный документ, объясняющий, откуда я взял ту или иную информацию и какой из неё сделал вывод.

Глава 13

Империя Оствер. Военный лицей «Крестич». 14.03.1403

Наступил новый тысяча четыреста третий год от основания империи Оствер, в моей жизни всё было без кардинальных изменений. Я по-прежнему продолжал учиться, прибавлял в весе и росте, набирался новых знаний и опыта, старался поменьше вспоминать родную планету Земля со всеми её радостями и печалью, всё больше вращался в жизни мира Кама-Нио и много думал над тем, что ожидает меня впереди.

Вот и сегодня, в последний выходной день перед вторым, трёхнедельным, отпуском, как только вернулся с завтрака, я прилёг на свою кровать, прикрыл глаза, расслабился и загрузился думками о планах на будущее. И хотя подобные размышления посещали меня уже неоднократно, сначала в замке Ройхо, затем во время моего бегства и проживания в гостинице господина Ирсы, и здесь, в военном лицее, с каждым прожитым месяцем я изменялся и переосмысливал всё, что видел и узнавал. А потому постоянно находил в своих головоломках что-то новое. Ведь кто я был два года назад? По виду мальчишка шестнадцати лет из древнего рода с хорошей кровью и неплохими задатками, а внутри, в душе, являлся землянином, который ни черта не знал про окружающий его мир и царящие в нём реалии. Теперь же я другой и многие вещи воспринимаются мной совершенно иначе, чем изначально, и для меня уже не всё так просто, как было раньше.

Для примера можно взять конфликт Квентина Ройхо и Андала Грига. В первый месяц моего нахождения в теле Уркварта в этом деле мне всё было предельно ясно. Граф поспорил с герцогом и готовился с ним воевать. Однако, проучившись два года у превосходных учителей, я понял, что не мог выпускник военного лицея и бывший боевой полковник не учитывать того, что Григ сильнее и в чистом поле у его дружины не было шансов выстоять против войск герцога. Значит, в этой истории имеется второе дно, а возможно, и третье? Пожалуй, так и есть. У Квентина Ройхо наверняка была поддержка за пределами северного герцогства. И по его словам в разговоре с Арьяном, он ждал весны по той причине, что должны были подойти воины и маги его союзника. Всё так и было. Но, сделав такой вывод, я задавал себе новый вопрос. А кто был готов встать рядом с ним? Ответ напрашивался сам собой. Видимо, это великий герцог Ферро Каним или кто-то из его приближённых, например барон Анат Каир, который

почтил меня своим присутствием перед поступлением в «Крестич». Однако это лишь не имеющее под собой твёрдой доказательной базы предположение и, как говорится, его к делу не пришьёшь.

Впрочем, возвращаясь к моим планам на будущее и начну по порядку.

Что я имею на данный момент и буду иметь после выпуска из училища? То есть каковы будут мои стартовые условия при начале вольной жизни?

Я молод, силён, имею титул графа, хорошую древнюю родословную и предрасположенность к работе с энергетическими потоками дольного мира. По окончании «Крестича» я получу военное образование, которое в империи Оствер ценится, и стану сам себе хозяином. Это в плюс. А в минус можно записать то, что я нахожусь в достаточно бедственном для графа финансовом положении, не имею влиятельной родни, серьёзных покровителей и собственных земель и жилища. Ну и помимо этого у меня есть враг – герцог Андал Григ, а моя родня по крови, которой я обязан помочь, находится у него в плену. В общем, баланс хорошего и плохого имеется, и одно уравнивается другим. И хотя не всё так плохо, как могло бы быть, проблем по жизни у меня будет немало.

Далее. Чего я желаю получить от своей новой жизни, к чему должен стремиться и каких целей достичь?

Естественно, я хочу того же, что и большинство людей мира Кама-Нио и моей родной Земли. То есть мне хотелось бы быть здоровым, счастливым, уважаемым, обеспеченным и влиятельным человеком, который может не бояться за себя лично и близких людей и имеет возможность спокойно жить в своём собственном доме, в моём случае в замке. Это нормальные желания адекватного человека, который не стремится изменить мир, стать его владыкой или самым крутым героем всех времён и народов. Однако на пути к этому у меня множество препятствий, и, прежде чем получить желаемое, придётся попытеть, пролить чужую кровь и преодолеть ряд трудностей. Всё как всегда, под лежащий камень вода не течёт.

Продолжаю. Что я обязан сделать, чтобы достичь своих целей? Про все задачи не говорю, а первоочередные – это крепко встать на ноги, прижать к ногтю Грига и освободить своих родственников.

Для этого необходимо после выпуска, а если получится – до него в обязательном порядке найти себе покровителя, который сможет прикрыть меня от нападков враждебно настроенного ко мне феодала и поможет юному Уркварту Ройхо окрепнуть. Грубо говоря, хотя бы на год-два мне нужна серьёзная крыша, человек или организация, которой я готов служить и выполнять её приказы за деньги, влияние и возможность сколотить своё

собственное воинское формирование. Иначе никак, одиночка – это потенциальная жертва, а всю жизнь на территории великого герцога Канима, которому может просто-напросто надоесть защищать независимого графа, не просидишь.

Исходя из вышеизложенного, следующий вопрос: кто может стать моим покровителем и куда мне податься, чтобы подъём по социально-иерархической лестнице был резким, а не постепенным? Вариантов масса. Но самый вероятный – это служба Ферро Каниму или контракт в одном из серьёзных наёмных отрядов на севере или на западе империи, где постоянно идут бои с пиратами и кочевниками. Ведь я получаю военное образование, и мне известно, что на войне люди быстро растут в чинах и званиях, так что проще всего двинуться именно в этом направлении. Правда, и риск велик, меня могут убить или серьёзно покалечить, и тогда я не получу ничего – ни замка, ни денег, ни влияния, ни счастливой жизни. Но подобные опасности есть всегда, и ради достижения целей приходится сознательно идти им навстречу.

Вопросы и ответы, размышления и планирование будущей жизни. А что будет в конце и достигну ли я поставленных перед собой целей, предугадать невозможно, ибо жизнь не шахматная доска, она нечто более сложное, и порой с человеком могут произойти настолько нелепые случайности, какие ни в один план не впишешь. Эх, жизнь моя жестянка!

На этой мысли веки мои стали тяжелеть, и, надеясь до обеда подремать пару часиков, я стал засыпать. Однако по коридору между кроватями кто-то прошёл и остановился рядом со мной. Я моментально открыл глаза и увидел над собой лицо Вирана Альеры.

– Что-то случилось? – спросил я.

– Разговор есть.

– А он не может подождать?

– Нет. – Виран покачал головой.

– Ну, давай поговорим. – Понимая, что выспаться мне уже не дадут, я сел на кровать.

– Не здесь, пойдём...

Мой товарищ махнул головой на дверь и бросил быстрый взгляд на Вилла Фертанга, который сидел в окружении Тарди Песта и Гуннара Арциза и уговаривал Нунца Эхарта снова провести отпуск в Свальдуне. Пока Эхарт колебался, но он уже был близок к тому, чтобы сдаться, так как ему, третьему сыну захудалого барона, особо ехать было некуда.

– Лишние уши? – еле слышно спросил я.

Виран молча кивнул, и мне пришлось вставать. Я оделся и, следуя за

Альерой, вышел из казармы. Мы прошли в небольшую беседку за ней, и я обнаружил здесь ещё двух наших кадетов: хмурого графа Тормана Сарану, который сидел насупленный, словно сыч, и жующего спелое красное яблоко спокойного и несколько флегматичного Кричарда Калька.

– Что, господа кадеты, – присаживаясь на лавку, усмехнулся я, – заговор затеваем?

– Да какой там заговор. – Кальк улыбнулся в ответ. – Есть дело, о котором должны знать только его участники, вот и всё.

– А я уже, значит, в чём-то участвую?

– Альера сказал, что дело тебе понравится.

Я посмотрел на Вирана, а тот пожал плечами:

– Да, сказал.

– Ладно, излагайте.

Пока я спорить не стал и посмотрел на Калька. Однако в разговор вступил Сарана, широкоплечий блондин с сильными мозолистыми руками:

– Мне из дома письмо пришло. Соседи, твари, совсем озверели, пытались на мою мать и сестру напасть. Мало того что они все доходные земли в графстве под себя подмяли и крестьян увели, так теперь ещё и это. Мои близкие у тётки в соседнем владении укрылись и помощи просят, а мне её взять негде, ни денег, ни связей, поэтому я обращаюсь к вам.

Торман поник головой и замолчал. Альера подмигнул мне, мол, всё нормально. Кальк достал новое яблоко. А я спросил Сарану:

– Давай разберём все по порядку, я буду тебя спрашивать, а ты отвечать, идёт?

– Да. – Он мотнул головой.

– Ты ведь вассал великого герцога, почему ему о своей беде не доложишь?

– Всё не совсем так. Я вассал герцога Густаво Мариена, который является двоюродным братом Ферро Канима и его подчинённым. Поэтому перепрыгнуть через голову Мариена я не могу, меня никто слушать не станет.

– Ладно, пусть так. Но ты ведь можешь пожаловаться своему сюзерену?

– Могу, только он уже несколько лет в запое и плевать на всё хотел. Вместо старого Мариена в герцогстве правит его сын-бастард, который моего отца в могилу свёл, так что жалоба будет напрасной тратой бумаги и чернил и очередным унижением.

– То есть получается, что конфликт между тобой и соседями пущен на самотёк?

- Именно так.
- Кто соседи, что они могут и сколько у них клинков?
- Сволочи они, и люди без чести!

Сарана со злостью ударил кулаком по лавочке и рассадил себе кулак, а я встряхнул его за плечи:

- Соберись, кадет!

Молодой граф, который имел проблему примерно того же плана, что и я, на миг закрыл глаза, выдохнул и сказал:

- Всё! Я в норме.
- Тогда продолжаем. Что с соседями?

– Три не очень богатых «домашних» барона, бывшие слуги герцога Мариена. У каждого замок, несколько деревенок и по два десятка дружинников. Сами по себе, один на один, они не очень опасны, и сейчас я каждого из них голыми руками порву. Но они честного боя не примут, так что мне нужна помощь.

– Про помощь ясно. Ты скажи, из-за чего конфликт произошёл, кто зачинщик и чего эти бароны в итоге добиваются?

– Лет восемь назад на речке рядом с нашим замком мой отец построил несколько мельниц и маслобоен. От них пошёл хороший доход, и бастард герцога предложил нашей семье продать их за бесценок. Отец конечно же отказался, а тот стал ему постоянно каверзы устраивать и натравливать на него «домашних» баронов, которые свой титул от герцога за услуги получили. И посыпались на нас беды одна за другой, то посевы нам вытопчут, то мельницу подожгут, а потом наш управляющий вместе со всеми деньгами исчез. Родитель пытался как-то на это реагировать. Но он хотел всё по чести решить и против ударов исподтишка был бессилен. А три года назад он утонул в реке, ехал вечером с очередного погрома на наших землях, через мост переезжал – и вместе с лошастью в воду рухнул. Следующим графом стал я. Остатки нашей дружины разбежались, а мать меня сразу же в «Крестич» отправила. Таким вот образом всё моё хозяйство и земли, которые остались без защиты, стали принадлежать чужакам.

– Ситуация ясна. – Я посмотрел на Альеру и Калька. – Ваши предложения, господа кадеты?

Мне ответил Виран, который кивнул на Сарану:

– Торман предлагает нам поехать вместе с ним. В нашем присутствии он вызовет обидчиков на бой и прикончит их. Но у Кричарда есть свой план, который мне кажется более реальным.

– Да, есть, – произнёс Кальк, сделал паузу и, выкинув огрызок яблока, продолжил: – Мы можем поддержать Тормана, да только проблема никуда

не денется. Лично нас никто не тронет, по крайней мере среди бела дня и при свидетелях, потому что мы – кадеты «Крестича» и находимся под опекой Ферро Канима. Но бароны ведь не дураки, хоть и сволочи. Они могут оттянуть дуэль по времени и не принять вызов. И когда мы уедем из графства Сарана, всё вернется на круги своя. Бароны дожгут всё, что ещё уцелело, сведут с земли оставшихся крестьян, и останется наш друг Торман без штанов. А значит, он не сможет выбраться из нищеты и набрать свою дружину, которая станет за него драться и охранять его земли. Поэтому предлагаю не церемониться и не играть с баронами в поддавки, а набрать дружину в тридцать – сорок лихих наёмных клинков и самим разорить земли баронов. Ну а когда они выползут за стены своих замков, прикончить этих наглых уродов.

– А если бароны успеют герцогу пожаловаться? – спросил Торман.

– Наивный ты. – Кальк недобро улыбнулся и сам задал Саране вопрос: – Твой отец, когда герцогу на свои беды жаловался, какой ответ получал?

– Ему говорили, что это дело рук лесных разбойников, которых никак не удаётся поймать.

– Правильно. В таких случаях, когда дворяне враждуют, крайними именно разбойников делают. Вот и мы на них сошлёмся, если нас спросят. Знать ничего не знаем, видеть ничего не видели, приехали в гости к своему сокурснику благородному графу Саране, едим курочку, пьём вино, сидим за стенами замка и опасаемся лесных татей. – Кричард посмотрел на меня: – Ты как, Уркварт, с нами?

– Да, – согласился я. – Но имеется несколько вопросов. Главный: где взять наёмников, таких, чтобы люди были не болтливые, и кто оплатит их наём и переход через транспортный телепорт на расстояние в полторы тысячи километров?

– Всё предприятие оплачиваю я, и люди надёжные найдутся, – ответил Кальк. – Я когда в прошлый отпуск родственников из своего замка выгонял, наёмников в помощь брал, так что связь с ними есть.

– Понятно. Тогда другой вопрос. С чего ты такой щедрый?

– Хочу Торману помочь, себя в деле проверить и тактику разбойничьей войны обкатать, а то чую, мне после выпуска из лицея снова придётся с роднёй сцепиться.

– А ты с чего решил в драку полезть? – Я повернулся к Альере.

Друг расплылся в улыбке:

– У баронов должны быть денежки, и помимо того, что мы устроим этих подлецов и товарищу поможем, можно один-два замка почистить. Поэтому я за предложение Калька.

– Ну что же, можно попробовать поговорить с баронами на их языке. Кальк занимается наёмными бойцами, а мы с Вираном сейчас отправимся в библиотеку, поищем карты графства Сарана и прилегающих к нему владений с описанием замков. Наверняка подобная информация имеется, и, опираясь на неё, нам будет легче планировать свои атаки на противника.

– Значит, вы со мной? – Сарана оглядел каждого из нас.

– Так точно, господин граф. – Кальк шутливо козырнул.

– Да, – кивнул Альера.

– Мы с тобой, Торман, – добавил я.

На этом наша четвёрка рассталась. Кальк пошёл писать письмо своим знакомым наёмникам, которые находились в Йонаре. А мы с Альерой направились добывать информацию, и по пути я спросил Вирана:

– Ты на это дело только из-за денег решил пойти?

– Нет. В основном из-за того, что Тормана стало жаль.

– И как ты оцениваешь наши шансы?

– Если будут наёмные клинки, то всё сладится. Места в землях герцога Мариена дикие, хотя и числятся за Канимами, и законов там практически нет, поэтому наш риск не очень велик.

– А Кальку веришь?

– Ты имеешь в виду, что он может припомнить нам драку в гостинице?

– Да.

– Нет, с той поры два года минуло, и он стал другим человеком. Если бы подобное происходило год назад, то я бы ему не доверился, а теперь к нему можно спиной повернуться. К тому же мы ему нужны.

– Зачем? Он мог бы и сам всё сделать.

– Он не командир и в крови пока не замарался. Поэтому Кричард не сможет на пару с Сараной наёмников под контролем держать, а с нами ему спокойней.

– В общем-то ты прав. Но всё равно, надо быть настороже.

– Это само собой.

За разговором мы вошли в третий учебный корпус, поднялись на второй этаж и направились к дверям библиотеки. Но, проходя по коридору, в одной из аудиторий мы услышали чьи-то голоса и остановились.

– Тсс-с!

Альера прижал к губам указательный палец, и я согласно кивнул, странно, что в выходной день кто-то находится в учебном классе, так что лучше не шуметь. Подгоняемые любопытством, мы вплотную приблизились к неплотно прикрытой двери и прислушались к разговору двух человек внутри помещения. Это были офицер-наставник Свен Нитра

и командир нашего второго десятка сержант Конрад Сантина, а говорили они о том же самом, что и мы, то есть строили планы на предстоящий отпуск.

– Эх, – вздохнул капитан, – скорее бы наших кадетов за ворота отправить и отдохнуть.

– И чем ты займёшься? – Сержант обратился к офицеру на «ты», словно для них это естественно.

– С женой и детьми хочу к Керийскому океану отправиться. Снимем домик, и три недели я буду лежать на белом песке, загорать и ловить рыбу. А ты, Конрад, куда-нибудь поедешь?

– Нет, буду дома на огороде грядки вскапывать.

– А что так? Платят тебе столько же, сколько и мне, а значит, деньги в твоём кошельке водятся. Мог бы не жадничать и тоже хорошо отдохнуть.

– Ага! – усмехнулся сержант. – У тебя трое детей, а у меня шестеро. Особо не разгуляешься, тем более что мой старший хочет пойти учиться на стеклодува или на рудничного мастера, а это траты.

– Да-а-а, – протянул Нитра, помолчал и спросил Сантина: – Как считаешь, когда Большая война начнётся?

– Через два, максимум три года. – Голос сержанта резко стал сухим и жёстким. – Как только Ассир и Асилк будут готовы, так и польётся кровушка реками.

– И что, попросишься на фронт?

– Обязательно. А ты?

– Меня никто не отпустит, профессиональные офицеры-психологи нужны в лицах, нас мало осталось. Хотя хотелось бы молодость вспомнить, мчаться по полю на горячем коне и не думать о том, что этот бой может принести смерть. Романтика, мать её так и раз-эдак!

Короткое молчание, шуршание листов бумаги, и новый вопрос сержанта:

– Как думаешь, почему Верховный имперский совет на приготовления соседей никак не реагирует?

– Почему не реагирует? Великие герцоги готовятся, только мы этого не видим. У одного только Канима уже двадцать пять регулярных полков, а скоро их будет ещё больше. И все они по выучке мало чем уступают имперским регулярам.

– Тогда я не понимаю, почему не увеличивают набор кадетов, а требования к уровню их подготовки для скорости обучения не снижают.

– А зачем герцогам суесться, тому же Каниму, например? Наша программа подготовки сначала ломает человека, а затем делает из него

профессионала высокого уровня, который может не только мечом махать, но и думать. А понимающие подоплёку тех или иных событий офицеры в наше время не всегда и не везде нужны.

– Странно. Почему так?

– Всё просто. Представь, что начинается война, такая, какая вскоре случится. Нашествие врагов, кровь, битвы, звон клинков, боевые монстры школы «Трансформ» и взрывы магических энергокапсул. Атаки. Осады. Наступления противника и наши контрнаступления. Командующий армией, допустим великий герцог, отдаёт приказ наступать в лоб, а наш выпускник, который соображает лучше своего непосредственного начальника, совершает фланговый обход и побеждает без потерь. С одной стороны – это успех, а с другой – невыполнение приказа. Кто прав? Разумеется, старший по званию. Сейчас нужны не умные и инициативные офицеры, а преданные тому или иному феодалу вассалы. Поэтому наши выпускники ценятся, они нарасхват. Но в частных и наёмных армиях молодых офицеров используют в разведке, потому что они слишком самостоятельны, способны сами ставить перед собой тактические задачи и решать их без привлечения дополнительных сил.

– А чем Каним будет забивать вакансии в своих линейных полках?

– Вассалами, конечно.

– Но они же неучи!

– Ну и что? Зато они верные неучи и боевитые, такие, которые готовы выступить против любого, кого великий герцог сочтёт врагом.

Снова молчание, шуршание бумаг и опять голос сержанта:

– Ну что, вроде бы закончили?

– Да, – откликнулся Нитра. – Теперь пошли наших кадетов проверим, посмотрим, как они выходной проводят, и по домам.

Услышав это, мы с Альерой осторожно отошли от дверей и направились туда, куда и собирались, то есть в библиотеку за картами. Разговор Сантина и Нитры при этом мы не обсуждали. Информация была услышана и зафиксирована. Этого достаточно. А выводы из слов наших начальников каждый сделает свои.

Глава 14

Империя Оствер. Герцогство Мариен. 19.03.1403—20.03.1403

Ранним утром семнадцатого фаима (марта) мы покинули военный лицей. Кадеты, кто на наёмной коляске, кто на лошадях, которых привели верные слуги, отправились в Йонар, откуда грузопассажирским телепортом они должны были переместиться поближе к своим домам и местам отдыха. Путь нашей четвёрки лежал туда же. Но в отличие от большинства кадетов «Крестича» мы к телепорту не торопились, так как в городе у нас ещё были дела.

Сначала в гостинице нашего с Альерой старого знакомого господина Ирсы мы должны были встретиться с командиром небольшого вольнонаёмного отряда Гаем Гаяром. Затем следовало прикупить лошадей, припасы, кое-что из оружия и тёплую походную одежду, всё-таки не на прогулку отправляемся, а потому, прежде чем кидаться в драку с «домашними» баронами герцога Мариена, следовало подготовиться. И только после всего этого, переночевав в городе, мы планировали тронуться к телепорту, который перенесёт нас в городок Адельбург, принадлежащий герцогу Аделю, тоже вассалу Канимов.

Конечно, можно было точкой выхода выбрать город Мариенгард, который к землям нашего товарища Тормана Сараны ближе и является столицей его сюзерена. Но в таком случае наши противники получили бы предупреждение о том, что в графство идёт сильный вооружённый отряд, и могли бы к этому подготовиться. Нам это надо? По понятным причинам, разумеется, нет, так как внезапность – это серьёзный козырь, а мы подошли к предстоящему делу всерьёз и старались учитывать каждую мелочь. Тем более что точных данных по окраинным землям герцогства Мариен собрать не получилось. Все они устарели минимум на двадцать лет, а наш компаньон Торман о своей родине знал на удивление мало, так как до поступления в «Крестич» являлся тихим домашним мальчиком, лично по графству не ездил и довольствовался рассказами отца и матери. Поэтому мы выйдем у соседей, пройдем быстрым маршем сто сорок пять километров от Адельбурга к владениям Сараны и незамедлительно вступим в дело. Для начала мы снимем осаду замка, где скрываются мать и сестра Тормана, перебьём баронских дружинников, допросим уцелевших и атакуем того, кто будет к нам ближе всего, а затем начнём уничтожение остальных врагов. В итоге справедливость восторжествует и всё будет

просто замечательно.

Таковы были наши предварительные планы. И поначалу всё шло именно так, как я себе и представлял.

Гай Гаяр, старый вояка пятидесяти пяти лет, крепкий лысый мужик со сломанным носом и приметным косым шрамом на лбу, в тяжёлой кожаной куртке, под которой вполне могла быть кольчуга, и с широким мечом из тёмной бронзы на левом боку, на всех нас произвёл самое благоприятное впечатление. Настоящий воин, который работает за деньги по контракту, нанимается на охрану торговых караванов и отдельных лиц. А за дополнительную плату, не обозначенную в официальном договоре, вместе со своими людьми, тремя десятками головорезов, он мог выступить не только на стороне защиты, но и за сторонников активных боевых действий, например, таких как мы.

Переговоры прошли успешно. Гаяр выслушал предложение Калька, которого уже знал как честного нанимателя, подумал и начал задавать дополнительные вопросы. Сколько людей у «домашних» баронов? Как отреагирует на драку в графстве и разграбление баронских владений герцог Мариен? Какова местность вокруг? Имеются ли карты и планы чужих замков? Ну и так далее. Расспросы длились около двадцати минут, и, снова на некоторое время замолчав, он обдумал наше предложение и сказал:

– За двадцать дней работы я попрошу по восемь иллиров на каждого своего бойца и двадцать для себя. Помимо этого с вас транспортные расходы и оплата наших потерь в случае поражения. На добычу мы не претендуем. По официальным бумагам мой отряд пройдёт как охрана благородного дворянина Калька, и только. Договорились?

Ему ответил Кричард, который взял на себя все расходы по предприятию:

- Да. Но потери, если они будут, оплачу только в половину стоимости.
- Старый наёмник согласно кивнул:
- В таком случае необходимо подписать договор.
- В Гильдии наёмников?
- Конечно.

Гаяр встал, мы следом, и до вечера каждый из нас двинулся по своим делам. Кальк с командиром наёмников направился в Гильдию. Сарана – закупать продовольствие, лошадей и тёплую одежду. Альера – на оружейный рынок. А моя дорога лежала в лавку магических товаров «Польт», где было необходимо взять хотя бы несколько целебных эликсиров быстрого действия и пару серебряных заклётых кинжалов против нежити, которая запросто могла встретиться в окраинных дебрях

герцогства Мариен. Благо, рассчитывая возместить все траты из добычи, Кричард Кальк расщедрился и эти расходы тоже взял на себя.

В суете пролетел день, и, когда вечером мы сошлись в гостинице Ирсы, каждый из нас был выжат, словно лимон. Но зато наша компания была готова к походу. В течение несколько часов подогнав свои обновки и оружие, а затем подготовив лошадей, мы смогли спокойно выспаться.

Наступил второй день отпуска. У грузопассажирского телепорта, одного из одиннадцати, которые находились на территории, подконтрольной великому герцогу Ферро Каниму, мы встретились с наёмниками Гаяра, бывальыми и хорошо снаряжёнными вояками. И с этого момента можно было начать отсчёт времени похода.

Все мы, после того как Кальк оплатил транспорт, вместе со снаряжением и лошадьми вскоре оказались в Адельбурге. Местной страже были представлены все документы относительно официальной цели нашего путешествия и поднаёма отряда воинов. Формальности были улажены, дорожная получена, и, не задерживаясь в пределах городских стен, мы выступили на север.

Первый месяц весны в новых для меня местах не пришёлся мне по душе, да и дорожные впечатления были не самыми приятными. Днём сыкло и сыро, дороги плохие, трактиров в пути нет, деревни все какие-то серые и убогие, дома покосившиеся, а смотреть на хмурых крестьян и лица голодных детей, которые понуро стояли вдоль обочин и молча протягивали к нам худые грязные ладошки, было тяжело. Поэтому на привале, за день преодолев восемьдесят пять километров и находясь в двадцати пяти километрах от замка, где в осаде находились женщины Сараны, я сидел возле костра, жевал бутерброд с ветчиной, и он был мне не в радость.

Рядом со мной присел Кальк, который из котелка над огнём налил себе в расписную деревянную кружку горячего взвара. Держа ёмкость в обеих руках, он спросил:

– Ты чего такой хмурый, Уркварт?

– Устал что-то. – Раскрывать перед однокурсником душу мне не хотелось, и я решил отделаться нейтральным ответом.

– А я думаю, что ты крестьян местных вспоминаешь.

– А если и так, то что? – Я посмотрел в глаза Калька, которые пристально изучали меня.

– Ничего. – Он пожал плечами и перевёл взгляд на кружку. – Просто не ожидал от тебя подобной впечатлительности и жалости к низшим слоям. Я как увидел, что ты из своей седельной сумки каравай хлеба вынимаешь и крестьянке отдаёшь, так чуть с лошади не упал.

– Ты впервые подобное увидел?

– Да. – Кричард сделал глоток горячего напитка. – У нас подобные поступки не в чести.

– Где это у вас?

– Во владениях великого герцога Канима. Да и в других областях империи тоже.

– А у нас на севере не так.

– Может быть, но всё равно ты странный. И порой складывается впечатление, что ты не делишь людей на благородную кровь и простую.

– По-моему, Кричард, чепуха это всё. Какая разница, благородный ребёнок или нет. Главное, что он голоден, а у меня есть еда, и, может, этот каравай хлеба, которым я с крестьянкой поделился, спасёт её детям жизнь.

– А может, этот хлеб сожрёт её мужик, который потом будет свою жену смертным боем бить.

– Не исключено. Но моя совесть чиста, я сделал хоть что-то.

– Дело твоё. Однако я считаю, что дворянин не должен помогать простолюдинам, ибо это может заронить в их низкие душонки мысли о том, что они равны нам, а после таких измышлений и до бунта недалеко.

Отвечать я не стал, потому что продолжение бессмысленного разговора привело бы к спору, где каждый из нас остался бы при своём мнении. Мне было достаточно того, что я услышал. И я понимал, что подобной жизненной позиции, в духе которой воспитан Кальк, придерживается девять десятых всего благородного имперского сословия, которое привыкло к мысли, что на фоне остальных людей они – высшая каста. И если сержантов нашего военного лица, которые являлись свободными гражданами и воинами, молодые дворяне ещё могли принять как относительно равных, то крепостных крестьян таковыми никто не считал. Да что говорить, даже для моего друга Альеры, который, безусловно, хороший и честный человек, они всего лишь быдло и чьё-то имущество, и не более того. Такая вот иная, неприглядная сторона феодализма. Для своего круга – благородство и красивые жесты, по крайней мере в присутствии вышестоящего сюзерена, а к низшим слоям полное презрение. А что самое паскудное, мне всё равно придётся жить по правилам общества, к которому я принадлежу, и не совершать поступков, которые могут быть истолкованы как моя слабость.

Настроение ещё более ухудшилось. Я поднялся от костра, прошёл к своему спальному месту, закутался в чистую толстую попону и провалился в сон.

Ночью на землю спустился мороз. Вылезать из тёплого спального

лежбища не хотелось, но пришлось. Позавтракав, наш отряд продолжил свой путь и ближе к полудню подошёл к замку, где жила тётка Сараны, баронесса Рино, рано ставшая вдовой одинокая тридцатипятилетняя женщина.

Мы ожидали, что здесь будет настоящая осада, со всеми сопутствующими этому действию таранами и воинами, которые готовятся к штурму. Но как оказалось, мы были слишком хорошего мнения о «домашних» баронах герцогства Мариен. Осада выражалась в том, что посреди поросшей травкой дороги, ведущей к замку, стояли лагерем десять конников, грязных и плохо вооружённых мужиков. Да и сам замок Рино не впечатлял – обычное поместье на холме, обнесённое деревянным палисадом, на котором стояло несколько слуг баронессы. Вот так вот. По всем нашим прикидкам и собранной в «Крестиче» информации выходило, что здесь серьёзное укрепление и дела творятся действительно крутые. А на деле получалось, что мы попали на обычную сельскую разборку.

Впрочем, расслабляться не стоило, и мы продолжали всё делать по первоначальному плану. Наёмники Гаяра схватили и обезоружили расположившихся на отдых считающихся в местных краях дружинниками мужиков. Торман Сарана в сопровождении Калька направился в замок тётки, где воссоединился с матерью и сестрой. А мы с Альерой занялись допросом пленных воинов, которые оказались бойцами одного из наших противников барона Мариша.

Воины, если их можно так назвать, Мариша, в полном недоумении оттого, что их взяли в плен, отвечали на каждый поставленный перед ними вопрос. Виран, Гаяр и я внимательно их слушали. И уже через два часа, как раз к тому моменту, когда в сопровождении весьма симпатичной блондиночки лет шестнадцати на гнедой полукровной лошадке из замка вернулись Торман и Кричард, мы обладали более полной информацией о положении дел в графстве Сарана и прилегающих к нему трёх баронствах.

Картина вырисовывалась следующая. Есть один хороший замок в центре всего этого района – владение Сараны. Вокруг него на расстоянии двадцати – тридцати километров – три крепких особняка с палисадами, подобные тому, в котором живёт баронесса Рино. Дружинники баронов по сути самые обычные крестьяне и бывшие работники ножа и топора, которые несколько лет назад встали под руку новоиспечённых феодалов. Местность вокруг небогатая, частично болотистая. Три десятка деревень, по полторы-две сотни жителей в каждой. Такова реальность по факту. А мы ехали на серьёзную драку, в которой дружинники – это профессиональные воины, бароны – настоящие рыцари в сверкающих доспехах, а замок –

нечто мощное и каменное, с высокими стенами, барбаканами, донжонами, крепкими воротами и прочими укреплениями. И если смотреть по факту, ради подобных раскладов не стоило тянуть в эти места тридцать наёмников и изобретать хитроумные планы. Хотя без поддержки соваться в такую глушь, как окраина герцогства Мариен, тоже не стоило, нашего сокурсника просто затоптали бы толпой, и нас вместе с ним, так что всё сделали правильно, хотя противник и оказался слабее, чем мы ожидали.

– Господа кадеты! – прыгивая со своего жеребца и помогая спуститься наземь девушке, воскликнул радостный и счастливый Сарана. – Позвольте представить вам мою сестру Молин!

Как учтивые и благовоспитанные люди, мы поклонились девушке, представились в ответ, и при этом я обратил внимание, каким восторженным взглядом смотрит на юную Сарану наш временный компаньон Кальк.

«Да, видать, увлёкся кадет Кальк», – отметил я. Но быстро отогнал эту мысль и, посмотрев на Кричарда и Тормана, сказал:

– Необходимо провести срочный военный совет и определиться с дальнейшими планами.

– Уркварт, ну чего совещаться? – Посмотрев на милую девушку, Кальк расплылся в улыбке. – Давно уже всё решили. Отдыхаем сутки. Потом атакуем Мариша, за ним Девиньша и Пертака.

– Есть шанс сразу всех взять. И на наш взгляд, – я посмотрел на Альеру и Гаяра, – это самый наилучший вариант. Не надо бегать от одного укрепленного места к другому, если имеется возможность сразу переломить ситуацию в свою пользу.

Кальк и Сарана поворчали и попыхтели, но всё же согласились с нами. Отправив Молин обратно к матери, мы собрались в круг, и я изложил им свой план:

– Сейчас все бароны вместе с большей частью своих дружинников находятся в замке Сарана, видимо, Тормана караулят, который должен приехать в отпуск, и его прибытие ожидается со стороны Мариенгарда. Поэтому, пока они не разбежались, предлагаю не тратить время на отдых, а уже сегодня ночью, под видом дружинников из пленённого нами десятка, подойти к замку, вломиться в него и всех прихлопнуть. В этом случае даже разбойников изображать не надо, факт агрессии против графа Сараны на лицо. А после этого можно брать владения этих новоявленных аристократов голыми руками. Кто за?

Все присутствующие со мной согласились, и уже через двадцать минут отряд снова снялся с места и, оставив позади деблокированное поместье

Рино и бывших баронских дружинников, которые вскоре станут крепостными, направился к родовому жилищу графов Сарана. Дорога по-прежнему была паршивая, но часам к семи вечера, уже в сумерках, мы достигли цели. Вперёд выдвинулись мы вчетвером, накинули на себя плащи с каким-то цветным коронованным петухом на спине – знаком барона Мариша, на головы натянули капюшоны и подъехали к замку.

Как укрепление замок Тормана Сараны – так, плюнуть и растереть, оплывший и заросший бурьяном ров, четырёхметровые каменные стены, из которых выпадают камни, четыре башни с прохудившейся деревянной крышей, а внутри – два жилых донжона и несколько хозпостроек. Но на фоне местных так называемых замков это весьма серьёзное укрепление, и если не взять его с ходу, то с ним можно долго провозиться, поэтому надо действовать быстро, решительно и без сомнений.

– Эй! – выкрикнул Альера, проехав по опущенному мосту, который давно не поднимался и врос в землю. – Открывай!

Тишина. Около минуты никто не отзывается, и, наконец, со стены над входом раздаётся сиплый голос:

– Кто там орёт?!

– Это Финер из десятка Горбуна. Прибыл к господину барону Маришу с важным известием! Отворяй ворота, а то барон велит тебе плетей всыпать!

– Не пугай! У меня свой барон есть, – ответил стражник, а потом крикнул вниз: – Кер, открывай! Свои!

Со скрипом одна створка ворот распахнулась. Мы проехали внутрь замка и осмотрелись.

Освещенная факелом небольшая площадка перед внутренним пространством замковой площади. Перед нами – два стражника, крепкие сорокалетние мужики, от которых слегка несёт сивухой и луком, и ещё один, видимо, тот, кто разговаривал с Альерой, спускается по внутренней лестнице.

– Где бароны? – спросил Виран.

– Да где же им быть, – ответил стражник с сиплым голосом, – в правом донжоне, в карты играют, пьют и бывшего хозяина ждут. Тебя к ним провести или сам дорогу найдёшь?

– Найду, – ответил Альера, и его кинжал, спрятанный до поры под плащом, острым клинком прошёл по горлу баронского дружинника.

Вслед за Вираном без промедления стали действовать Сарана и Кальк, с лошадей упавшие на двух других караульчиков. Мне противника не досталось, и, спрыгнув наземь, я снял со стены горящий факел, вышел на

мост через ров и помахал им в воздухе.

Сигнал был подан, и наёмники не медлили. В темноте слышался топот копыт, и во двор замка влетели всадники. Что делать дальше, всем было понятно, и, разделившись на два отряда, воины вломились в жилые донжоны. В левый два десятка и Гаяр, а в правый, где находились Девиньп, Пертак и Мариш с приближёнными, ещё десяток и мои сотоварищи кадеты.

«Пока всё просто и слишком легко, – отметил я, оставшись во дворе и решив не вмешиваться в бой. – Бароны – не воины, а бывшие слуги, которые хоть и стали аристократами, но всё равно остались холопами. А их дружинники вряд ли смогут оказать нам серьёзное сопротивление».

И только я так подумал, как в левом донжоне, где находились бойцы наших противников, зазвенели клинки и слышались яростные крики. А затем со второго этажа, выломав оконную раму, застеклённую полупрозрачной слюдой, вывалился один из наёмников, вроде бы живой.

– А вот это уже интересно, – сказал я сам себе и, выхватив корт, помчался на помощь воинам Гаяра.

В свете неярких факелов я пробежал через замковый двор и оказался внутри башни. Не задерживаясь на первом этаже, перепрыгивая через ступени и обогнув двух раненых наёмников, спускающихся вниз, я выбежал на второй этаж. Ранее здесь была казарма графских дружинников. Теперь в этом месте на постое находились люди баронов, и наёмники должны были их просто разоружить, а если бы кто-то попробовал оказать им хоть малейшее сопротивление, то таких надо было сразу уничтожить. Так что, учитывая слабую подготовку людей местных феодалов, задача перед воинами Гаяра была достаточно простой.

Однако то, что я увидел в казарме, говорило о том, что не всё складывается так, как нам бы того хотелось. В просторном помещении, где вдоль стен стояли спальные нары, а под потолком висел не очень яркий масляный фонарь, шёл бой. Посередине крепкий светловолосый двухметровый здоровяк размахивал тяжёлой деревянной лавкой. Воины Гаяра прижимали к стенам дружинников.

– Гаяр, что происходит?! – остановившись в дверях, окликнул я командира наёмников, который съёмным рычагом взводил арбалет.

– Сам никак не пойму! – откликнулся он. – Вошли тихо. Начали дружинников вязать, всё в порядке, а тут этот, – Гаяр посмотрел на здоровяка, который не подпускал к себе его воинов, – в драку кинулся. Сотня демонов ему в глотку! Уже троих моих парней зашиб. Пока никого не убил. Ну, ничего! Сейчас я его болтом свалю.

Гаяр вскинул арбалет, ладную мощную игрушку, и выстрелил, но

промахнулся.

– Стреляйте! – выкрикнул старый вояка, повернувшись к своим воинам у стены.

Наёмники выстрелили сразу из двух арбалетов. Но здоровяк вовремя закрылся от них своим «оружием», и стрелы впились в дерево. К нему тут же бросились люди Гаяра, но он с диким рёвом кинул им навстречу лавку, а затем, ловко перепрыгнув через мешанину упавших на пол тел, устремился к лестнице, прямо на меня.

Ощущение не из приятных, словно дикий бык навстречу мчит, а деваться особо некуда. Но ничего, тут главное не запаниковать, а хорошо тренированное тело само знает, что делать. Я отклонился, подпрыгнул и окованной рукояткой корта ударил бегущего к спасению здоровяка в голову. Его череп удар выдержал, хотя громилу я оглушил. Он застыл на месте и закачался, а я, крепко встав на ноги, нанёс повторный удар.

С грохотом богатырь упал. Баронские дружинники, кого ещё не повязали, видя, что сопротивление бесполезно, сдавались, а больше в донжоне никого не оказалось. К здоровяку, которого я свалил, подошёл один из людей Гаяра, достал из сапога нож и хотел перерезать храброму богатырю глотку. Но я его остановил, так как смысла лить лишнюю кровь не было.

Наёмник вскипел и прорычал:

– Отойди в сторону, господин граф. Этот гад, – он со злобой посмотрел на бесчувственное тело, – моего побратима в окно выкинул, а значит, ему не жить.

– Не ты его уронил, и не тебе его судьбу определять. – Я решил не отступать, это дело принципа.

– Да ты чего?!

Наёмник направил в меня нож. Но мой корт был быстрее и прижался к его шее. Остальные люди Гаяра отреагировали на это моментально, и заскрежетала сталь, только что вложенная в ножны. Дело принимало дурной оборот, но вмешался Гаяр:

– Отставить! Граф прав, это его личный пленник. Ша! Я всё сказал! Клинки в ножны!

Наёмники подчинились, и на этом моменте боестолкновение за замок Сарана было закончено. Правый донжон был взят без единого удара мечом. Всех пленников, включая баронов, до поры заперли в одной из хозяйственных построек. А наших раненых, которых оказалось трое, перевязали и напоили целебными эликсирами.

Наутро следующего дня молодой граф Сарана в присутствии местных

дружинников и наёмников Гаяра одну за другой в замковом дворе провёл три дуэли и прикончил своих противников, на каждого из которых он потратил не более двух минут. И после этого можно было сказать, что дело сделано, для нас всё сложилось очень неплохо и теперь оставалось лишь ограбить поместья погибших «домашних» баронов и с добычей вернуться в Йонар. Но я захотел переговорить с пришедшим в себя богатырем, которого вырубил в ночном бою, услышал от него нечто интересное и так ввязался в новое приключение.

Глава 15

Империя Оствер. Герцогство Мариен. 21.03.1403

Перед тем как бароны должны были погибнуть, их конечно же допросили. И они, видимо, надеясь, что им сохранят жизнь, вылили друг на друга столько помоев, что мы просто диву давались. Люди, которые объявляли себя аристократами и считали один другого друзьями, рассказывали обо всех прегрешениях своих товарищей, о каких только ведали. И будь на нашем месте какой-нибудь сотрудник Тайной стражи великого герцога Канима, он бы смог многое от них узнать. Например, про интриги, преступления и махинации Дульо Мариена, бастарда местного правителя, верными исполнителями которого бароны являлись. Нас же интересовали ответы на конкретные вопросы. Сколько у них денег и где они? Что ценного имеется в замках-поместьях? И сколько они оставили на страже воинов?

Бароны отвечали. Мы их слушали. И выяснилось, что люди они не бедные, и за свою жизнь все трое скопили вполне приличное по местным меркам состояние. Жажда наживы заставляла этих мелких и жадных людишек браться за всякое более или менее прибыльное дельце, и они ничем не брезговали. Драли с крестьян три шкуры. Растаскивали имущество графа Сараны и продавали его крепостных в рабство. Грабили караваны мелких торговцев, идущих из Мариенгарда в Адельбург. А недавно разрыли очень древнее капище с близлежащим кладбищем неизвестного народа, жившего в этих местах ещё до расцвета империи Ишими-Бар, и выкопали из земли немало ценных предметов, какие-то золотые чаши, сосуды и ритуальные украшения. Так что «домашние» бароны не бедствовали. А если бы они ещё и не жадничали и вовремя наняли бы себе в дружину нормальных бойцов, то, глядишь, имели бы все шансы сохранить своё богатство. Но жадность и скопидомство не самые лучшие черты человеческого характера, и они поплатились за них жизнями.

Граф Сарана, мстя врагам за отца, страх матери и сестры и своё собственное унижение, распластал их на куски. И, отдав приказание закопать трупы баронов за стенами замка, мы собрались на совет и определились в том, что надо собрать все богатства, какие остались от убитых феодалов, свезти добычу в жилище Тормана и уже здесь её разделить. А чтобы слуги баронов, их домочадцы и наложницы не успели скрыться с самым ценным барахлом и деньгами, работать мы решили

тремя партиями: один кадет и восемь наёмников на одно поместье. Альера берёт на себя Пертак, Кальк едет в Девиныш, а я направляюсь в Мариш.

Выдвигаться решили следующим утром, а пока готовили бойцов и отдыхали. Гаяр выделил мне людей, я с ними побеседовал и пообещал за добросовестную службу дополнительную награду. Бывалые наёмники поняли меня правильно, заулыбались, и я их отпустил. После этого я хотел отправиться в правый донжон и немного порыться в библиотеке Сараны, но ко мне подошёл один из караульных и спросил:

– Господин граф, что с вашим личным пленником делать?

– Каким пленником? – Я не сразу понял, о ком речь.

– Ну, тот громила, которого вы вырубili.

– А что с ним не так?

– Он криком кричит, его не поймёшь. Какой-то бред несёт и требует старшего командира на разговор. Был бы обычный пленник, мы бы его дубинами успокоили. Но вашего бить не стали, а только колодку ему на руки накинuli и отдельно отсадили. Поговорите с ним, или нам его копейными древками по башке погладить?

– Поговорю, – решил я. – Веди.

Наёмник провёл меня в продолговатый пустой амбар, где раньше держали какие-то припасы. На миг я остановился и подождal, пока глаза привыкнут к полумраку помещения. После чего на куче соломы увидел моего вчерашнего пленника, угрюмого здоровяка с большой шишкой, которая выпирала из коротко стриженных светлых волос. Руки его были скованы деревянной колодкой, которую он держал на уровне мощной богатырской груди, а простоватое лицо выглядело чрезвычайно встревоженным.

Я подкатил к куче соломы стоящую у стены пустую бочку-пятидесятилитровку. Присел на неё и начал разговор:

– Тебя как зовут, воин?

– Фредрик Глух, – ответил богатырь, – но я не воин, а охотник.

– А что в замке вместе с дружинниками барона делал?

– К барону Пертаку, моему господину, вчера за помощью прибежал, беда у нас. А тут ночное нападение, я схватил, что под руку попало, и в драку кинулся.

– Понятно. О чём хотел с кем-то из командиров поговорить?

– Так я же и говорю, беда у нас. Надо всем воинам и людям собираться, жрецов звать и магов из города. И всем миром к нам на выручку спешить.

– Беда, говоришь? Давай подробнее.

– Всё началось с того, что полгода назад, осенью, господа бароны разрыли древнее святилище, много золота там выкопали и могилки потревожили. И стали с тех пор вблизи того места странные события происходить. Сначала оттуда всё зверье сбежало, а камни старого храма ночами светиться стали. А когда наш барон Пертак своих воинов собрал и в замок Сараны двинулся, в деревню мертвецы и призраки пришли. Что в доме у нашего барона творится, того я не знаю, его жилище в стороне от нашей деревни, а у нас всё плохо. Мертвяки первым делом всех собак порвали, которые на привязи были, потом домашних животных, а когда я за помощью уходил, они уже в дома ломиться стали.

– Это настоящие мертвяки?

– Да-да. – Здоровяк кивнул так, что его лоб соприкоснулся с деревом колодки.

– А если ряженные?

– Нет, это настоящие трупы, люди с нашего погоста, кто за минувшие три месяца помер.

– Сколько их?

– Семь или восемь.

– Сами с ними пробовали бороться?

– Да, но тут серебро зачатое нужно, а у нас его отродясь не было, мы люди бедные. Кидались в них дрекольем и на вилы вздеть хотели, а им это не страшно. Потом мужики попробовали одного огнём поджечь, не получилось, он на них бросился, и они сбежали. Другого спутать пытались, а он верёвки разорвал, и одного из ловцов под себя подмял. Это же нежить, не берет их ничто, поэтому магия нужна, а иначе никак.

– Барону Пертаку докладывал?

– Как только в замок прибежал, так сразу, и барон сегодня с утра хотел домой возвращаться.

– Ясно.

Я задумался над полученной информацией и сам себя спросил: «Что я знаю о живых мертвецах?» В общем-то не так уж и мало. Кинофильмы, которые я смотрел на Земле, и книжки, которые почитывал, – это всё так, шалей-валяй, истины в них немного. В мире Кама-Нио некромантия – не сказка, а кусочек повседневного бытия. И как в любом разделе магии, общий курс которой нам преподавали в «Крестиче», в данном случае всё упирается в энергетика дольного мира, который населён нематериальными существами.

Боги и родовые духи – это понятно, как правило, они не вмешиваются в дела людей. Но помимо них имеется ещё множество разных сущностей,

которых можно назвать демонами. И не все к нам добры или хотя бы нейтральны. Зло существует, и оно, ведомое самыми разными целями, пытается ворваться в материальный мир. Однако сделать это непросто. Сами по себе сущности дольного пространства не могут проникнуть в нашу реальность. Но они в состоянии посылать в мир живых разумных и теплокровных существ свои энергопотоки, которые цепляются за пустые людские оболочки, мертвецов, поднимают их из могил, и эти твари охотятся за кровью сначала зверей и животных, а затем и за людской.

Кроме того, оживлять мёртвых и призраков может сила профессиональных некромантов из малочисленной и слабой магической школы «Нумани», а также рассчитанные на века зарок и проклятия. Но чародеев в этой глуши уже давно не было, им здесь делать нечего, так что охотник прав, всё дело в древнем разрытом святилище. Духи людей или неких разумных существ давно минувшей эпохи почуяли, что их кладбище и святое для них место разграблены, и пришли отомстить святотатцам. Дело обычное, подобные случаи в империи Оствер удивления не вызывают.

Как можно бороться с живыми мертвецами и призраками мщения? Самый простой и наиболее эффективный способ – это работа заклётым клинком из серебра, который можно воткнуть в любую часть тела нежити. В результате произойдёт обрыв энергопотока из иного мира с бранным телом на нашей земле. То же самое касается и призраков, которые сами по себе не очень опасны и могут только пугать и заводить в ловушку, а погибают они точно так же, как и мертвяки. А если у борца с нежитью ещё и амулеты хорошие имеются, например, такой, как на мне, то ему вообще почти ничего не страшно, так как вблизи твари чувствуют для себя беду и стараются сбежать от опасности. Вон Альера, тот с мертвецами уже сталкивался и, будучи пятнадцатилетним парнем, под прикрытием отца и старшего брата, сам двоих уничтожил. Правда, охранные амулеты и клинки действенны только против обычных проявлений потустороннего мира, которые принято считать спонтанными. А когда имеешь дело с боевой моделью школы «Нумани», каким-нибудь модернизированным костяком, над которым поработали профессиональные некроманты, то подобным оружием уже не обойдёшься, понадобятся мощные заклётия и огонь. Но в данном случае наверняка всё достаточно просто, и я повторюсь, сказав, что в глуши элементарно неоткуда взяться сильному чародею, а из-за чего появились восставшие из могил мертвецы, известно – всему виной грабёж могил.

– Господин, – Фредрик Глух посмотрел на меня, – так что, вы вызовете нам помощь из города?

Вопрос был неоднозначный. Я уже заинтересовался этим делом, очень захотел увидеть живых мертвецов и подумал, что умертвил просто так не поднимаются, и очень может быть, что причиной для их подъёма стали не только глумления над древними костями, но и те предметы, которые бароны выгребли из могил. А раз из остальных баронских владений беглецов и посланцев нет, то, скорее всего, если моя мысль идёт в правильном направлении, такой предмет один, и он наверняка стоит очень дорого. По большому счёту в случае прямого боя с мертвяками и призраками мне мало что угрожает, так что можно рискнуть лично съездить в деревню и вблизи посмотреть на всё, что там происходит.

– Сам вам помогу, – принял я решение.

– Да как же...

– А вот так же. Не поедут маги к вам на помощь из города, а жрецов ждать долго. Спонтанные мертвецы и призраки прикованы к одному месту, которое даёт им энергию движения и силу, поэтому по герцогству они не разбегутся. А ради вашей деревни в городе суетиться никто не станет, разумеется, если у вас нет денег, чтобы оплатить услуги мага.

– У нас их нет. – Охотник замотал головой. – Барон Пертак был очень жадный человек, всё под себя подгрёбал, а мы только охотой да болотными ягодами и спасались.

– Вот видишь, значит, вся ваша надежда на меня.

Фредрик окинул меня оценивающим взглядом, шмыгнул носом, поморщился от боли, видимо, шишка на голове не давала ему покоя, и спросил:

– А меня отпустите?

– Если будешь мне помогать, то да. Крови на тебе нет, от первого гнева наёмников я тебя прикрыл, так что сейчас ты никому и ничего не должен.

– Я помогу. К деревне проведу и не предам, только моим селянам помогите.

– Вот и ладно. – Пока, не отдавая приказа снять с охотника колодку, я продолжил задавать вопросы: – Мертвяки быстрые?

– Нет. Я от них без труда убежал. – Фредрик покачал головой. – Они не бегуны, главное, чтоб в тупик не загнали.

– А призраки?

– Этих я только издалека видел, они в деревне лишь по окраине погуляли.

– Много их?

– Призраков?

– Да.

– Пять или шесть.
– Сколько у вас в деревне людей?
– Сотни три будет.
– Большая деревня, – отметил я.
– Это да. Господин Пертак половину новосёлов из графства Сарана пригнал и на свою землю посадил.

– Мертвецы в какое время суток появляются?
– Сначала только ночью приходили, а на третьи сутки уже и днём бродили, но от яркого солнечного света прятались.

– А те люди, кого они порвали, что с ними? Они превратились в мертвецов?

– Нет. Мертвяки всех на куски рвут, какие уж тут оживления.
– Они используют какие-либо предметы?
– Не знаю, я не видел.

Вопрос следовал за вопросом, а когда я иссяк, то приказал освободить охотника и вышел на двор. Там в это время находился Альера, который чистил свою лошадь. Я подошёл к нему, как есть рассказал о ситуации в деревне Пертака и предложил ему поменяться направлением движения. Он отдаёт мне Пертак, а я ему Мариш.

– Что, мертвецами заинтересовался? – усмехнувшись, спросил Виран. – В детстве в «Охотника на нежить» не наигрался?

– Да. Хочу на них вблизи посмотреть. Они вроде бы не быстрые, а оружие против них у меня имеется. У каждого из нас по кинжалу, и этого хватит. Ты сам рассказывал, как мальчишкой двоих свалил, а кадет, проучившийся два года в военном лицее, десяток сделает.

– А ты учишься, что с каждым новым днём мертвецы становятся сильнее и активней?

– Конечно. Но рост их силы не очень быстрый, а времени с их появления прошло не так уж и много. Думаю, справлюсь.

– Может, мне с тобой поехать? – предложил друг. – Я с ними уже дело имел, так что помогу.

– Не стоит. Ты ведь знаешь, я на рожон не полезу. Для начала присмотрюсь, что к чему, и, только если буду сильнее мертвяков, стану клинком махать, а нет, вернусь назад, и вместе решим, что дальше делать.

– Смотри сам. Но если хоть на миг в себе засомневаешься, прыгай на коня и скачи во весь опор в замок. Не надо недооценивать опасность и героя из себя строить.

– Договорились.

На следующий день восемь готовых ко всяким неожиданностям

наёмников, охотник Фредрик и я направились в сторону поместья покойного барона Пертака. Над головой висели тёмные угрюмые весенние тучи, которые были готовы в любой момент разразиться громом, молниями и дождём. Снова плохая грязная дорога, почти тропа. Пара обезлюдевших графских деревень на нашем пути. Переправа через топкую речку с каким-то совсем простецким названием. Километры пути, похожие один на другой, и никаких особых впечатлений, о которых стоило бы упомянуть.

К родной для богатыря Глуха деревне прибыли ближе к вечеру. Она находилась в пяти километрах от жилища «домашнего» барона, и рядом с ней дорога улучшилась, стала шире, и земля была утрамбована копытами лошадей и колёсами повозок. Однако свежих следов на ней не было. Мы остановились на околице и прислушались. Собак не слышно, да и всех остальных звуков, которые должны быть в деревне, не слышать, ни мычания коров, ни голосов. Тишина, которую впечатлительный человек мог бы назвать мертвецкой и после этого содрогнуться от страха. Мне, надо сказать, тоже было не по себе. Но до темноты было ещё около двух часов, и, не желая показать перед настороженными наёмниками, которые тоже кое-что имели из оружия против нежити, своей слабости, я решительно спрыгнул с лошади.

После этого я погладил нервно переступающее с ноги на ногу верховое животное по морде, успокаивая:

– Тихо. Тихо. Спокойно.

– Что делаем, господин граф? – с усмешкой, видимо ожидая увидеть страх молодого аристократа, спросил меня старший над воинами, десятник Юр Кипа, кряжистый усатый мужик с полным лицом.

– Мы с Фредриком в деревню, – ответил я, посмотрев на охотника, который слезал со своего конька, – а вы пока нас здесь подождите. Если что, будьте готовы к тому, что придётся удирать. До ближайшей деревни пятнадцать километров, а там всё тихо. Так что, если будем драпать, отсидимся там.

– Понял, – ответил десятник. – Но я с тобой пойду, господин граф, а силача, – он кивнул на Фредрика, – здесь оставим. А то, не дай боги, убьют тебя, и доказывай потом, что ты сам в лапы мертвяков пошёл, а не мы тебя бросили. Мы наёмники, и для нас репутация – это всё.

– А есть с чем пойти?

– Найдётся.

Десятник ловко спрыгнул на землю, передал поводья лошади одному из своих парней и оправил кожаную куртку-накидку, под которой у него звякнула кольчуга. После чего он отстегнул от седла чехол для дротиков,

открыл его, и в руках Кипы оказалось короткое копье с серебряным узорчатым наконечником в виде острого широкого листа.

– Хорошая вещь, – отметил я. – Наверное, дорогая?

– Да уж, – прокряхтел Юр, – не из дешёвых. Мы когда на северо-востоке Эранги наёмничали, у каждого воина такое оружие было, цена двадцать иллиров, но копье того стоит. Ладно, не об этом сейчас разговор. Пошли?

Я оправил свою накидку, подтянул ремень, на котором висел корт, в правую ладонь взял кинжал с закрытой витой гардой и тридцатисантиметровым клинком, на лезвии которого было выдавлено шесть рун, и кивнул:

– Да.

Мы вошли в деревню и двинулись по основной улице, вдоль которой и лепились все убогие жилища местных крестьян – приземистые деревянные срубы без окон. И на двери первой же такой избы десятник и я заметили длинные полосы, следы когтей, словно по толстым доскам дикое животное скреблось. Кипа толкнул дверь, но она была заперта изнутри. Тогда он постучал в неё и спросил:

– Эй, хозяйева, есть кто дома?

Внутри шуршание и испуганный женский голос:

– Есть. А вы кто?

– Подмога. Мертвяки где?

– Не знаем. Мы уже три дня не выходим, боимся. Мужик мой вышел – и всё, с тех пор ни слуху ни духу. Видать, погиб, а у нас ни питья, ни еды. Помогите!

Женщина заплакала, а десятник прикрикнул:

– Цыц, баба! Поможем.

После этого, поняв, что в этом месте полезной информации не получим, мы направились дальше. Все дома слева и справа были закрыты на запор изнутри, а в них находились перепуганные местные жители. Мертвяков пока видно не было, и мы вполне спокойно дошли до маленькой площади в центре деревни. Здесь находился дом старосты, и именно в этом месте нам попались первые восставшие из могил люди.

Честно говоря, я ожидал чего-то необыкновенного и жуткого. Но всё оказалось вполне обыденно, местной нежити до голливудских монстров и спецэффектов было далеко, в зрелищности они им проигрывали. Однако, в отличие от киношных мертвецов, деревенские были настоящими, и о том, что они близко, нас сначала предупредил омерзительный запах гниющей плоти и крови, а затем звуки чавканья, словно свиньи хлеблют своё варево.

На самой площади было пусто, и только пятна засохшей сукровицы, свернувшейся в бурые комки, и клочки простой серой холстины, которые валялись вокруг, говорили о том, что здесь произошло нечто плохое. Мертвецы, видимо, находились за домом старосты, оттуда шло основное зловоние и звуки. И переглянувшись с Кипой, мы направились туда. Шаги наши были почти неслышны, и, повернув за угол деревянного дома, за его срубом мы обнаружили восставших мертвецов.

Умертвий было трое. Они нависли над телом какого-то бедолаги, рвали его на части и запихивали кровавые куски мяса себе в рот. Это значило, что они находятся в третьей стадии своего развития. Первая – просто убийство любого живого существа. Вторая – уничтожение разумного живого существа. Ну а то, что мы наблюдали, – это уже потребление крови и органики для преобразования мёртвого тела в более удобную и быструю мертвецкую модель, пока ещё относительно слабую и с которой можно бороться, разумеется, если есть чем, и не очень сильно бояться.

Тем временем твари почуяли живых людей. Они оторвали свои морды от трупа и посмотрели на нас. Мы, соответственно, на них, и зрелище это было очень отвратительное. Лица мертвяков напоминали человеческие, но из-за того, что разлагающаяся плоть, в которой копошились толстые жирные черви белого цвета, отваливалась от костей, они напоминали какие-то слоёные пироги с начинкой. Бр-р-р! Мерзость! А тут ещё и зубы, гнилые пеньки на свежих клыках, отросших после того, как трупы выбрались из своих могил. Глаз при этом у них не было, они уже давно разложились. Волосы на черепах редкие и свисали клоками. На голове виднелись проплешины, а у одного через дырку в темечке даже мозг проглядывал, и в нём шевелилась некая чёрная субстанция. А ещё что привлекало внимание – это руки, на которых вместо пальцев находились когти.

Нежить двинулась на нас, а я замер в каком-то лёгком ступоре. Смотрю на тварей перед собой, глаза цепляются за одежду, одутловатые бледно-розовые морды и раны, клыки в крови и когти, и это начало вгонять меня в шок. Но к счастью, рядом был опытный десятник, который выкрикнул:

– Граф! Не спи!

Наваждение от омерзительного зрелища схлынуло моментально, и я приготовился к бою. Ноги полусогнуты, взгляд ни на чём не фокусируется и не задерживается, а голова думает только о деле.

«Запомни, – вбил я в себя установку, – только один удар, желательно в голову, и отскок. Больше ничего, этого достаточно, твои основные козыри в

этой игре – безостановочное движение и быстрые атаки».

Расходясь полукругом, твари приближались к нам, и первым начал действовать Кипа, который метнулся вперёд, и наконечник его копья прошёлся по боку одного из мертвяков. После этого два других повернули на него. Но десятник отскочил в сторону, и пришла пора действовать мне. Длинным прыжком я приблизился к тому, кто был ко мне ближе всего, и узкий клинок моего кинжала стеганул по его черепной коробке. Тут же перекат по грязной земле, под руками другого мертвеца, который отреагировал на меня достаточно быстро, и опять я на ногах.

Поворот. Клинок снова смотрит на мертвяков. Тот, которого достал десятник, уже валяется пластом и на глазах разлагается. Второй, мой клиент, на миг застыл на месте, и от черепа трупа отвалился кусок в добрую треть, обнажив его заполненное чёрной шевелящейся слизью внутреннее пространство. Секунда. И этот тоже упал. Но оставался третий, и Кипа с ним не церемонился, он кинул в него свое короткое копье, при этом не стремясь пронзить труп насквозь, и зачарованный наконечник просто впился в грудь живого мертвеца.

Первая стычка за нами. Но если Фредрик говорил правду, а ему врать смысла не было, то в деревне ещё как минимум четыре мертвеца, а может, и больше, и они где-то ходят, так что надо смотреть в оба глаза. И как на заказ, появились ещё два оживших трупа, которые обошли замешкавшегося десятника с тыла и, двигаясь чётко и слаженно, не давая ему взять своё оружие, оставшееся в теле мертвеца, стали зажимать его в угол между амбаром и домом старосты. Надо было выручать Кипу, и я не медлил.

Рывок вперёд. Гладкое отполированное древко копья – в моей правой ладони. Замах! И копье вонзается в спину одного из мертвецов. Десятник что-то выкрикивает и, увернувшись от второго мертвеца, вдоль стены выскальзывает из ловушки.

Я остаюсь один на один с трупом, который оказался женщиной, по всей видимости при жизни бывшей хромой старушкой. Делаю обманное движение влево, и мертвец ведётся, кидается мне навстречу. А я в это время подскакиваю справа, провожу лезвием по не прикрытому одеждой боку, который под острым лезвием с треском вскрывается, и вновь отскакиваю. На этот раз не очень удачно, поскольку поскользнулся на жиже, оставшейся от первого нашего противника, и задницей опустил в эту мерзость.

Тварь, ранее бывшая женщиной, прыгает за мной следом, а я, скорее инстинктивно, чем по велению разума, наплевав на брезгливость, перекачиваюсь влево иставляю перед собой кинжал. Но мертвец

начинает распадаться ещё в полёте, и туда, где я только что находился, падает уже окончательно мёртвый мешок с костями, от которого отпадают куски плоти и отваливаются руки и ноги.

Тут же рядом возник наёмник, уже взявший своё копье и оглядывающийся по сторонам. Я встал, и меня начало немного потряхивать, не столько от горячки боя, сколько от царящих вокруг запахов и вида гниющего мяса, словно грязный снег, тающего под напором солнечных лучей выглянувшего из-за туч светила.

– Благодарю за помощь, – сказал Кипа.

– Сочтёмся, – ответил я и, скинув свою замызганную мертвецкой плотью плащ-накидку и оставшись в одной серого цвета армейской полевой униформе, которую носят в имперской пехоте, спросил Кипу: – Ну что, пойдём старосту из его убежища вынимать?

– Да, наверное, пора, – согласился он со мной.

Древком копья наёмник постучал в дверь добротного просторного пятистенка без окон, в котором жил староста.

– Кто?! – Вопрос из-за двери пришёл без промедления.

– Дед Пихто! – сказал я. – Открывай, новые хозяева прибыли.

– Какие такие новые?

– Твоего прежнего барона убили, и теперь эти земли временно, до указа герцога Мариена, – за графом Торманом Сараной. Мы его люди. Отпирай дверь.

– А если не откроем?

– Красного петуха вам подпустим.

– Мертвяки рядом есть?

– Нет.

Дверь в дом открылась, и на пороге возникли три крепких молодца от двадцати пяти до тридцати лет в полушубках и с вилами в руках. За ними прорисовывалась седая голова мужика лет шестидесяти. Это был сам староста со своими сыновьями. Мы с ним пообщались на тему, кто теперь в окрестных землях хозяин, и деревенский глава ситуацию просёк сразу. Ну а потом, вместе с наёмниками и мужиками, которых вызволили из их домов, мы искали остальных мертвяков и нашли ещё двоих. Долго с ними не возились: одного заколол Кипа, а другого мужики придавили брёвнами, и, пока оживший труп пытался выкарабкаться из-под завала, я ему глотку перехватил.

На этом, как таковое, моё первое столкновение с мертвецами и закончилось. Вечером мы с Кипой приняли баню, отмылись от мертвецкой грязи на нас, а крестьянки постирали нашу одежду. И уже глубокой ночью,

расположившись у очага в доме старосты, слушали его рассказ о том, что призраков не видать, и все они, судя по всему, в поместье Пертака, откуда нет никаких известий.

Что делать дальше, вопроса не было. Всё и так ясно. Завтра с утра нам надо отправляться в жилище барона и посмотреть вблизи, что там и к чему. И попробовать разобраться с призраками, если они всё еще там, а не вернулись в свой родной бесплотный дольний мир.

Глава 16

Империя Оствер. Герцогство Мариен. 17.03.1403—21.03.1403

Инна Пертак, старший ребёнок барона Иона Пертака, стройная миловидная семнадцатилетняя брюнетка, сидела перед немного мутноватым настенным зеркалом и расчёсывала свои роскошные длинные волосы, которыми очень гордилась. Руки делали привычную работу сами собой, а голова девушки была занята мыслями о том, что перед отъездом сказал ей отец, который вместе с большей частью своих дружинников отправился в замок графа Сараны.

Барон принял свою дочь от наложницы в кабинете. Инна тихо вошла, почтительно поклонилась и застыла на месте. Девушка не знала, что на уме у кряжистого широкоплечего человека в дорожной кожаной одежде и сером плаще, на котором красовался вставший на задние лапы коронованный лев, поскольку от него можно было ожидать как похвалы, так и удара. С одной стороны, он являлся её родителем, порой добрым и заботливым, как и положено отцу, а порой барон бывал неадекватен и очень жесток со своими домочадцами, на которых часто срывал злобу за свои неудачи и промахи. И, рассматривая жизнь поместья Пертаков с точки зрения поучений из книг Улле Ракойны, священных текстов, которые девушка за свою не очень долгую жизнь прочитала не по одному разу, Инна понимала, что барон – монстр в человеческом обличье, а потому всегда была осторожна и готова к неприятностям.

Хозяин поместья, по жизни раб своих страстей и желаний, мог в любой момент, находясь в плохом настроении, избить одну из своих семи наложниц и девяти дочерей, и всегда получал то, что хотел, невзирая ни на какие преграды. Поэтому девушка старалась не попадаться лишний раз ему на глаза, и всегда, когда начинала чувствовать расположение или хотя бы слабое подобие душевной теплоты к Иону, она вспоминала о судьбе своей младшей сестрёнки, которой в этом году могло бы исполниться тринадцать лет. Во время одного из своих праздников пьяный барон пнул ногой несущую мимо него поднос с вином малолетнюю девочку. А много ли хрупкому тельцу надо? Один толчок сапогом под рёбра за нерасторопность, девочка отлетела и головкой ударилась об угол обеденного стола, смерть её была моментальной.

Ожидая слов отца, девушка молчала, а барон, повернувшись к ней, смерил Инну долгим оценивающим взглядом и скомандовал:

- Раздевайся!
- Что? – Вопрос вырвался из девушки сам собой.
- Мне повторить приказ?
- Нет-нет.

Не ожидая для себя ничего хорошего, Инна скинула с тела простое повседневное платье, вслед за ним нижнее белье и осталась совершенно голой. Смущения она не испытывала, девушка выросла среди женщин, которые всю свою жизнь ублажали мужчин, и она привыкла ко всякому. Однако её накрыл страх перед отцом, от которого было неизвестно что ожидать.

Ион Пертак подошёл к дочери, ещё раз осмотрел её с ног до головы, правой рукой прикоснулся к полным округлым грудям девушки, будто взвешивая, подержал каждую на весу и удовлетворенно кивнул:

- Хороша. Одевайся.

Торопливо накинув на себя одежду, девушка вновь застыла, а барон продолжил:

– Отныне ты можешь считать себя вольным человеком и станешь ходить в самых лучших платьях, какие только есть в моем доме. Ты должна стать настоящей леди и навсегда забыть о том, что твоя мать рабыня. Понятно?

- Да, отец.
- Если у тебя есть вопросы, ты можешь их задать. Разрешаю.

Барон улыбнулся, а девушка, пользуясь его добрым настроением, спросила:

- Отец, вы признаёте меня своей законной дочерью?
- Да, признаю. Вернусь из этого похода и оформлю все бумаги.
- А с чем это связано?

– Через полгода ты выйдешь замуж за моего доброго друга барона Реса Мариша и станешь его законной супругой. Всё уже решено.

– Замуж за этого толстого и вечно полупьяного борова?! – вскрикнула Инна.

Пертак приблизился к дочери и ладонью в кожаной перчатке смазал ей по щеке. Голова девушки, словно маятник, качнулась из стороны в сторону. Она сдержала готовый вырваться из груди стон и вновь понурилась. А барон, тяжело роняя каждое слово, сказал:

– Ты выйдешь замуж за Мариша. А иначе, как товар, отправишься на рынок, и твоё место баронессы займёт любая другая девчонка из моей семьи.

- Мне всё ясно, отец.

– В таком случае ступай.

Вскоре барон и его воины покинули поместье, а Инну переодели в дорогое, непривычно тяжёлое для девушки тёмно-синее платье из бархата и предоставили в её распоряжение пару сундуков с хорошими вещами и бельём. И, будучи уже практически вольным человеком, по крайней мере по слову барона, она разглядывала себя в зеркало и думала о том, что её ожидает. Не подчиниться отцу нельзя, он человек суровый и в самом деле может продать её, как рабыню, но и выходить замуж за барона Мариша тоже не хотелось. Однако благородных дворян, которые могли бы вызволить её из дома родителя, вблизи не наблюдалось, а значит, надеяться ей было не на что. И Инне Пертак, которая понимала, что не в состоянии что-либо изменить в своей судьбе, оставалось лишь смириться с уготованной для неё участью, с покорностью принять решение барона и надеяться, что будущий супруг не будет к ней излишне жесток.

Наступила ночь, и, не торопясь ложиться, при свете свечей Инна стала читать один из рыцарских романов, которые остались ей в наследство от матери. Сюжет девушке нравился, он чем-то напоминал её судьбу. Рано оставшаяся сиротой молодая баронесса попала в лапы старого мерзкого герцога, который намеревался насильно выдать её замуж за своего сына. Но героиня не сдавалась, она до последнего момента надеялась, что её любимый, безземельный аристократ Адольфо, дуэлянт и человек чести, спасет её. И – о, чудо! Надежды пленённой баронессы оправдались. Храбрый и мужественный герой, который не боялся никого и ничего, ворвался в замок злого герцога, перебил его грозных стражей, в поединке сразил злого сына и освободил свою возлюбленную, с которой слился в жарком поцелуе страсти.

«Жаркий поцелуй страсти. – Девушка обкатала это словосочетание на языке. – Интересно, как это может быть и что значат в действительности такие слова, как «любовь» и «страсть»? Удастся ли мне когда-нибудь полюбить человека, или вся моя жизнь будет нацелена на то, чтобы ублажать пьяную стотридцатикилограммовую тушу и рожать для неё детей?»

Мысли Инны были прерваны воем сторожевых собак во дворе поместья. И в этом вое мощных псов, каждый из которых мог в одиночку выйти на бой против матерого волка, было столько страха и тоски, что по душе и сердцу девушки прошлась холодная волна недоброго предчувствия. Она постаралась отвлечься от всего происходящего и стала вспоминать страницы романа. Но собаки выли и скулили всё истошней. А вскоре к

этому шуму прибавилось лошадиное ржание и коровье мычание, а затем встревоженные и грубые крики слуг и дружинников, которые пытались успокоить животных. Но всё было бесполезно. Какофония звуков становилась с каждой секундой всё сильнее. И, поднявшись с кресла, девушка приоткрыла окно своей спальни и выглянула наружу.

В первый момент Инна не поняла, что же происходит. Во дворе творилось нечто странное: бегали оборвавшие толстые металлические цепи собаки и пара вырвавшихся из конюшни лошадей. Вооружённые дубинками мужчины с факелами и фонарями в руках гонялись за ними и пытались загнать их в конюшню за домом. Испуганные служанки стояли кучкой на крыльце своего жилого здания. А под закрытыми воротами, с внешней стороны, сгустилось облако тёмно-серого тумана, который светился в ночной темноте бледным светом. И при взгляде на него волосы на голове девушки стали приподниматься, а все её тело задрожало от сильного страха. Инна не знала и даже не догадывалась о том, что происходит. И в этот самый миг почему-то ей вспомнились слова матери, перед тем как она умерла третьими родами: «Запомни, милая, только Улле Ракойна спасёт нас с тобой в случае беды». Тогда мама надела на шею девочки цепочку со своим слабым охранным амулетом, розовым невзрачным камушком, и сейчас непроизвольно левой рукой Инна схватилась за него. Ей стало немного легче. На время страх отступил, и она решила, что должна немедленно бежать в святилище Улле.

Как была, в праздничном платье, придерживая его, девушка выбежала из спальни. Затем она покинула господский дом и вскоре оказалась в соседнем здании, где на третьем этаже, в молельне, спряталась от надвигающейся на поместье неведомой беды. За окном царил всё тот же дикий гвалт и шум, и к голосам животных примешивались крики людей. И всю ночь, а затем часть следующего дня, Инна разрывалась между несколькими противоречивыми чувствами. «Беги из поместья», – нащёптывал страх. «Посмотри в окно», – говорило любопытство. «Покинь святилище», – взвыли под утро желудок и переполненный мочевой пузырь.

Победило последнее желание. И как только за окном всё стихло, осторожно спустившись вниз, девушка на краткий миг покинула своё убежище, из которого никто из слуг не пытался её забрать и вернуть на место, в девичью спальню. Она пробежала через двор, который был пуст, машинально удивилась тому, что ворота поместья открыты настежь, а людей вокруг нет, и увидела всё то же самое злое серое облако, которое сверху медленно опускалось на дом для слуг и дружинников. Девушка не могла долго на него смотреть и, отвернувшись, торопливо забежала на

кухню, где схватила запечатанный кувшинчик с молоком и что-то из еды и вскоре вернулась обратно в святилище Улле.

Снова наступил вечер. Немного пришедшая в себя после беспокойного забытья и уже привыкшая к постоянному состоянию страха, который периодически, примерно каждые двадцать минут, волнами накатывался на неё, девушка примостилась у окна. Оглядев двор, она увидела двух совершенно седых баронских дружинников, которые, ничего не соображая, с бессмысленным выражением на лицах стояли на одном месте и раскачивались, словно деревья под напором ветра. Один из них развернулся на месте, и в сумерках Инна всё-таки смогла рассмотреть лицо мужчины. Во взгляде у него не было ни единой мысли, квадратное, грубо слеппенное крестьянское лицо застыло каменной маской, а по подбородку воина из уголка рта стекала длинная тягучая слюна.

Один час сменялся другим, уходила ночь, и наступал день, свет пропадал и появлялся, люди выходили на двор и снова покидали его. Девушка смотрела на них, а в её голове царили сумбур и беспорядок. Инна не знала, сколько времени прошло, периодически проваливаясь в кошмары сна, не знала, что творится вне её укрытия. Мозг, спасая разум девушки, просто отключил все её переживания. Со скрупулёзностью она фиксировала то, что видели глаза и слышали уши, но не анализировала это, оставляя всё на потом, и в конце концов, впавшая в анабиоз, девушка превратилась в механического наблюдателя, который уже не ощущал ни голода, ни холода. И так продолжалось до тех пор, пока все люди в жилище барона Пертака не стали покидать поместье и уходить в сторону болот. В этот миг Инна почувствовала, что в помещении есть ещё кто-то помимо неё.

Разум девушки вновь частично включился в работу. Она ощутила, что замёрзла, а тело её затекло и ей трудно пошевелиться. Но всё же она сделала несколько движений, развернулась, посмотрела в сторону двери и увидела перед собой настоящего призрака.

Грозной ужасной тенью существо из потустороннего мира возвышалось над ней и что-то говорило. Но Инна, которая утонула в тёмных провалах глаз давно умершего человека, его не слушала, хотя всё слышала и запоминала. И сколько времени длилась речь потустороннего существа, в тот момент она не знала. А когда призрак, сказав всё, что хотел, покинул святилище Улле Ракойны, пройдя сквозь запертую дверь, девушка подползла к ногам мраморной статуи своей богини, которой поклонялись все женщины герцогства Мариен. Она обняла её холодные ноги, и её перегруженный впечатлениями, страхом и переживаниями разум

погрузился в спасительную тьму беспамятства.

Империя Оствер. Герцогство Мариен. 22.03.1403—23.03.1403

Утро следующего дня порадовало. Тучи рассеялись, и выглянуло солнце. И настроение у меня было превосходное. Новых оживших трупов в деревушке барона Пертака не появлялось. Наёмники, уже успевшие ночью покуролесить с местными женщинами, перешучивались и были готовы к подвигу, а староста деревни рассказал мне всё, что знал о поместье своего покойного господина. Так что можно было выдвигаться к жилищу барона, и я отдал приказ выступить.

Наши лошади, отфыркиваясь, бодрой рысью двинулись по дороге к замку-поместью покойного феодала Пертака, и рядом со мной пристроился десятник Юр Кипа.

– Каков дальнейший план, господин граф? – спросил он меня.

– Подъезжаем к поместью, проводим разведку, а дальше по обстановке. Если с домочадцами Пертака всё в порядке, то забираем то, что нам причитается, и покидаем эти места. А если там призраки, которые всех запугали или с ума свели, придётся с ними драться и победить их, а потом всё равно забрать несправедливо нажитые бароном богатства и возвращаться в замок Сараны.

– А не может так получиться, что живых людей в поместье уже нет?

– Наверное, может. Но такие случаи, когда нематериальные существа уничтожали людей, насколько я знаю, очень редки, для этого необходимо очень много сил иметь. Призраки в основном на психологию и страх давят, чтобы потом запуганных людей взять под свой контроль и заставить их делать то, что им нужно. И в этом случае всё зависит от того, насколько сильна защита у слуг и домочадцев Пертака и какая у них сила воли.

– Но никто из поместья в деревне так и не появился, а это странно.

– Причин для этого может быть много. На месте разберёмся, что и как в доме покойного барона, наследниками которого мы являемся. – Я посмотрел на наёмника. – Ты как, Юр, не против звонких золотых иллиров?

– Конечно нет. Только о том, что нам премия помимо контракта обломится, Гаяру говорить не надо. Пусть это будет нашими небольшими премиальными за драку с мертвецами.

– Это само собой. Но и вы про то, что я часть добычи при себе оставляю, не болтайте.

– Будьте спокойны, господин граф, в этом деле у нас обоюдный интерес. Впрочем, как и у всех, кто по поместьям разъехался, – основную

часть добычи в общий котел, а малую толику себе. Так всегда было и, наверное, будет.

Пять километров до поместья Пертака преодолели быстро, и вскоре мой отряд оказался перед высоким холмом, на котором в окружении хозпостроек и нескольких старых дубов стояли три бревенчатых трёхэтажных здания, напоминающие боярские хоромы Древней Руси, по кругу обнесённые высоким палисадом. Следуя по дороге, мы выехали к воротам, которые, что странно, были открыты настежь, а пространство перед ними было истоптано многочисленными свежими следами сапог и женских туфель. Наёмники приготовили к бою свои мечи и арбалеты, а мы с Кипой достали зачатое оружие. Затем, как и вчера, старый воин и я спрыгнули с лошадей, передали их под присмотр бойцов и первыми двинулись во двор поместья.

Во дворе царила тишина, а вокруг нас не было ни единой живой души. Видимо, мы опоздали, призраки прогнали из этого места всех людей, получили, что хотели, и ушли туда, откуда заявили в наш мир. Было бы иначе, наши лошади вели бы себя нервно, а так животные были спокойны, и оружие мы держали наготове только по привычке.

Удостоверившись, что всё тихо, мы начали осмотр зданий. Сначала занялись центральным, господским теремом. Никого. Все вещи на своих местах, комнаты, кабинеты, спальни и обширный обеденный зал пусты, а в очагах осталось немного угольного жара, из чего Кипа сделал вывод, что люди покинули поместье не далее как прошлым вечером, примерно в то время, когда мы с мертвецами в деревне дрались. И только в кабинете хозяина была разнесена в щепки дверь и проломлен пол, а в остальном всё в порядке.

После господского дома мы направились в правое строение, в котором жили слуги и дружинники. Здесь, наоборот, полнейший хаос, много разбитой мебели и рваной одежды, раскиданное оружие, мечи из дешёвого сыродутного железа, рваные кольчуги и один сломанный арбалет. Кругом видны следы борьбы, но нигде нет пятен крови или трупов.

Примерно такую же картину мы ожидали увидеть и в левом тереме, где находились мастерские барона Пертака, хранилось продовольствие, одежда и прочие припасы. Однако набитые соленьями и копчёностями подвалы и первый этаж прошли – всё спокойно, вещи лежали на своих местах, и везде всё то же безлюдье. Следом второй этаж, и опять тишина и покой. А вот на третьем нас ждал сюрприз. Одна из дверей, за которой, как мы знали, должна находиться молельня почитаемой в этих местах женской богини-покровительницы Улле Ракойны, была заперта изнутри.

Кипа плечом толкнул не очень крепкую, сделанную из старых сосновых досок дверь, и она вздрогнула. Следующий удар мы уже нанесли вдвоем, на раз-два, и вынесли хлипкую преграду с одного удара. В двери что-то хрустнуло, звякнул свалившийся на пол металлический предмет, оказавшийся железным накладным запором, и мы оказались внутри.

Десятник и я были готовы к бою. Но драться в помещении было не с кем, хотя живой человек внутри имелся. У закрытого дорогим стеклом окна, возле небольшой мраморной статуи, изображающей строгую женщину в белых свободных одеждах, с крыльями за спиной, обняв ноги богини, лежала девушка. Брюнетка с длинными косами, одетая в испачканное грязью и пылью длиннополое платье из дорогого тёмно-синего бархата.

Я опустился рядом с ней на одно колено и перевернул её на спину. Девушка дышала, но пульс у неё бился неровно, она была сильно истощена и без сознания. Подхватив её на руки, я поднял лёгкое тело и повернулся к десятнику:

– Прикажи в центральном здании растопить очаг.

– Понял, – кивнул старый вояка.

Спустившись, я вышел во двор, в котором уже хозяйничали наёмники, отнёс нашу находку в жилое здание, где в зале уже разжигали огонь, и положил девушку на диванчик рядом с ним. Я приказал принести мою походную сумку, достал из неё целебный эликсир и, насильно разжав крепко сжатые зубы девушки, влил его в рот. В бессознательном состоянии она не могла проглотить спасительную для себя жидкость. Но я зажал ей нос, и рефлексивно она сделала глотательное движение, приняв сильнодействующее лекарство.

Я укрыл ее пледом и встал. В ближайшие несколько часов про спасённую девушку можно было не думать, она должна спать. И только когда переживший ужас, холод и голод организм окрепнет и красавица придёт в себя, её надо будет напоить чем-то горячим и питательным, например куриным бульоном. Но поскольку кур рядом не наблюдалось, а имелись только копчёные окорока в погребе, то можно было обойтись и ими. Затем она должна быстро войти в норму, её память восстановится, девушка станет чётче осмысливать всё происходящее вокруг, быстро адаптируется и ещё пару суток, благодаря эликсиру, будет находиться в несколько гиперактивном состоянии. По крайней мере, так написано в инструкции к этому зелью, которое делалось по неизменному рецепту уже полторы тысячи лет для солдат имперской армии, которые после ранения и излечения должны были снова без промедления вступить в бой.

– Ну что, – рядом со мной остановился десятник со своими воинами, – можно начинать мародёрку?

– Да. Но делать все по уму и без излишней спешки. Два человека в караул: один на вершину центрального здания, там наблюдательный пост есть, а другой на ворота, которые надо закрыть. Ещё один человек пусть нам поесть приготовит и за девушкой присмотрит, и когда она проснётся, тоже покормит её. Всем остальным – за мной, пойдём казну барона по поместью собирать.

– А мы думали, что все богатства здесь, в доме лежат. – Кипа усмехнулся.

– Ага, – я тоже улыбнулся, – сейчас. Пертак человеком был жадным и никому не верил, и все свои несправедливые накопления по территории поместья в трёх местах раскидал.

– А как же сундуки в его покоях?

– Там полсотни монет на текущие расходы и несколько меховых шуб, и именно оттуда мы и начнём. А всё остальное придётся из тайников и схронов доставать, которые во дворе и в других зданиях.

Наёмник вопросительно посмотрел на меня, и я, поняв его невысказанный вопрос, кивнул:

– Я знаю, где и что лежит, не переживай, лично при допросе Пертака присутствовал и каждое его слово запомнил.

– Тогда другое дело.

Два наёмника встали на стражу, один занялся приготовлением пищи, а Кипа и ещё четыре воина, словно тени, двинулись за мной.

Ключей от двух массивных сундуков, которые находились в кабинете Пертака, у нас не было. Но с нами были взятые в хозяйственной кладовке стальные ломы, которыми мы живо взломали замки, открыв доступ к части баронского добра. В сундуках, как бывший хозяин и говорил, было восемь меховых шуб из соболя и песка, десятков золотых иллиров и около четырехсот серебряных ниров.

Второе денежное место находилось на первом этаже дружинного дома, в закрытой на ключ камере, в которой не было ничего интересного, разумеется, если не копать земляной пол. Я знал, что и как искать, и через час работы в тесном пространстве, вырыв глубокую яму, с её дна наёмники достали тяжёлый сундучок, который был под завязку забит иллирами. Навскидку выходило, что в нём не менее пятисот монет. Солидно.

От дружинного здания мы отправились на хоздвор, и за пустой конюшней, вход в которую был открыт, под сенником воины снова начали земляные работы. В результате этих раскопок мы стали обладателями

нескольких брезентовых свёртков, в которых имелось немало интересного и ценного. Золотая и серебряная посуда, три шкатулки с украшениями: брошками, ожерельями, браслетами, кольцами и драгоценными камнями, в основном изумрудами. Ну и добыча с древнего капища: массивные серебряные канделябры под свечи, осколки каких-то золотых предметов, древние монеты с непонятными надписями и кувшинчики из драгметаллов под благовония и масла.

Последний раскоп мы сделали уже после полудня. Под корнями древнего дуба, росшего позади господского дома, обнаружили двадцать продолговатых серебряных цилиндров весом по килограмму двести граммов каждый. Судя по всему, это были заготовки под монеты, которые некогда перевозили торговцы из Мариенгарда в Адельбург.

На этом наши поисковые работы были окончены. Все мы сильно проголодались и направились в обеденный зал, где девушка, про которую я, увлекшись сбором баронского добра, уже забыл, наконец-то пришла в себя. Она с испугом смотрела на крепких мужчин при оружии, которые с хозяйским видом входили и садились за стол, и молчала. Взглянув в её полные тревоги выразительные карие глаза, я решил, что ужин пока подождёт и сначала надо переговорить с местной жительницей.

– Как вы себя чувствуете? – присев на табуретку рядом с ложем девушки, спросил я её.

Короткое молчание и ответ:

– Хорошо.

Отметив, что голос у спасённой девчонки не дрожит и звучит приятно, можно сказать, мягко, я продолжил:

– Вас покормили?

– Да, благодарю.

– Кто вы и как вас зовут?

– Я старшая дочь барона Пертака, – короткая заминка, – от наложницы. Меня зовут Инна. А вы кто?

– Позвольте представиться, – я чуть кивнул, – граф Уркварт Ройхо. Прибыл в поместье Пертак, дабы уведомить людей и домочадцев барона о том, что он скончался. И до тех пор, пока герцог не решит судьбу этих земель, они переходят под руку моего товарища графа Тормана Сараны, интересы которого я представляю.

– Бедный папа, – всхлипнула девушка и прикрыла глаза рукой. – Сначала призраки, а теперь ещё его гибель. Наверное, привидение говорило правду, и он совершил смертельную ошибку, покусившись на святыню народа най.

– Что за народ най? Какая святыня? Призраки разговаривали с вами?

Невольно вопросы, которые вертелись на языке, посыпались из меня один за другим, и, видимо, этим я напугал Инну. Она закрылась пледом и заплакала. Напрягать девушку я не стал, и так совершенно ясно, что у дочери Пертака сильнейший стресс. Сначала призраки, которые непонятно что творили в поместье-замке, холод и голод в святилище Улле, где она пряталась, а теперь ещё известие о смерти батюшки и рядом незнакомые люди, от которых неизвестно что ожидать. Слишком много на неё всего навалилось, и я решил дать Инне пару часов отдыха, а затем, когда магический эликсир сильнее скажется на её самочувствии, ещё раз попытаться с ней поговорить.

Я подошёл к столу и сел напротив Кипы. Из общего котелка налил в чистую глубокую тарелку наваристого мясного супа, с аппетитом поел и, попивая горячий взвар, посмотрел на десятника, который окончил трапезу раньше меня, но уходить не торопился.

– Когда выезжаем? – спросил наёмник, лишь только наши взгляды встретились.

– Завтра, – ответил я. – Сегодня поместье покинуть уже не успеем, добычу паковать долго. А на ночь глядя по местным дорогам петлять неинтересно, запросто можно в какой-нибудь овраг свалиться и шею себе свернуть. Кроме того, по остальным жилым комнатам надо пройтись, наверняка там немало интересного найдём.

– Правильно, – согласился со мной Кипа, – так всё и сделаем. – Старый воин шмыгнул носом и задал самый главный для себя вопрос: – Сколько нам денег дашь?

Понимая, что жадничать не стоит, я сказал:

– Сотню на всю вашу братву. Столько же возьму себе.

– А почему не больше?

– Мои товарищи в курсе того, сколько у Пертака денег и добра было. Поэтому излишек найденного делим, а на что расчёт изначально был, всё довезём.

– Принимаю.

Десятник встал, я следом, и тут меня окликнула Инна, которая заплаканными глазами посмотрела на меня:

– Господин граф.

– Да? – Я вновь сел рядом с ней.

– А папа действительно погиб?

– Вне всякого сомнения, сударыня. Его смерть я видел своими собственными глазами.

– А что же теперь со мной будет?

«В самом деле, – подумал я, – а какая её ждёт судьба? Слуг, наложниц и дружинников в поместье нет, и где они, неизвестно. Нам здесь задерживаться не стоит, мы возьмём всё, что нам необходимо, и покинем эти места, а девчонка останется. И не просто одна-одинёшенька, а против всей близлежащей деревни и её жителей, которые уже завтра или послезавтра придут сюда грабить усадьбу Пертака. Так что дочку барона, да ещё от наложницы, что значит наверняка непризнанную, не ждёт ничего хорошего. Скорее всего, девчонку просто трахнут всей толпой, а потом выкинут на ближайшее болото, где она, если всё ещё будет жива, в любом случае погибнет. Стрёмно. Однако и я не добрый рыцарь в сияющих доспехах, который выведет из провинциальной тьмы принцессу. Оказавшись в безопасности, девушка вполне может заложить всю нашу компанию властям, в данном конкретном случае герцогу Мариену и его бастарду, и они узнают, сколько мы вывезли из поместья добычи. И хотя нам никто и ничего не сделает, мы имеем полное право на пожизну, так как бароны первыми залезли в замок Сараны, данный факт можно как-то косвенно против нас использовать и заставить юных кадетов поделиться трофеями. Из этого новые вопросы. Что делать? Оставить девушку в доме её отца или всё же взять с собой? Пока не знаю. Дилемма».

– Надо подумать, сударыня, – сказал я, так и не приняв окончательного решения, и перевёл разговор на иную тему: – Давайте поговорим о том, что с вами произошло. И оттого, насколько искренни вы со мной будете, зависит ваша дальнейшая судьба. Вы готовы к разговору?

– Да, – прошептала девушка. – Только у меня просьба, не называйте меня на «вы» и «сударыня». Отец хотел меня признать законной дочерью, но сделать это не успел, и я до сих пор считаюсь рабыней. Мне неудобно, что вы обращаетесь со мной как с благородной дамой.

– Договорились.

И между нами состоялся обстоятельный полуторачасовой разговор. Благо девушкой она оказалась весьма неглупой, от шока, благодаря эликсиру и отдыху, немного отошла, а всё, что видела, подмечала в деталях. А главное, она поверила мне и старалась быть полезной.

Итак, вот голые факты по делу призраков, атаковавших поместье Пертака, со слов крестьян, самого погибшего на дуэли феодала, рассказа его дочери и того, что я видел сам.

Вместе со своими друзьями барон получил земли на окраине герцогства Мариен, освоился в них и узнал, что в пятнадцати километрах от его нового дома на болотах имеется древнее капище, с которого

крестьяне пару раз притаскивали какие-то серебряные безделушки и монетки. Первая его мысль, самая очевидная, – раскопать этот храм и прибрать всё, что он в нём обнаружит, себе. Но его друзья-товарищи про это место тоже проведали, видимо, кто-то из дружинников им постукивал, и Пертаку пришлось взять их в долю.

Прошлой осенью капище и близлежащее кладбище – несколько десятков склепов – было частично разрыто. Добыча была неплохая, хотя до основных сокровищниц грабители могил так и не добрались. Всё, что было выкопано, феодалы разделили на троих. Но одну вещь Пертак от своих друзей утаил. А именно – некий золотой жезл с большим алмазом на набалдашнике. Вещь эта, без сомнения, стоила огромных денег, и барон хотел сам продать её, а все деньги захватить себе.

Зиму и начало весны Пертак провёл в поместье. И всё это время жезл хранился у него, а перед отъездом в замок Сараны он спрятал этот ценный предмет в подполе своего кабинета. Кстати, на допросе про жезл барон ни слова не сказал. А значит, надеялся выжить и оставить его за собой, как резервный капитал.

После отъезда барона и большей части дружинников в виде облака появились призраки, которые навели на людей, проживающих в поместье, такой ужас, что некоторые из них в течение ночи сидели. И этим призракам мщения, как они классифицируются магами, не были страшны ни дневной свет, ни молитвы богам, ни охранные обереги и амулеты, которые, между прочим, в доме барона имелись далеко не у всех людей, поскольку тем же самым рабам и крепостным они были просто по статусу не положены. В итоге люди, которых призраки согнали в жилой дом для дружины и слуг, просто сдурели, рвали и ломали всё, что под руку попадалось. А потом дружно собрались во дворе, дождались, пока ополоумевшие поседевшие дружинники вынесут из господского терема сундучок с жезлом, и всем скопом вчера вечером ушли в сторону болот.

Дочь Пертака всё, или почти всё это видела из окна молельной комнаты, где находилась последние несколько дней, и она искренне считала, что её защищала богиня. Но когда все домочадцы и дружинники Пертака в количестве сорока семи человек покинули поместье, то сквозь дверь в святилище проник один из призраков, который имел с ней занимательную беседу. Она запомнила почти каждое слово потустороннего существа, а после того, как он ушёл, прижалась к статуе Улле Ракойны и потеряла сознание.

– Так что сказал призрак, когда уходил? – спросил я в конце беседы с девушкой.

– Он велел мне передать всем любителям лёгкой наживы, что он король народа най и не позволит воровать свой скипетр, и любого, кто пойдёт на болота, ждёт лютая смерть. А потом добавил, что люди из поместья назад не вернутся, он заберёт их жизни как компенсацию за наглый грабёж.

– А ты не могла ошибиться? Призрак именно так и сказал?

– Да. – Инна кивнула. – Сначала я мало что соображала, а когда очнулась, думала, что ничего не помню. Но сейчас почти каждое словечко этого существа повторить могу.

– Опиши, как король призраков выглядел.

– Полупрозрачная фигура около двух метров роста в странной одежде, вроде парадного камзола, но из более плотного материала, лицо немного вытянутое, плечи покатые, длинные волосы, а на голове небольшая зубчатая корона.

– А имени своего он не называл?

– Нет. – Девушка покачала головой.

– Ну что же, всё понятно. – Посмотрев на встревоженное лицо девушки, я определился с её дальнейшей судьбой: – Завтра ты едешь с нами.

Того, что произошло потом, я не ожидал. Инна схватила мою правую руку и поцеловала её. Инстинктивно я отдёрнул руку, а девушка произнесла:

– Благодарю вас, сударь.

– Успокойся, я вывезу тебя в город и вреда не причиню. Обещаю. Собирай свои вещи и никого не бойся, тебя не обидят, ты нам не враг.

Других слов благодарности от девчонки, которая осталась одна на этом свете, я выслушивать не стал. Я распределил с десятником ночные караульные смены так, чтобы на меня выпала утренняя, и пошёл в уже натопленную баню. Помывшись, направился на покой и, примостившись на кровать в гостевой комнате рядом с обеденным залом, попытался подремать.

Однако сон не шёл, слишком много сегодня было впечатлений, и множество самых разных мыслей крутилось в голове. И основная конечно же вокруг древнего капища народа най на болотах.

Совершенно ясно, что сведения о храме с драгоценностями – весьма ценная информация. Но грамотно распорядиться ею, по понятным причинам, я пока не могу. У меня нет связей, силы за спиной, знаний о призраках и вековых проклятиях, которые подняли мертвецов и древнего короля, лично прибывшего за своим скипетром. И значит, в болота я

соваться не стану. Но и делиться полученными сведениями со всеми встречными и поперечными, а также с друзьями-товарищами я тоже не собираюсь. Что узнал, всё моё, и девчонку проинструктирую, чтобы помалкивала. Захочет кто-то влиятельный эту историю глубоко копнуть, сие есть его личное дело, а мне об этом говорить никакого резона нет. Подвернётся случай, можно будет в данном вопросе подробнее разобраться и знающих людей по теме расспросить, а нет, так и не надо. Моя приоритетная цель на ближайшие годы – прижать герцога Грига, и именно к ней я иду, а всё остальное вторично.

Больше часа я ворочался с боку на бок, сон никак не шёл, и мои размышления были прерваны осторожным стуком в дверь.

– Кто там? – взявшись за корт, спросил я.

– Господин граф, это я, – за дверью была Инна. – Разрешите войти?

– Войди.

Дверь открылась, и появилась девушка, которая уже умылась, причесалась и переделалась в не по сезону лёгкое платье светло-синего цвета. Я уже примерно догадывался, зачем она пришла. Однако решил не торопить события и дожидаться слов и действий спасённой баронской дочери. А она, на миг смутившись, застыла у двери. Но быстро с собой справилась, еле заметно встряхнув головкой, решительно шагнула вперёд и присела на кровать рядом со мной. Я почувствовал тепло её тела, которое соприкоснулось с моим. Поймал её взгляд, который в багровых отблесках комнатной жаровни был похож на две блестящие звёздочки. И её полные губы неуверенно ткнулись в мои.

Это было приятно, у меня давно не было женщины. Но и пользоваться тем, что девчонке некуда деваться, мне тоже не хотелось, так что пока я себя сдержал и спросил её:

– Ты уверена, что хочешь провести эту ночь со мной?

– Уверена, – выдохнула она, – и я желаю, чтобы именно вы стали моим первым мужчиной.

«Ну вот, – подумал я, – ещё и первый мужчина».

Но мысль пришла и ушла, а мои руки уже обняли податливое девичье тело, а губы прижались к её губам. Мой язык проник в её рот, а доверившаяся мне девушка закрыла глаза.

Наконец, я оторвался от неё и сказал:

– Не бойся, я не буду с тобой груб, и всё сделаю аккуратно.

– Благодарю вас, господин граф. – Инна открыла глаза.

– Если ты делаешь это только из-за того, что я обещал взять тебя с нами, то можешь уйти. Моё слово крепкое, сказал, что вывезем тебя

отсюда, значит, так и будет.

– Дело не в этом, – она покачала головой, и её волосы водопадом обрушились на плечи, – я сама решила быть с вами, пока вы меня не прогоните.

– В таком случае тоже называй меня на «ты», а то я к выканью не очень привычен.

– Как скажешь, – произнесла она, и это были последние слова, которыми мы обменялись в ближайший час.

Я вновь начал целовать её, а мои жадные руки, действуя сами по себе, прошли по её крупной, даже сквозь платье заметно напрягшейся груди, ягодицам и бёдрам, проникли в ложбинку между ними и не встретили никакого сопротивления. Мы целовались около двух минут, и наступил момент, когда одежда уже мешает, сковывает двух людей. Помогая друг другу, мы скинули её на пол, и наши разгоряченные тела соприкоснулись.

Мои ладони накрыли упругие шары груди, а язык коснулся её языка. Тело Инны немного выгнулось, поцелуй прервался, и она застонала. Останавливаться было нельзя, да и не было для этого никаких сил. Руки сместились к животу и ниже, а губы прошли по тонкой шее, спустились в ложбинку между груди и по очереди впились поцелуями в набухшие соски. Девушка снова застонала от наслаждения, какое, видимо, было для неё в новинку, и грудью, порывисто, словно отдавая мне всю себя, она прижалась к моему лицу. Такая искренность чувств и непосредственность поведения, которые подделать очень сложно, дорогого стоят и о многом могут сказать. И я понял, что девушка готова к закономерному продолжению любовной игры, и стал действовать дальше.

Её тело оказалось подо мной, а шикарные чёрные волосы Инны, словно покрывало, рассыпались по подушке. И, не прекращая ласкать такое восхитительное тело, я начал осторожно и неспешно проникать в неё, а затем коротким ударом вошёл в девушку. На миг, от боли и неожиданности, она содрогнулась всем телом и застонала, но я закрыл её рот своим, а руки крепко обхватывали и прижимали её ко мне. Она быстро успокоилась и вновь расслабилась. А я начал медленное движение внутри девушки, которая была настолько жаркой и чувственной, как никто из бывших у меня до неё женщин. И вскоре она ответила мне, подхватила мой ритм, и я погрузился в такое блаженство, какого, наверное, не испытывал никогда.

На какое-то время мы стали единым неразрывным целым. И сколько времени продолжалось наше совместное движение, в котором каждый из нас побуждал другого к безостановочному действию, сказать точно нельзя. С одной стороны, прошла целая вечность, за которую мы узнали друг

друга, а с другой – минул всего лишь краткий миг, который стоил множества пустых и бесцельных дней. И закончилось всё, естественно, тем, что я уже не мог сдерживаться. Партнёрша, судя по её дыханию и стонам, тоже. Девушка всем своим разгорячённым страстным телом подалась мне навстречу, её ноги обхватили меня, и нас накрыло лавиной любовного экстаза.

Одновременно мы содрогнулись. И лишь спустя минуту вернулись с небес на землю. Ещё некоторое время я оставался в ней и ощущал теплоту её тела. Мои пальцы ласкали её грудь, а губы целовали покрытое солёными капельками пота лицо. И, снова вглядываясь в широко открытые глаза девушки, в багровом свете углей я находил в них своё отражение и не думал ни о чём плохом или проблематичном. В эту ночь я был счастлив и всем доволен, и меня ещё долгое время не доставали тяжкие думы и мысли о мертвецах, призраках, деньгах или учёбе. Как мне тогда казалось, для полной гармонии души и тела надо было не так уж и много.

Я отвалился в сторону, подпёр локтем подбородок, какое-то время рассматривал Инну, а затем нас вновь увлекла любовь и игра молодых горячих тел. И так прошла почти вся ночь, наверное, одна из лучших в моей жизни.

Наступило утро, и мы проснулись от стука в дверь. Это был Кипа, который понял, для чего ко мне направилась дочь барона Пертака. Опытный по жизни человек, десятник отметил, что я не прогнал девушку, а потому не будил меня в караул. Однако пришла пора выступать, и спустя час, позавтракав и захватив с собой печать покойного местного владельца, ведя в поводу нагруженных добычей лошадей, мы покинули поместье и двинулись в сторону деревни, из которой нам следовало повернуть к замку Тормана Сараны.

Глава 17

Империя Оствер. Город Йонар. 7.04.1403

Делёжка добычи и расставание нашей кадетской компании прошли как-то очень буднично и спокойно. Все мы в один и тот же день прибыли в жилище молодого графа Сараны, вечером собрались перед горящим жарким камином и, попивая терпкое полусухое винцо, привезённое Альерой из поместья Мариша, подбили итоги.

Основная цель похода – уничтожение «домашних» баронов герцогства Мариен, мешающих жить нашему однокурснику Торману, достигнута. Кроме того, от всех проведённых нами мероприятий была получена немалая выгода. И на долю каждого из нас, после возмещения затрат Калька, пришлось по четыреста иллиров и немного драгоценностей. Знатная сумма и неплохой бонус для молодых кадетов, только начинающих свой жизненный путь. И после того, как Виран и я в звонкой монете получили то, что нам причиталось, мы направились к телепорту города Альдебург. Ставшая моей любовницей Инна Пертак, которую я обещал вывезти из провинции, разумеется, была с нами. Что касается Кричарда и Тормана, то они оставались. Кальк всерьёз запал на сестру Сараны и намеревался догуливать свой отпуск в глуши. А сам молодой граф был занят тем, что укреплял свой замок, нанимал дружинников и писал письма всем своим соседям с предупреждением, что теперь-то он в состоянии за себя постоять.

Просохшая под весенними солнечными лучами дорога сама стелилась под копыта наших лошадей, и спустя пару дней, лишь одну ночь переночевав в убогой деревенской таверне, мы прибыли к телепорту и перешли в Йонар. Здесь снова расставание, на этот раз с Альерой, который решил, что своим присутствием он помешает мне проводить время в обществе дамы, и отправился к себе домой, где надеялся погостить хотя бы пару дней и удивить своих близких дорогими подарками. Виран учтиво поклонился Инне, которая изобразила нечто вроде реверанса, и отправился по магазинам и лавкам. А я и моя подруга сняли двухместный номер в гостинице уже знакомого мне господина Ирсы, который передал на моё имя письмо, и предались отдыху и разврату.

День пролетал за днём, и, как правило, один был похож на другой. В светлое время суток прогулки по Йонару, городу, который мне нравился всё больше и мог предоставить человеку с деньгами доступ практически к

любимым развлечениям. А ночью секс с красивой и страстной девушкой, которая не говорила пустых слов о любви и знала, что вскоре я покину её и на двенадцать месяцев вернусь за высокие стены военного лицея. В общем, всё складывалось неплохо и, на мой взгляд, вполне гармонично. Отпуск принёс мне прибыль и знакомство с Инной Пертак, отношениями с которой я весьма дорожил, но он подходил к концу, и уже завтра к гостинице подъедет наёмный экипаж, который доставит меня за город.

Однако был ещё сегодняшний день, и им следовало распорядиться с умом. А потому утром я проснулся немного раньше обычного, ещё до полного рассвета, и в утренних сумерках взгляделся в спокойное, безмятежное лицо спящей девушки, которая подарила мне несколько незабываемых ночей. Она мирно спала, а я думал о нашей связи и, немного отстранённо, составлял распорядок на этот день.

Для начала предстоит посетить нотариальную контору под эгидой великого герцога Канима, где я представлю юристам бумагу с печатью барона Пертака, которая удостоверит личность Инны как свободной гражданки, полноправной наследницы своего отца и претендентки на звание баронессы. Титул этот не очень ценный, поскольку «домашний». Однако он есть и может немало помочь девушке в жизни, особенно если она решит остаться при дворе Канимов и всерьёз задумается о замужестве, что при её уме и прекрасных внешних данных закономерно. После этого мы посетим герцогский банк, где я оставлю на её имя сотню золотых иллиров и пару драгоценных украшений, которые вполне сойдут за фамильные. А заодно открою собственный счёт и оставлю в руках банкиров свои три сотни монет и трофейные изумруды на такую же сумму.

Затем на один месяц для девушки будет снята комната в доходном доме. На этом всё, полдень, прощальный обед и расставание. Мы разойдёмся как в море корабли и встретимся ли когда-нибудь снова, неизвестно. И хотя можно было не заморачиваться и оставить Инну в городе без средств к существованию, тем самым сэконобив свою казну, но, как я уже сказал, отношениями с девушкой я дорожил. И потому плевать в душу подруги и обижать её не стоило, разойтись надо было по-доброму, без взаимных претензий. Жизнь длинная, а планета круглая, и кто знает, не придётся ли нам снова сойтись.

Представив себе, как пройдёт расставание с девушкой, я немного поморщился. Не люблю все эти слёзы и прощальные взгляды. Однако я вернулся к своим планам. После полудня я должен явиться в канцелярию Тайной стражи великого герцога, об этом сообщало письмо, которое мне передал господин Ирса. Для чего и почему меня дёргают, я не имею ни

малейшего представления. Но поскольку стражников, уполномоченных взять меня под белы ручки, рядом не наблюдается и в мою сторону никто особо не пялится, значит, ничего серьёзного. И мне даже любопытно, зачем я понадобился людям барона Аната Каира. А может, мной заинтересовался сам грозный начальник Тайной стражи? Не знаю, но имею чёткое понимание того, что интерес такого человека может меня как подкинуть, так и ниспровергнуть, и это палка о двух концах. На этом вроде бы всё, день окончится. Но ночь всё равно будет бессонной, так как начнут съезжаться из отпуска кадеты нашего курса и предстоят долгие разговоры за бутылочкой слабого вина, смех, шум и гам. Так что, как ни посмотри, денёк сегодня будет суетный, и посвятить его придётся не отдыху, а трудам праведным во имя тех, кого мы приручили, и встречаю с самыми разными людьми.

В этот момент, почувствовав на себе мой взгляд, Инна открыла глаза, пару раз сонно хлопнула ресницами и спросила:

– Пора?

– Да. – Я поцеловал её и, оторвавшись от таких лакомых губ, добавил: – Вставай, до полудня всё надо уладить.

– А почему мы не сможем провести вместе ещё одну ночь?

– Потому, милая моя, что некоторым личностям, например моим товарищам по учёбе, не стоит видеть нас вместе. – Я встал. – И это не потому, что я тебя стесняюсь, как ты можешь подумать. А связано с тем, что после выпуска из лицея каждый из кадетов пойдёт своим путём. Так что вполне может сложиться ситуация, при которой мы станем противниками, и каждый из нас будет выискивать в другом слабинку.

Инна встала с кровати. Её горячая обнаженная грудь прижалась к моей спине, а губы прошептали:

– Значит, я твоя слабина?

«Мать твою! – подумал я. – Ну и что тут ответишь?! Скажешь «да» – это может быть истолковано как признание в любви. А «нет» – обидишь подругу, хотя последнее по большому счёту чистая правда. И если меня поставят перед выбором, жизнь девушки, с которой я делил постель, или свобода моих братьев и сестёр, я не колеблясь выберу молодых Ройхо».

Однако отвечать мне не пришлось. Инна в самом деле девушкой была умной, и, на секунду, словно кошка, щекой пройдясь по моему плечу, она сказала:

– Я всё понимаю, ничего не говори. Ты делаешь то, что должен, и идёшь своим путём, а у меня своя жизнь, которая, скорее всего, будет ограничена домом и детьми. Мы хорошо провели вместе время, и я не

забуду, что ты для меня сделал.

Мы привели себя в порядок. И вскоре стройная брюнетка в красивом белом платье и крепкий русоволосый юноша с новым ирутом в простых кожаных ножнах на боку и серебряным браслетом на левой руке были готовы к выходу в город. Арендованная мной ещё вчера на весь день коляска на мягком ходу довезла нас к зданию герцогского банка, а затем в нотариальную контору и к доходным домам. И к полудню, как я и предполагал, все дела, касающиеся дворянки и наследницы баронского титула Инны Пертак, были улажены.

Само расставание описывать не стану, а лишь отмечу, что девушка обошлась без слёз и всхлипываний. Для неё начиналась новая жизнь, и она уже думала о своём, отдельном от меня существовании. В ближайшие дни она будет приглашена в гости к великой герцогине-матери Магде, которая очень любит истории с сиротами, и при её дворе постоянно находится несколько девушек, истории которых были похожи на Иннину. Мы посидели в чистом трактире для знатных особ недалеко от герцогского замка, поговорили за жизнь, и я проводил девушку к наёмной коляске, которая перевезёт её немногочисленные вещи на новое местожительство.

Проводив взглядом удаляющийся экипаж, в котором белым пятнышком выделялось платье Инны, я поднял голову вверх, посмотрел на ласковое южное солнышко и синее небо, полной грудью вдохнул запахи города, в котором преобладали приятные ароматы специй с находящегося недалеко Алмазного рынка для богатых, и выдохнул:

– Определённо, и жить хорошо, и жизнь хороша.

– Вы что-то сказали? – рядом со мной остановился парень лет двадцати в плотной серой рубаше и грубых выцветших тёмных штанах.

– Сказал, – улыбнувшись и отметив, что наёмных колясок рядом нет, произнёс я. – Не подскажешь, как мне пройти на улицу Генерала Тавлета?

– Эта улица большая, сударь. – Парень потёр подбородок, на котором пробивалась первая светлая щетина. – Вам куда именно надо?

– В канцелярию Тайной стражи.

– О боги! – выдохнул он и, как мне показалось, немного побледнел.

– Это настолько ужасное место? – спросил я.

– Нет-нет, что вы, – зачастил он. – Всё нормально, я просто о другом подумал, вот и вырвалось. Так вам, значит, в Тайную стражу?

– Да.

Парень оглянулся по сторонам и ткнул рукой вправо:

– Через проулок выйдете на соседнюю улицу, три дома влево, и большой белый особняк будет канцелярия Тайной стражи нашего доброго и

справедливого господина великого герцога Ферро Канима.

– Благодарю.

В очередной раз отметив, что репутация у Тайной стражи, впрочем, так же, как и у других структур подобного рода, серьёзная, я направился в указанном мне направлении и вскоре вошёл в канцелярию спецслужбы, работающей в интересах одного из истинных правителей империи Оствер. Здесь меня встретили два сержанта и ничем не примечательный чиновник. Я предъявил им письмо из их канцелярии, и меня незамедлительно проводили в кабинет на первом этаже. В нём за широким столом у большого окна с решеткой и двойным стеклом сидел пожилой господин лет пятидесяти в ярко-алом, бросающемся в глаза сюртуке, в руке у него был графитовый карандаш. Уткнувшись в лист бумаги перед собой, он что-то быстро писал.

– Кхм! – Видя, что на меня не обращают внимания, я кашлянул в кулак и сел в кресло перед чиновником, хоть и Тайной стражи, но простолудином, которого почтил своим присутствием дворянин.

Господин в броском сюртуке, оставил своё занятие, поднял глаза и, подслеповато щурясь, посмотрел на меня:

– Граф Ройхо?

– Да, это я. – Короткий кивок и вопрос: – С кем имею честь?

– Это не важно, вас пригласили на разговор не ко мне, хотя отметка на входе будет стоять, что вы были у меня, простого дознавателя, фамилию которого вам знать не обязательно. Сейчас сюда придут другие люди, которые с вами побеседуют. А если любопытные будут спрашивать, о чём мы с вами говорили, скажите, что разговор шёл о герцоге Григе и ваших с ним отношениях. Ничего серьёзного не затрагивалось, просто мои вопросы – и ваши нейтральные ответы.

– Хм, забавно.

Дознаватель вновь уткнулся в свою бумагу, и ещё пару минут я сидел в тишине, пока в кабинете не появились ещё два человека. Один – это барон Анат Каир, личность мне уже знакомая. А второй являлся монахом в серой рясе и с капюшоном на голове. Жрецом какого бога он был и как его звали, я не знаю, потому что священнослужитель сел на табуретку у входа и всё то время, что мы разговаривали с начальником Тайной стражи, хранил молчание.

Чиновник за столом, увидев посетителей, резко вскочил, взял свою бумагу и вышел. Я встал перед Каиром, как перед старшим командиром, а он, одобрительно похлопав меня по плечу, сел на место своего подчиненного. Стоять было неудобно и неловко, но я дождался

приглашающего кивка со стороны Жала Канимов и вновь занял гостевое кресло.

Анат Каир, как и при первой нашей встрече, около минуты молча рассматривал меня и, наконец, сказал:

– А ты подрост, граф Ройхо, возмужал, окреп и теперь уже что-то собой представляешь. До элитного бойца тебе, конечно, ещё далеко, но задатки имеются, и просто так тебя теперь не взять, сможешь за себя постоять.

– Так ведь не в подворотне учусь, господин барон, – стараясь выглядеть спокойным, я улыбнулся, – а в «Крестиче».

– Военный лицей, разумеется, своё влияние на человека оказывает, этого не отнять. Но чтобы выдержать нагрузки и скорость обучения в этом заведении, ученик должен ему соответствовать. И если он продержался четыре курса, то и остальные два ему не преграда на пути к заветному офицерскому патенту. Поэтому теперь твои слова относительно того, что ты закончишь учёбу, не бахвальство и бравада беглого мальчишки с севера, а уверенность в своих силах настоящего графа Ройхо. – Пальцы правой руки барона прошли по столешнице и выбили дробь. – Зачем я тебя вызвал, догадываешься?

– Наверное, хотите что-то предложить?

– Да, хочу. Но перед этим имею к тебе вопрос. Ты уже задумывался о том, что будешь делать по окончании обучения в «Крестиче»? Не гипотетически, куда кривая судьбы вывезет, а всерьёз?

– Конечно.

– И чего ты хочешь достичь? Наверное, планируешь с Григом разделаться и своим близким свободу добыть?

– Так точно, господин барон.

– Но ты ведь понимаешь, что без поддержки это сделать нереально?

– Понимаю. И знаю, что рассчитывать могу только на себя.

– Вот это правильно. А потому я предлагаю тебе работу, которая поможет тебе стать сильнее и уничтожить своего врага.

– Работа на Тайную стражу великого герцога Канима? – спросил я.

– На неё, родимую.

– Но всё, что я умею, – это убивать людей, а бойцов у вас и помимо меня хватает.

– Прибедняться не стоит, мозги у тебя соображают неплохо, про это я знаю, читал все твои рефераты. И это одна из причин, по которой передо мной сидишь именно ты, а не твой друг Виран Альера или ещё кто из кадетов вашего курса.

– И в чём будет заключаться моя служба?

Барон помедлил, посмотрел на жреца за моим плечом и только после этого продолжил:

– Имеется достоверная информация, что среди офицеров военного лица «Крестич» существует небольшая ячейка заговорщиков. И есть подозрение, что при помощи иностранных разведок во время войны, которая вскоре всколыхнет всё имперское пограничье, являющиеся частью большой организации офицеры-инструкторы начнут действовать, и что они намерены предпринять, неизвестно. Один из этих людей ваш капитан Свен Нитра, и наверняка в течение последнего года обучения он станет более пристально присматриваться к кадетам. И офицер сделает двум-трём ученикам своего десятка предложение поработать на организацию, в которой сам состоит. Наверняка один из них будешь ты. Твоя задача – принять приглашение капитана Нитры, внедриться в подпольную организацию, выполнять все приказы заговорщиков, а информацию об их деятельности и планах по первому же требованию предоставлять Тайной страже. Ясно?

– Да. Но непонятно, каковы цели заговора.

– Конечные цели красивые и правильные, – Каир усмехнулся, – снова сделать империю Оствер сильной и процветающей, отменить рабство, полностью восстановить власть императора, победить всех внутренних и внешних врагов и вновь возродить главенство культа Ярина Воина в пределах нашего государства.

– Хорошие цели, – произнёс я, – ради таких стоит бороться.

– Вот именно. Но пока это только слова, а хотелось бы знать истинную подоплёку заговора и кто за ним на самом деле стоит. И честное слово, мне было бы проще всего арестовать Нитру и отправить его в наши пыточные подвалы. Однако это может ничего не дать, а потому в этой ячейке нам нужен свой человек, который делом докажет ей свою верность, поднимется в структуре заговорщиков и сможет посмотреть на всё происходящее изнутри.

– А если Нитра не заинтересуется мной?

– Ему деваться некуда. Он ищет верных людей с хорошей подготовкой, а выпускники, за которыми он наблюдал два года и будет присматривать ещё один, для него идеальный вариант. Из всех же кадетов вашего курса только ты, Альера и Эхарт пока не определились, каким путём идти дальше. С остальными всё ясно. Фертанг, Пест и Арциз желают направиться в княжество Фертанг, видимо, хотят устроить революцию против Торгово-промышленной палаты. Сарана и Кальк – это феодалы, им плевать на большой мир, их удел – хозяйство, замки и разборки с соседями.

Лигна в любом случае вернётся в своё племя и станет вождём. А Заман отправится на родной архипелаг Гири-Нар и, скорее всего, возглавит местных сепаратистов, которые мечтают отделиться от империи Отвер. – Жёсткий взгляд Каира, от которого мне на миг стало не по себе, упёрся в мою переносицу, и последовал решающий вопрос: – Итак, ты готов стать агентом Тайной стражи?

– В принципе согласен. Но прежде чем сказать окончательное и твёрдое «да», после которого отступить уже будет невозможно, мне хотелось бы ещё кое-что узнать.

– Спрашивай, но только пути назад у тебя уже всё равно нет. И хотя убивать тебя никто не станет, в случае отказа с тебя снимут браслет, – Каир кивнул на мою левую руку, – и подчистят тебе память. Слишком важную информацию ты узнал.

«Надо же, как всё серьезно», – подумал я и задал свои вопросы:

– Господин барон, что в итоге со всего этого дела получу я? Какова моя выгода за риск и труды? Раз вы имеете доступ к моим документам, психологическому портрету и рефератам, то знаете, что я не отступлю и пойду до конца. Но я должен знать, ради чего буду стараться.

– Хорошие вопросы, и ты получишь на них ответы. Но начну я издалека, с событий трёхлетней давности. Тогда, в этом же кабинете передо мной сидел твой отец, и мы с ним долго общались. А в итоге пришли к соглашению. Он выступает против герцога, а Тайная стража высылает ему в помощь наёмников и магов во главе с сыном великого герцога Анастасом Канимом. Победа должна была быть относительно лёгкой. Григ потерял бы власть, а в идеале его ждала смерть в бою. Новым герцогом в таком случае становился Анастас, а твой отец получал часть казны Грига и свои родовые деревеньки и земли. Ну и, естественно, он должен был признать себя вассалом нового правителя севера. Такие вот имелись договоренности, которым не суждено было стать реальностью. Но есть ты, и теперь такие же условия Тайная стража в моём лице предлагает тебе, наследнику графа Квентина. Только вместо Анастаса Канима, который уже нашёл себе трон по размерам и влиянию, будет задействован пятый сын великого герцога, которого зовут Гай.

– Но ему, кажется, всего четырнадцать лет? – обдумав слова барона, спросил я.

– Да, он молод, – согласился Каир. – Но и тебе необходимо время, чтобы окрепнуть и заслужить своими трудами расположение Тайной стражи и великого герцога. Два-три года – это оптимальный срок, и, когда ты будешь готов действовать, вы с Гаем Канимом познакомитесь, и все

вместе мы ещё раз обсудим ситуацию с герцогством Григ, его правителем и твоим интересом.

Барон замолчал, а я, прикинув, что это предложение и план Каира ничуть не хуже любого другого, сказал:

– Я согласен.

– В таком случае, граф, – Каир перешёл на официальный сухой тон и прищурил глаза, – вы можете быть свободны. Живите, как жили, учитесь и набирайтесь опыта. Но помните о наших договоренностях, и, когда Свен Нитра начнёт искать к вам подходы и сделает молодому графу Ройхо предложение стать членом организации заговорщиков, соглашайтесь. Про связь пока не говорим, она не нужна, а если вы мне понадобится, я вас сам найду. Ступайте.

Через пару минут я был на улице. Прошёл квартал, взял коляску и направился в гостиницу, а пока ехал, всё время размышлял над состоявшимся в кабинете дознавателя разговором и моим согласием поработать на Каира и Канима. Да, вляпался я в дело, где можно легко сгинуть. Однако теперь у меня появились более или менее чёткие планы на будущее. А одновременная работа на заговорщиков и на спецслужбу великого герцога Канима наверняка не сложнее и не тяжелее службы пограничника или наёмника, которые постоянно рискуют головами ради продвижения вверх по служебной лестнице и денег. Поэтому особо давить себя мыслями о том, как мне будет трудно, я не стал.

К гостинице Ирсы я подъехал уже в сумерках. Настроение было хорошим, а в душе царили спокойствие и уверенность в своих силах. Я поднялся в номер, который опустел, с теплотой вспомнил уже ставшую частью моего прошлого девушку Инну, принял ванну, переоделся и спустился в холл. И в это самое время оживлённой гурьбой в здание входили мои весёлые однокурсники, которые проводили время в княжестве Фертанг.

– Уркварт! – выкрикнул заметивший меня Нунц Эхарт. – Дружище! Как я рад тебя видеть!

– Здравствуйте, господа! – поприветствовал я кадетов и понял, что тоже рад этим парням, с которыми за время нашего обучения сжился, как с близкими по духу людьми.

Глава 18

Империя Оствер. Военный лицей «Крестич». 15.11.1403

Пятый этап обучения в лицее был очень насыщенным. Впрочем, как и предыдущие четыре. Основной упор в эти шесть месяцев делался на умение кадетов руководить воинскими подразделениями, конными сотнями (эскадронами) и пехотными ротами, а также на личную боевую подготовку. А потому наш курс обычно пребывал в двух местах. В фехтовальном зале, где велись занятия с холодным оружием и преподавался рукопашный бой, который по стилю и манере ведения боя был похож на самбо. И в расположенном невдалеке от «Крестича» лагере, где в казармах находились новобранцы и образцовый показательный эскадрон конных егерей из армии великого герцога Канима.

Все остальные предметы давались нам факультативно или как ознакомительные лекции, которые проводили приглашённые со стороны специалисты. А жаль, я бы, например, не отказался побольше узнать о магии. И был бы не прочь более плотно пообщаться с учителем из школы «Нумани», который провёл с нами всего десять часов, но дал столько занимательных и полезных знаний о призраках, зомби и восставших из могил диких мертвецах, что я этим вопросом увлёкся. И как следствие, после последнего занятия по основам некромантии я подошёл к офицеру-инструктору с просьбой дать мне двадцать минут свободного времени для небольшой дополнительной беседы с магом. Свен Нитра, который действительно, как и говорил барон Каир, в последнее время стал присматриваться ко мне, Альере и Эхарту пристальней, чем к остальным нашим однокурсникам, согласился.

Кадеты покинули учебную аудиторию, и некромант и я остались одни. Представитель «Нумани», абсолютно седой мужчина лет тридцати пяти, с блёклыми и немного выпуклыми глазами, как водится, в чёрной мантии, на которой выделялся символ его школы – белая пятиконечная перевернутая звезда в круге, собирал свои конспекты, а я остановился с ним рядом. Он поднял на меня глаза и спросил:

– Вы что-то хотели, кадет?

– Да, господин маг, у меня имеется пара вопросов, на которые, как я думаю, вы могли бы ответить.

– Ну что же, спрашивайте. – Некромант бросил взгляд на мой браслет, наверняка отметил его древность и только одну руну и вернулся к своему

занятию. – О чём вы хотите узнать?

– О призраках мщения.

– Каких именно? Они ведь бывают разные, и у каждого народа свои отношения с миром мёртвых.

– Я это понимаю. Меня интересует народ най и отношение этого племени к посмертным охранным ритуалам.

– Эва куда вас занесло... – Маг оставил конспекты и присел. – Это очень большая тема, кадет, и весьма сложная.

– А если кратко?

– Ну, можно попробовать. – Секундная заминка. – Народ най жил более двух тысяч лет назад, сейчас от их городов и храмов не осталось практически ничего, и только из книг империи Ишими-Бар мы знаем про них. Поэтому всё, что можно сказать про это племя, – это то, что они относились к людям, владели магией, и некромантией в том числе. И если вас интересуют именно призраки мщения, то у най они использовались с теми же целями, что и у остальных народов. То есть, как пример, имелось поселение, могила с телом или некий ценный предмет, который не должен был попасть в руки или под контроль того, кто этого недостоин. Маги-некроманты проводили над умирающим человеком или группой людей обряд и закрепляли их души за конкретной территорией, местом или артефактом. Затем души умерших разумных существ отправлялись в дольний мир. Но в отличие от большинства простых смертных душ они не растворялись в пространстве иного мира и не приставали к одному из богов смерти, а держались отдельно и незримо наблюдали за нашей планетой.

– И сколько времени призрак может хранить свою целостность?

– Всё зависит от того, насколько силен был маг, проводивший обряд над умирающим, и как велики силы самого призрака. Если это обычный, забитый жизнью крестьянин, над которым колдовал сельский колдун, то без подпитки он просуществует год-два, не более. Другое дело – великий воитель, учёный, политик или маг. Души таких людей, или нелюдей, не распадаются целыми веками, а порой и тысячелетиями. А если их ещё и напитать посмертными жертвоприношениями, то призраки становятся очень могучими. Они засыпают и ждут своего часа, а когда приходит время действовать, эти мстители-охранники возвращаются в наш мир, восстанавливают свою мощь и действуют. А когда дело сделано, они вновь переходят в дольний мир, но в этот раз уже с новой энергией, которая получена от смерти живых существ, осмелившихся потревожить их покой.

– Понятно. – Я кивнул. – А что вы скажете относительно того, что несколько призраков могут объединяться в единую сущность, облако,

которое подчиняет себе живых?

– Ну, это означает, что до своей смерти призраки были одной семьёй и что они очень сильны, при жизни наверняка являлись магами, и одолеть их обычным оружием практически невозможно. – Некромант пожал плечами и встал: – Мне пора идти. Ещё вопросы есть?

– Да. Каким образом и за счёт чего призраки могут поднимать мертвецов?

– Они этого не могут. – Маг весело и даже как-то задорно, по-мальчишески улыбнулся. – Всё гораздо проще. Когда призраки мщения пробивают тоннель в наш мир, вместе с ними по окрестностям разносится немного энергии мёртвых из дольного пространства. Эта энергетика и будит мертвецов, мозг которых ещё не полностью уничтожен. Поэтому запомните, кадет, в данном случае яйца всегда отдельно, а куры сами по себе. Кстати, отчего такие вопросы, может, вы сталкивались с подобными призраками?

– Нет, – ответил я. – Прочитал об этом в одной книге и заинтересовался.

– В таком случае позвольте вас покинуть, господин кадет.

Некромант взял свою сумку и направился к двери, а я, уже в спину, задал ещё один вопрос:

– Господин маг, а как можно победить таких сильных призраков?

Не оборачиваясь, чародей еле заметно дёрнул левым плечом и ответил:

– Для борьбы с ними имеются очень хорошие специализированные артефакты. Но все они находятся в распоряжении школы «Нумани». Надумаете погонять сильных призраков мщения, которые в состоянии соединяться в облако, кадет, найдите меня, и я вам помогу. Меня зовут Навир Комат, я живу в Йонаре, на мой дом вам укажет любой стражник.

«Ага, помогу, – глядя вслед некроманту, подумал я, – наверняка за свою помощь денег попросишь или в долю захочешь войти. Нет уж, меня на мякине не проведёшь, господин некромант. Ты мне тут про специализированные артефакты говоришь, а на деле, я думаю, всё просто. Призраки мщения народа най имеют подключение к мощному энергопоток из мира мёртвых, и обычный заклятый меч его не возьмёт, так как просто не сможет разрушить связь потустороннего существа с питающим его пространством. И значит, необходимо что-то иное, вот и всё. А ты говоришь, артефакты! Хм!»

Такая вот у меня состоялась беседа с наёмным учителем из школы «Нумани», а более про пятый курс рассказывать особо нечего. Не потому, что не имелось интересных моментов, а по той причине, что у меня всё

было так же, как у всех кадетов. Подъём. Физподготовка. Занятия. Обед. Тренировки. Ужин. Факультативы. Зачёты. Экзамены. Проверки и редкие выходные.

На шестой курс мы перешли всем составом, без потерь. В честь этого события нам позволили поспать дольше обычного, а затем вновь стали нагружать знаниями. И снова ничего экстраординарного со мной и всеми моими однокурсниками не происходило, и так продолжалось до прошлой недели.

Меня, Альеру и Эхарта, всех потенциально интересных заговорщикам из офицерского состава военного лица кадетов, по приказу Нитры после обеда вызвали к конюшне. Мы, естественно, поспешили к капитану, который, сидя на лошади, ждал нас у входа в продолговатое здание, в котором сутились шорники, кузнецы и конюхи. Рядом находилось ещё три верховые лошадки под седлом, и, кивнув на них, офицер сказал:

– Садитесь и следуйте за мной. Посмотрю, насколько хорошо вы держитесь в седле.

Он направился на круг для выездки в полукилометре от казарм и учебных корпусов, а мы последовали за ним. Мы катались около двух часов, а затем Нитра спрыгнул наземь, подошёл к раскидистому дубу, невдалеке от площадки для верховой езды, и подозвал нас к себе. Накинув поводья лошадей на крупные сучки дерева, мы полукругом застыли возле капитана.

«Ну вот, – подумал я в тот момент, – кажется, сейчас нас начнут вербовать в секту, тьфу ты, в патриотическую организацию, замышляющую изменить мир к лучшему».

И оказался прав. Свен Нитра начал говорить, и вроде бы сначала речь его была ни о чём. Обычные рассуждения бывалого вояки. О несправедливости, царящей в империи Оствер. О грядущей бойне на границах и тяжких испытаниях, которые всех нас ждут. Об императоре, вынужденном подчиняться Верховному имперскому совету. О миллионах находящихся в рабстве людей и зажавшихся феодалах, не желающих послужить отечеству и думающих только об удовлетворении своих собственных низменных потребностей. И речь этого профессионального психолога, который очень хорошо изучил нас, своих учеников, очень быстро стала цеплять за душу. Слова инструктора, сплетаясь в хитрые предложения, проникали в голову, задевали нашу гордость, чувство патриотизма, достоинство, честь и совесть. И уже через пятнадцать минут его речи, когда Альера и Эхарт, а за ними следом и я начали поддакивать капитану, он сказал:

– Кадеты, именно вы – будущее империи, и только на вас она может надеяться в трудный час испытаний. И я спрашиваю вас: вы готовы встать на её защиту?

Мы ответили так, как должны были:

– Да!

– Это очень хорошо. – Капитан был удовлетворён. – Я знал, что вы люди чести и думаете не только о себе. И потому я уполномочен сделать вам предложение.

«От которого нельзя отказаться? – проскочила в голове мысль. – Ну-ну».

– Какое предложение? – спросил капитана Эхарт.

– Вступить в организацию, которая озабочена положением дел в империи и готова сделать всё ради её процветания, – веско произнёс Нитра и добавил: – Скажу сразу, это структура не официальная, а подпольная, и, разумеется, если вы примете моё предложение, то под страхом смерти будете обязаны всю свою жизнь хранить в тайне сведения, которые узнаете о ней, и беспрекословно выполнять любое приказание лидеров нашей организации.

– А как она называется и кто её руководители? – задал вопрос Альера.

– Названия у организации нет, но я привык обозначать её как «Имперский союз», и вы можете последовать моему примеру. Ну а кто руководители, ответить я не могу, по крайней мере, до той поры, пока вы не заслужите доверия. Однако ручаюсь, что это достойные люди, которые находятся рядом с нашим императором и готовы сделать всё ради того, чтобы он снова стал истинным властителем своей страны, не марионеткой, а великим государем.

«Да уж, ручается он, – глядя на капитана с сарказмом, который помогал мне абстрагироваться от всего происходящего и более критически воспринимать слова Нитры, подумал я, – кто бы за тебя поручился? Стоишь тут, втираешь нам про патриотизм и приближённых к императору особ, вроде незадачливого комбинатора Кисы Воробьянинова, а потом кинешь нас на убой ради своих интересов – и всё, сам в стороне, а мы в дерьме. Ничего, посмотрим, кто вы такие есть, дайте только срок, а то словеса сплести – это одно, а вот чем вы в реальности занимаетесь – совершенно другое».

Впрочем, это были только мои мысли, которые я раскрывать не собирался. И я задал вопрос:

– А сам император знает о том, что готовят люди из его окружения?

Еле заметно глаза Нитры сузились, и он ответил честно:

– Нет! Молодого императора направляют и готовят к великой миссии вновь стать полновластным самодержцем, но о планах своих ближайших слуг он не догадывается. Однако когда придёт решающий час, он одобрит их решение и конечно же не забудет воинов, которые пошли ради него на подвиг и риск. Поэтому, кадеты, в этот момент я предлагаю вам не только вступление в подпольную организацию и, как следствие, полную опасностей и сложностей жизненную стезю, но и шанс возвыситься.

– Какие нам будут поручаться задания? – вновь подал голос Эхарт.

– Я этого не знаю. – Нитра покачал головой.

– А когда начнётся наша... – третий сын барона запнулся, – скажем так, служба?

– Сразу по окончании обучения, когда за воротами вас встретят ваши будущие начальники. С этого мига для вас и начнётся новая жизнь. Моя задача сделать вам предложение и поручиться за вас перед вышестоящим командиром.

– Это начальник «Крестича»?

– Нет. Он понимает, что я и ещё пара человек ведём свою игру в его училище. Но мы никому не мешаем и никаких призывов к коренному и немедленному слоу сложившейся государственной системы не пропагандируем. Цели наши патриотичны, и мы никого не подставляем под удар. И наш план по возвышению империи не в том, чтобы немедленно дать всем рабам свободы и равные с дворянами права, а в постепенном изменении всего жизненного уклада в государстве. Но для этого сначала необходимо вернуть власть истинному правителю империи Оствер. – Капитан замолчал, оглядел нас, удостоверился, что новых вопросов к нему не имеется, и произнёс: – Итак, жду вашего немедленного решения, господа кадеты. Вы принимаете мои слова на веру и готовы принять предложение вступить в подпольную организацию «Имперский союз»?

Мне раздумывать нужды не было, и я заранее знал, что отвечу:

– Готов!

Альера посмотрел на меня, хмыкнул и тоже согласился:

– Готов!

Настал черед Эхарта, и, хотя было видно, что он немного отошёл от зажигательной речи капитана и уже начинает задумываться о том, куда может завести участие в тайной организации, последовал нашему примеру:

– Готов!

Офицер-инструктор, который всё время нашего разговора был напряжён, заметно расслабился и, посмотрев на меня, спросил:

– Кадет Ройхо, по каким причинам вы решили встать в ряды истинных

патриотов империи?

Можно было не лукавить и высказаться максимально искренне, и мой ответ выскочил сам собой:

– Империя может снова стать великой, и мне бы этого хотелось, а император должен не только царствовать, но и править. Кроме того, я надеюсь, что за верность и свои труды получу от организации «Имперский союз» достойную награду и помощь в деле уничтожения моих противников.

Удовлетворенный Нитра посмотрел на Альеру. Тот беззаботно, как он это умел, улыбнулся и сказал:

– Девиз моего рода – «По завету предков!». А они завещали нам драться за свою родину, крушить врагов и всегда стремиться превзойти их. Пока никто не обошёл моего прадеда-генерала, а с вами у меня есть на это надежда. И хотя понятно, что вернуть императору всю полноту власти дело не на один год, а может, даже и не на десятилетие, я готов рискнуть и присоединяюсь к вам.

Эхарт, правым кулаком чуть пристукнув по груди в районе сердца, был краток:

– За Анхо и империю!

После этого, ещё раз предупредив нас о сохранении этого разговора в тайне, Нитра нас отпустил.

Мы вернули лошадей в конюшню, отошли в сторону от людей, обсудили между собой всё произошедшее с нами и пришли к выводу, что в целом поступили правильно. Нам терять особо нечего, потому что мы практически ничего не имеем, а капитан был серьёзен, на шутника или шулера, который понтирует (карточный термин, обозначающий блеф), не походил. А рубиться во имя интересов организации с хорошими и понятными для нас целями нам вполне подходило.

С того вечера заметно в нашей жизни ничего не изменилось. Однако разговор с Нитрой уже наложил на нас свой отпечаток. И выразилось это в том, что наша тройка как бы отделилась от остального десятка и стала держаться сама по себе. Кроме того, мы перестали интересоваться предложениями, которые регулярно поступали в военный лицей от вольных наёмных отрядов и частных армий, и стали больше времени уделять боевым искусствам. Кстати, я обратил внимание на то, что точно так же, резко и без видимых причин, после дополнительных занятий со своими инструкторами изменилось поведение двух кадетов первого десятка и четырех из третьего. Не знаю, заметил ли это кто-то ещё, а мне данный факт сказал о том, что Нитра не одиночка, и другие офицеры-наставники

как минимум ему помогают, а скорее всего, они делают с ним одно общее дело.

Прошло восемь дней. В военном лицее всё было по-прежнему, и ничто не предвещало перемен. После сытного обеда я лежал в тёплой казарме и, прежде чем отправиться на занятие по истории войн, пролистывал взятую в библиотеке книгу. До урока оставалось минут двадцать, когда появившийся сержант Сантин с порога выкрикнул:

– Кадет Уркварт Ройхо, на выход! К офицеру-наставнику! Живо!

Он ещё не договорил, а книга уже оказалась на тумбочке, ноги в сапогах, и я бегом рванул на выход. Проносясь мимо сержанта, услышал:

– Второй учебный корпус. Десятая аудитория.

Спустя две с половиной минуты я остановился перед дверью в помещение, руки автоматически одёрнули одежду и поправили серый берет, а глаза посмотрели на сапоги. Все в порядке, я выгляжу так, как и положено выглядеть настоящему образцовому кадету и дворянину, а значит, можно предстать перед начальством. Приоткрыв дверь, я вошёл внутрь, посмотрел на затянутого в свой мундир невозмутимого капитана, который в окно рассматривал пустой плац, и, сделав три чётких шага по направлению к нему, доложил:

– Господин капитан, кадет Ройхо по вашему приказанию прибыл.

– Вольно! – бросил Нитра и, когда я ослабил левую ногу, повернулся ко мне и сказал: – Кадет, по линии нашей организации для вас имеется первое задание. Вы готовы его выполнить?

– Так точно! – не задумываясь ответил я, в душе надеясь, что мне не прикажут уже этой ночью прирезать кого-то и этим доказать верность заговорщикам.

Мои мысли и растерянность, видимо, отразились на лице. Опытный офицер без труда прочёл их. И, поняв меня, усмехнулся:

– Задание несложное и должно вам понравиться, кадет Ройхо. Вы ведь интересовались методиками подготовки в староимперских военных лицах?

– Да. В течение первых трёх курсов обучения.

– Интерес ещё не пропал?

– Никак нет! Меня по-прежнему занимает эта тема.

– Вот и хорошо. С завтрашнего дня весь ваш курс на несколько дней разобьют. Начнутся индивидуальные занятия, и каждый кадет будет видеть других только утром и вечером. Вы, Ройхо, не станете заниматься по учебной программе, а займётесь работой в спецархиве.

– Спецархив?!

– Да. В нашем «Крестиче» такой имеется. Правда, в нём нет ничего особо секретного, но зато есть масса общей информации о военных учебных заведениях старой империи времён первых императоров Анхо.

– И что я буду должен делать?

– Найти, собрать и скопировать все сведения, касающиеся военного лица «Шайгер».

– Господин капитан, разрешите вопрос?

– Задавайте.

– Почему вы выбрали для этого задания именно меня? Разве это не сможет сделать кто-то другой?

– Когда исполнитель заинтересован в работе, тогда она делается гораздо быстрее, а результаты превосходят все ожидания. Это аксиома, кадет Ройхо. Кроме того, собирая эту информацию, ты помогаешь себе, и это является платой за твой труд. В нашей организации каждое действие подчинённого оплачивается сдельно. Это одно из правил древней империи.

«Интересно, сколько в таком случае ты за нашу вербовку получил?» – тут же подумал я, услышав такую речь, а сам встал по стойке «смирно» и отчеканил:

– Я буду рад оказать услугу организации истинных имперских патриотов.

Нитра краешком губ улыбнулся и одобрительно качнул головой:

– Отлично! Жду вас завтра после завтрака в этой же аудитории. А пока ступайте на занятия, кадет.

Я чётко, по-военному развернулся, вышел из аудитории и устремился на выход. Мои шаги гулким эхом отдавались от округлых сводов пустых коридоров, будто чеканя: «Шай-гер! Шай-гер!» А в голове в это время засела мыслишка, что найти в спецархиве что-то действительно полезное и интересное очень даже не сложно, только надо быть чрезвычайно внимательным и всё анализировать.

Глава 19

Империя Оствер. Военный лицей «Крестич». 16.03.1404

Моя работа в спецархиве «Крестича», глухом каменном мешке, который находился между десятой и двенадцатой аудиториями второго учебного корпуса, как и говорил капитан Нитра, началась на следующий день после нашего с ним разговора. Офицер-инструктор привёл меня в бывший учебный класс, переделанный в хранилище не очень ценных, но весьма занимательных документов, рассказал о правилах обращения с древними книгами и подшивками приказов, в очередной раз напомнил о соблюдении тайны и оставил меня одного.

Для начала я огляделся. Сухое помещение шесть на восемь метров. Под потолком горел вечный светильник. В центре комнаты стояла пара столов, на которых лежали стопки чистой бумаги и карандаши, рядом, один на другом, ножками кверху несколько стульев, а вдоль стен выстроились полки с книгами, папками и свернутыми рулонами бумаги. Нормальная рабочая обстановка, можно приступать к разбору бумажных завалов и вытащить на свет всю информацию о «Шайгере», какая только имелаась в этом месте.

Первая древняя книга в моих руках оказалась бухгалтерским отчётом по всем военным лицеям за четыреста тринадцатый год от создания империи Оствер. Всё, что касалось «Шайгера», я переписал на чистые листы и принялся за следующий документ – «Списки кадетов 300-го юбилейного года выпуска». Ну и так далее: отчётность, экзаменационные листы, сметы на строительство учебных корпусов, несекретная переписка начальников училищ и кураторов, записки о состоянии дел на конюшнях, планы, схемы, просьбы о выделении дополнительных денежных субсидий и прочие подобные документы.

По большому счёту ничего интересного, что по прошествии тысячелетия могло бы пригодиться лично мне или «Имперскому союзу», который, видимо, тоже искал древние методики обучения кадетов, обнаружено не было. Но это только на первый взгляд ценной информации не имелось. И если знать, что и как искать, а я это знал, то и среди древнего бумажного хлама есть возможность найти немало полезного, особенно если голова соображает. Поэтому я не расслаблялся, постоянно себя взбадривал и анализировал каждую бумагу. И к исходу шестого дня, когда моя работа была уже практически завершена, я обнаружил некоторую

странность, которая озадачила меня и заставила на целых полчаса сесть за стол и просто хорошенько подумать.

Как мне уже было известно, во время расцвета империи Оствер существовало сорок военных лицеев. Все они получали из государственной казны субсидии, которые уходили на жалованье офицеров и сержантов, питание и обмундирование кадетов, закупку учебных пособий, наём учителей, содержание коней и кораблей, ремонт зданий и прочие нужды. Ясно, что расходы у каждого военного лицея были свои. Как пример – «Крестич», военно-учебное заведение пограничных полков, которое каждый год набирало около тысячи кадетов, а выпускало от ста до ста пятидесяти офицеров. Траты его составляли шестьдесят тысяч иллиров в год. Относительно небольшая сумма. А вот учебное заведение моряков «Синтаир» при таком же количестве кадетов получало и тратило девяносто пять тысяч иллиров, а всё потому, что львиную долю денежных средств съедали расходы на военные учебные корабли, мощные галеры и парусные каракки.

Такой финансовый подход был к каждому военному лицу, смысл и логика бюджетных трат понятна, и я перехожу непосредственно к «Шайгеру». Данное учебное заведение, развалины которого, кстати, находятся всего в ста семидесяти километрах от нынешней границы империи Оствер и королевства Ассир, в горах Маир, набирало в два потока полторы сотни кадетов, а выпускало всего пять – восемь в год. Бюджет военного лицея при этом составлял сто сорок тысяч иллиров. Разница между «Шайгером» и «Крестичем» видна? Да, она сразу же бросается в глаза. Но куда и на что можно потратить такие огромные деньги? На кадетов и учителей? Нет, никто из них не разбогател. На магические эликсиры? Опять нет, в те времена военные лицеи получали все необходимые магические средства совершенно бесплатно. Тогда куда уходили деньги?

Ответа на эти вопросы не было. Но странность мной была отмечена, и я с новыми силами погрузился в бухгалтерскую отчётность. Рылся в бумагах долго, измазался в пыли и грязи, но нашёл след денег, которые, как оказалось, в количестве ста тысяч золотых монет ежегодно передавались как пожертвование храму Ярина Воина при военном лицее «Шайгер». Факт налицо. Но, чёрт побери! Люди старой империи были прагматиками до мозга костей, и даже столичные храмы никогда более чем пять-шесть тысяч иллиров в год не получали. Откуда такая расточительность у генералов и полковников имперской армии? Снова обрыв. Я не видел связи между культом Ярина Воина, на тот момент главенствующего бога в пантеоне

остверов, и обучением кадетов по военно-учётной специальности магов-воитель. Её не должно было быть. Но она была. И по окончании своих трудов в спецархиве, когда я покидал это место и должен был вновь вернуться в состав своего десятка, после передачи скопированных документов между мной и капитаном Нитрой на эту тему состоялся разговор. Я рассказал офицеру-инструктору о своих мыслях, а он на удивление флегматично покивал и сказал:

– Помимо вас, кадет Ройхо, за минувшие пять лет сбором информации по «Шайгеру» занимались ещё как минимум десять человек. Пятеро в военных лицах, четверо в столице и ещё один воин-храмовник из дружины бога Ярина. Трое из них, независимо друг от друга и опираясь на различные источники, пришли к мнению, что способности магов-воителей как-то связаны с храмом. Однако обследование тех мест результатов не дало. От военного лица остался только фундамент, а святилище Ярина рядом с ним хоть и стоит до сих пор на месте, но сильно обветшало, несколько раз перестраивалось, пережило три нашествия ассирийцев, и найти в нём следы денег или мощные артефакты не удалось. Нет никаких документов и указаний о том, каким образом воины могли быстро усваивать магические приёмы и использовать боевые заклятия такой силы и сложности, какие сейчас даже самые мощные и продвинутые чародеи школы «Торнадо» не могут повторить. Поэтому принято считать, что ничего не было, и маги-воители только сказки.

– Но ведь они были! – Я хлопнул ладонью по столу, рядом с которым стоял.

– Конечно были, – согласился капитан.

– Тогда где документы об их деятельности?

– Во времена смут маги-воители, которых было очень мало, все до единого встали на сторону императора, и их перебили, а когда великие герцоги, верховный патриарх и архимаг кинулись искать их методики, то не нашли ничего. Из-за этого был разрушен «Шайгер», под которым надеялись найти какие-нибудь секретные лаборатории или ещё что-то. И именно по этой причине интересующихся данным вопросом людей порой хватают и тянут в пыточные подвалы. Уже много сотен лет нет выпускников военного лица «Шайгер», но память об этих великих воинах иногда ещё берedit нас и заставляет грезить о могучей силе.

– Значит, на этом всё? Ничего уже не будет? – спросил я капитана.

– Отчего же, – он усмехнулся, – вполне возможно, что не всё потеряно. И я могу приоткрыть тебе небольшую тайну. Наша организация собирается снарядить очередную экспедицию к горам Маир, и я уже порекомендовал

тебя и твоих товарищей, Эхарта и Альеру, для участия в ней. Мне кажется, что такой увлечённый человек, как ты, и такие хваткие ребята, как Виран и Нунц, смогут хотя бы немного приподнять завесу тайны над этим военным лицеем и его выпускниками.

– Благодарю за доверие, господин капитан! – сказал я.

– Не за что. Вряд ли экспедиция что-то найдёт, да и некогда будет искать, война близко. К тому же на мою рекомендацию могут просто не обратить внимания, и вас перекинут на иное задание, так что особо не обольщайся.

– Я буду надеяться, что меня и моих друзей возьмут. Господин капитан, а когда предполагается эта экспедиция?

– Думаю, не скоро. Вы к тому времени успеете закончить «Крестич». Пока идёт новый сбор информации, и лишь когда она будет обработана, только тогда начнётся подготовка к ней. А как она пойдёт и каким составом поисковики отправятся к «Шайгеру», этого я, разумеется, не знаю...

Работа в спецархиве «Крестича», которая обогатила меня массой новых знаний о структуре древних имперских лицеев и немного подковала в бухгалтерии, закончилась.

Дальнейший процесс обучения прошёл своим чередом, мы готовились к экзаменам, и я всё чаще представлял себе наш выпуск. И в этих размышлениях и мечтах, которые не раз посещали меня в самые трудные моменты последних трёх лет, мне виделись построение на плацу, торжественное вручение офицерских патентов, может быть, небольшая речь начальника училища старого полковника Коша, ну и конечно же весёлая вечеринка с однокурсниками. В общем, всё должно было произойти так, как в земном кино и книгах. Но реальность выглядела совсем иначе.

Наш учебный поток, кадеты, дотянувшие до конца, все двадцать семь человек, были отпущены в третий отпуск, во время которого следовало подготовиться к последней двухнедельной стадии обучения и выпускным экзаменам. Однако все до одного мы остались в казармах, обложились книгами и старыми конспектами и отвлекались от них только для того, чтобы поесть, помыться, пофехтовать и немного поспать.

Затем наступил час Икс – четырнадцать дней жёсткого тренинга, после которого наши десятки смешали, разбили на произвольные двойки и тройки – и понеслось. Нескончаемые вопросы и ответы, проверка наших письменных рефератов и сотни психологических тестов. И всё это безостановочным конвейером, который не прекращался даже ночью, не давал отвлечься и отобрал ровно сутки моей жизни. А когда Альера, Эхарт

и я, благодаря поддержке Свена Нитры сдававшие экзамены вместе, пришли в казарму, то были обессилены до такой степени, что просто упали на свои кровати и около получаса лежали без движения.

Наконец я пришёл в себя, приподнял голову от подушки, осмотрелся и обратил внимание, что наши однокурсники пакуют вещи и по одному выходят на плац. Взглянув на Альеру, я окликнул его:

– Виран, ты как?

– Ещё не знаю, – прошептал он. – Вроде бы жив. Но уверенности в этом пока ещё нет.

– А куда это все уходят?

– Без понятия.

– Эй, Вилл, – я посмотрел на княжича, который вместе со своими подручными проходил мимо меня, – а вы куда?

– Домой, граф Ройхо. – Фертанг уже ничем не походил на того парня, которого я знал ещё вчера, в его взгляде появилась лёгкая надменность. – Сейчас документы получим – и к телепорту.

– А в трактире посидеть и отметить окончание учёбы и получение офицерских патентов?

– Это лишнее. С сегодняшнего утра каждый сам за себя.

Сказав это, княжич и его люди, именно так уже можно было называть кадетов Арциза и Песта, даже не попрощавшись, двинулись на выход. Мы с Альерой проводили их взглядом, и Виран бросил:

– Сволочь надменная.

– Видимо, Вилл вспомнил о том, что теперь он наследник княжеского престола, а мы с тобой так, мимо проходили – один баронский сын без титула, а другой беглый граф, и ему теперь с нами не по пути. Вполне ожидаемая переоценка жизненных ориентиров, только не думал, что она произойдёт так быстро.

– Да и пошёл он! – включился в разговор Эхарт. – Давайте тоже собираться и сматываться отсюда, а то я на эти стены уже смотреть не могу.

С трудом я встал на ноги и в небольшую брезентовую сумку начал собирать свои нехитрые пожитки: пару книг, зубную щётку, бритву и мыло. Всё остальное – сменная униформа и прочее имущество военного лица – оставалось на месте. Собравшись, мы вышли из казармы, прошли в канцелярию, где получили свои документы, личные вещи, охранные амулеты, оружие и деньги.

Прямо на складе канцелярии военного лица мы переоделись и направились в кабинет капитана Свена Нитры. Он вручил нам заверенные несколькими солидными печатями и магами офицерские патенты,

поздравил с окончанием военного лица и перешёл к делам подпольной организации, интересы которой офицер представлял. Указания были простыми. Сейчас мы выходим за ворота, садимся в экипаж и едем в гостиницу «Сержант Йен» на северной окраине Йонара. Там нас должен встретить некто полковник Висан Плетт, и мы переходим в его полное подчинение. Офицер-инструктор передал нам письма, за минувшие две недели пришедшие на наше имя, Альере и Эхарту по одному, а мне два, и встал:

– Итак, господа бывшие кадеты, в данную минуту решается ваша судьба. И вы имеете последнюю возможность отказаться от службы на «Имперский союз». – Слова были не нужны, никто из нас назад сдавать не собирался, и мы промолчали, а капитан удовлетворённо кивнул и посмотрел на дверь: – В таком случае я горжусь знакомством с вами и желаю вам в жизни только одного – удачи. Прощайте, господа!

Нитра подмигнул нам и снова сел. А мне подумалось, что этим знаком он даёт знать, что не забыл моего интереса к «Шайгеру». Ну, что будет и куда заведёт меня жизненная тропа, время покажет, а пока пришла пора покинуть военный лицей. И, коротко кивнув капитану, который был с нами три года нашей жизни, мы чётко развернулись к двери и вышли.

Через несколько минут мы были у ворот, покинули училище, сели в просторный закрытый экипаж и направились в новую жизнь. Позади оставались учебные корпуса и казармы, строгие учителя и грамотные сержанты, офицеры-инструкторы и начальник училища, которого за время моего обучения я видел всего несколько раз, а впереди была неизвестность. И не знаю, как два других свежеиспечённых офицера, а я ощущал огромное облегчение оттого, что один из трудных этапов моей жизни позади, и хотел спать. Однако заснуть не получалось. Только закрою глаза – и вижу лица экзаменаторов, которые дают меня вопросами, а я отвечаю на них и стараюсь не сбиться. Своего рода кошмар.

«Определённо минувшие сутки стоили целого курса обучения в «Крестиче»», – подумал я, выглянул в мутное окошко кареты, понаблюдал за проплывающими мимо нас придорожными деревьями и достал письма на моё имя.

Одно было от барона Ангуса Койна, который поздравлял своего племянника с окончанием военного лица и извещал о том, что он вернулся в свою магическую школу. Так что если мне понадобится его помощь, то я могу на него рассчитывать. Обычное короткое письмо, скорее даже записка, которая была ожидаема. А вот другое послание меня несколько удивило, поскольку отправителем являлась баронесса Инна Пертак.

«Ну-ка, – подумал я, открывая пахнущий розами плотный серый конверт и доставая небольшой белый листок бумаги, – что мне подруга пишет?»

Глаза заскользили по ровным строчкам.

«Дорогой граф Уркварт Ройхо.

Я часто вспоминаю ваше доброе ко мне отношение и то, что вы спасли меня и привезли в славный город Йонар, где ныне я состою в свите великой герцогини Магды Каним. В моей жизни всё сложилось хорошо, я счастлива и довольна своей судьбой. А недавно я встретила человека, с которым готова прожить всю свою жизнь, и он сделал мне предложение руки и сердца. И в связи с этим я хотела, чтобы вы познакомились с ним и были почётным гостем на нашей свадьбе, которая состоится 18 фаима сего года в храме Улле Ракойны, в северном крыле замка великого герцога Канима. Я знаю, что ваша учёба в военном лицее подходит к концу, и не сомневаюсь, что вы получите заветный офицерский патент и примете моё приглашение.

С уважением и глубочайшим почтением,
баронесса *Инна Пертак*».

Спрятав письмо в сумку, я потянулся всем затёкшим телом и подумал о том, что, кажется, жизнь налаживается – примета верная: ведь если она сложилась у пылкой и страстной девушки Инны, за которую я искренне рад, то и у меня всё будет хорошо. Вот только на её свадьбе погулять, скорее всего, мне не удастся. Я кое-что слышал про полковника Висана Плетта, так, краем уха информацию подцепил. Но для того чтобы понять, что полковник Плетт человек действия, этих слухов хватило.

А значит, если нас планируют отправить в экспедицию к горам Маир, то она отправится очень скоро. Попутно с этими мыслями я отметил, что бракосочетание Инны пройдёт в замке Канимов, а значит, её жених наверняка или из близких к великому герцогу людей, или один из его многочисленных родственников. Хм, повезло баронессе, а у меня появилась возможность через неё свести знакомство с весьма влиятельным семейством.

– Эх-х-х, господа свежеиспечённые офицеры! – прерывая мои размышления, протянул Эхарт. – Что-то тоскливо. Может, заедем в трактир, винца хоть выпьем?

– Я не против, – поддержал Альера и посмотрел на меня: – Ты как,

Уркварт, вина не хочешь?

– Хочу, – ответил я. – Однако думаю, сначала надо бы нашего нового начальника увидеть, а только после этого отмечать выпуск из «Крестича».

– И то верно. – Виран посмотрел в окошко. – Тем более мы уже почти на месте.

Мы снова замолчали, а наш экипаж вскоре подкатил к опрятной двухэтажной гостинице, над которой висел хорошо сделанный деревянный щит с нарисованным на нём красным мечом, под которым витиеватой вязью шло название «Сержант Йен». Перед входом стояла компания крепких мужиков лет под сорок, судя по добротной кожаной одежде и оружию на поясах, наёмники. И если учитывать то обстоятельство, что северная окраина Йонара издавна отведена для проживания вольных воинских подразделений и в двух кварталах от гостиницы находится Гильдия наёмников, то становится понятно, куда мы попали.

Мы вышли из кареты. Наёмники смерили нас оценивающими колючими взглядами и отвернулись, а мы прошли в здание и оказались в пустом общем обеденном зале. У стены справа протянулась стойка, за ней был проход на кухню, с которой доносились ароматные запахи жареного мяса. Рядом со стойкой, чистым полотенцем протирая глиняные кружки, стоял суровый насупленный мужик в белом фартуке и серой кепке. Он услышал, как скрипнула входная дверь, поднял на нас глаза, а я сказал:

– Добрый день. Мы к полковнику Плетту.

– Угу, – пробурчал мужик и повернулся: – Господин полковник, к вам посетители.

С кухни раздался рёв, напоминающий медвежий рык, затем короткий озорной женский взвизг, и в зале появился Висан Плетт собственной персоной. Полноватый, с широкими плечами, большеголовый и краснолицый блондин с короткой прической и искривленным набок носом, под которым тонкой кисточкой дыбились светло-рыжие усики. Одет он был в тёмно-коричневый камзол, под которым была видна синяя шёлковая рубаша, и простые серые брюки, заправленные в новенькие чёрные сапоги, на поясе – толстая портупея. Типаж ещё тот, какой-то немного несуразный, но имеющий при себе ирут с потёртой рукоятью и длинный кинжал. А самое главное, он словно излучал опасность. И наверняка каждый из нас в первый миг при взгляде на Плетта подумал, что человек он смешной, но драться или ссориться с ним не стоит.

– Альера, Ройхо и Эхарт? – исподлобья посмотрев на нас и держа левую ладонь на рукоятке меча, спросил полковник.

– Так точно, – ответил я, а мои товарищи согласно кивнули.

– Отойдём. – Плетт мотнул головой на обеденный зал и направился в глухой угол, где уселся за широкий дубовый стол. Мы сели напротив, и наш новый командир сказал: – Ваши бумаги, пожалуйста.

Наши новенькие офицерские патенты, широкие книжицы в серых кожаных обложках, легли перед ним. По очереди ознакомившись с каждым документом, полковник посмотрел на барную стойку и выкрикнул:

– Йен, вина давай!

Вино, надо отметить, неплохое – полусухое красное с местных виноградников, и бокалы из стекла появились словно по мановению волшебной палочки. Полковник разлил из бутылки напиток и, дождавшись, пока мы возьмём бокалы, провозгласил:

– За ваши новые звания, господа лейтенанты!

Когда все выпили, Альера поинтересовался:

– А почему лейтенанты, господин полковник? Офицерский патент ещё не даёт нам право называться этим чином.

– Ну, это в армиях не дает, а вы теперь официально на ближайшие пару месяцев станете числиться лейтенантами наёмного соединения «Рейдеры Плетта». – Вновь бульканье вина по бокалам и вопрос полковника: – Куда и зачем отправляемся, знаете?

– Никак нет. – Решив не корчить из себя всезнайку, я отрицательно помотал головой.

– Тогда объясняю. В горах Маир, на землях графа Кемета, находится древнее святилище Ярина Воина. И в связи с тем, что намечается война, по официальному договору, мы должны эвакуировать из этого храма всех жрецов и имущество. Понятно?

«Вот оно, значит, как, – подумал я, глядя в глаза Плетта. – Предстоящую войну и неразбериху используют как легальный повод осмотреть древнее святилище и хорошенько его обыскать. Хитро придумано. Ничего не скажешь, и придаться не к чему».

– Да, понятно, – ответил я.

– Хорошо. – Полковник провёл двумя пальцами по своим усикам. – В таком случае сегодня отдыхайте, можно даже с девочками, а уже завтра мы должны через телепорт переместиться на материк Мистир. Про снаряжение, эликсиры, лошадей, одежду и дополнительное оружие не думайте, всё есть. Наверху для вас сняты номера, там можете переодеться. Всего нас будет два десятка бойцов, команда слаженная, и только ваша тройка новички. Но вы выпускники «Крестича», а значит, в дополнительной подготовке не нуждаетесь. Истинную подоплёку похода раскрою вам только в пути. Вопросы есть?

– Что по деньгам? – спросил Эхарт, из нас троих самый бедный.

– Нормально. У нас контракт на один месяц. Если это будет просто поход, без драк и сражений, то каждому из вас по двадцать иллиров, если с боестолкновениями, по пятьдесят монет. Трофеи в общую кучу, делёжка простая – воину доля, лейтенанту две, мне пять. Плюс к этому в случае если мы выполним дополнительную задачу, которая и является в данном контракте основной, все мы получим очень хороший бонус.

В этот момент с грохотом отворилась входная дверь, и к столу подбежал крепкий темноволосый парень лет двадцати с кривой саблей на боку. Он схватил бокал полковника, залпом его выпил, поставил и рукавом утёр губы. Плетт от такой наглости было набычился, сжал кулаки и привстал. Но парень смело посмотрел на него и выдохнул:

– Война, командир!

– Кто? – сев обратно, спросил полковник.

– Ассир и Асилк. Два часа назад королевские войска в результате измены взяли Кемет и пару близлежащих крепостей. Только что в центре города объявили, и я бегом к тебе.

Плетт шмыгнул носом, посмотрел на нас и прохрипел:

– Отдыхайте и подгоняйте снаряжение. Возможно, выступим на несколько часов раньше и уже завтра к вечеру будем в бою. Всё!

Приказ командира – закон. Мы встали и в сопровождении наёмника, который принёс известие о начале войны, отправились наверх. И с этого момента я начал отсчёт нового этапа моей жизни.

Глава 20

Империя Оствер. Графство Кемет. 20.03.1404

Полтора-два года назад я считал, что война начнётся с материка Эранга. Но первым запыливал Мистир – старые враги нашего государства королевства Ассир и Асилк перешли в наступление. Пока я не знал, как развиваются военные действия, – регулярные официальные имперские бюллетени с фронтов, которые будут распространяться среди жителей крупных городов и армейцев, начнут выходить только через несколько дней. И, сидя в гостиничном номере и подгоняя под себя лёгкую брезентовую полевую горку зелёного цвета, напоминающую униформу имперских егерей, я думал о том, что вскоре мы окажемся на войне, и прикидывал расклады по грядущей военной кампании.

Вместе два братских королевства могут выставить до четырёхсот тысяч профессиональных солдат и около пятидесяти тысяч моряков на двухстах боевых кораблях. Плюс к этому до полумиллиона ополченцев и сотню тысяч наёмников с бойцами вольных морских лордов, по сути пиратов. А есть ещё боевые маги, надо сказать, в мастерстве мало уступающие имперским, и жрецы Самура Пахаря и Бойры Целительницы, которые хотя и не станут воевать, но будут лечить воинов и быстро ставить их в строй. Это то, что есть сейчас, а ведь вскоре к ассирам и асилкам присоединятся республика Арзум и царство Цегед. И значит, количество наших врагов только на одном материке как минимум удвоится.

Что сможет противопоставить им империя Оствер? Не так уж и мало. На Мистире восемь крупных владений, большинство земель и людей находятся под рукой великого герцога Эйсо Кайяса, и только в его армии – сорок тысяч профессиональных воинов в двадцати полках. Вдвое больше выставят остальные феодалы Мистира вместе взятые. Про ополченцев разговора нет, но их будет много, гораздо больше, чем у противника. Помимо этого имеются ещё имперские порубежные полки под командованием генерала графа Карса Ковеля. И хотя сил у него немного и они растянуты вдоль всей границы на девятьсот километров, но это ветераны. Опять же есть надежда на наёмников, которых в нашем государстве немало, на добровольцев с материка Эранга, основного имперского владения, и на армии великих герцогов, магов и священников. Так что, можно сказать, силы противоборствующих сторон будут равны, по крайней мере до тех пор, пока сохраняется относительное спокойствие в

иных провинциях и владениях империи.

За такими мыслями я и мои товарищи-лейтенанты подготовили своё походное снаряжение, облачились в удобные широкие штаны для кавалерийской езды, заправили их в собственные разношенные сапоги, на тела натянули свежие льняные майки, свитера и горки. Поверх этого накинули ремни с ирутами и парой кинжалов и твёрдые, словно доспех, толстые кожаные куртки. Затем собрали удобные рюкзаки, более мягкие и объёмные, чем российские РД, которые можно носить за спиной и удобно приторочить на круп лошади, в них вложили короткие клинки, всякую дорожную мелочь и пару не очень дорогих, но надёжных целебных эликсиров. И вроде бы всё. Ан нет. Люди полковника Висана Плетта подготовили для нас отличные и весьма дорогие арбалеты – на деревянном ложе стальной механизм, который взводился с помощью поясного крюка. Каждый арбалет и короткие стрелы к нему тоже надо осмотреть, а это опять время. Так что на всё про всё ушло несколько часов. Отдохнуть не получилось. И к ужину мы спустились вялые и усталые.

Вокруг общего стола собрался весь отряд полковника, пятнадцать битых жизнью мужиков, молодой маг с дорогим огненным амулетом на шее, судя по эмблеме, из «Торнадо», и сам командир. Плетт представил нас своим бойцам, ну а мы с ними знакомились уже по ходу дела, так как командир объявил, что в восемь часов вечера отряд выдвигается. Назначено прямое соприкосновение телепортов в городах Йонар и Устио, и мы переместимся в столицу приграничного графства на Мистире. Бесплатно, по приказу Верховного имперского совета, в него будут переброшены отряды наёмников, священники, маги, пара полков великого герцога Канима и все желающие повоевать. И раз есть возможность сэкономить транспортные расходы, то тянуть нечего, надо пристраиваться к колоннам солдат и начинать поход.

Ужин прошёл с шутками и смехом. А после него «Рейдеры Плетта» сошлись на хозяйственном дворе гостиницы. Оседлав выделенную мне гнедую исанийскую полукровную лошадь, вооружённый и снаряженный, с Эхартом по левую руку и Альерой справа, я выехал на улицу и в составе отряда направился к грузопассажирскому телепорту. Вот так вот жизнь кидает, а судьба шутит. Ещё утром я был кадетом, который пережил сдачу экзаменов, а уже к вечеру – лейтенант наёмников.

Как покидали Йонар, помню не очень хорошо, сказывалась усталость, которая рассеивала внимание. Но основное конечно же выхватил. В столице Канимвов, которая от места ведения боевых действий находилась в шести тысячах километров, царило приподнятое настроение. На

центральных проспектах ярко светили уличные масляные светильники, а толпы стоящих на тротуарах возбуждённых мужчин и женщин провожали уходящих на войну воинов герцога и независимые отряды цветами и радостными выкриками.

Другое дело – не очень большой, но важный стратегический городок Устио, куда мы перешли с Эранги. Узкие тёмные улочки, высокие и угрюмые каменные дома, фонарей практически нет, а вдоль зданий стоят редкие факельщики, которые указывали прибывшим войскам направление к полевому лагерю за городскими стенами. Местных жителей было не видеть и не слышать, не лаяли собаки, а все команды отдавались чуть ли не полушёпотом. Тревога и близкая беда, которая надвигалась на империю, придавили людей, на эту ночь сделали их нерешительными и слабыми, и только бодрый цокот подкованных копыт по булыжникам мостовой немного рассеивал тягостное настроение города Устио.

Вместе с 3-м и 5-м полками лёгкой кавалерии из армии Канимов и тремя полутысячными сводными отрядами наёмников из Йонара «Рейдеры Плетта» выбрались за пределы городских стен и в чистом поле остановились на ночлег. Было холодно, но мы, бывшие кадеты и наёмники полковника, люди привычные, спутали лошадей, выставили караул и немного в стороне от всех разожгли костры. И только теперь я смог немного поспать, всего ничего, каких-то четыре с половиной часа до раннего рассвета, но я смог восстановить силы. Так что, когда Висан Плетт скомандовал подъём, настроение у меня заметно улучшилось, и в первых утренних лучах солнца, которое пока ещё выглядывало из-за тяжёлых дождевых туч, медленно наползающих на войсковой лагерь и город, передо мной открылась следующая картина.

Мы находились на уютной предгорной равнине, где относительно ровными рядами стояли сотни разноцветных палаток, между которыми передвигались тысячи вооружённых людей. Шум, гам, суeta и ржание лошадей. И над всем этим живым морем реяли знамёна с гербами самых сильных остверских фамилий, которые заседали в Верховном имперском совете. Тут уже знакомый мне скорпион Канимов, дикий серый конь Кайяса, красная башня великого столичного герцога Витима, руна «Добро» владельца с материка Анвер великого герцога Варны и рука в латной перчатке его соседа Ратины. Это только пять великих герцогских родов, а помимо них было много иных, попроще. И от вида скопившихся в долине воинов, которых за одну только ночь собралось около пятидесяти тысяч, появлялась уверенность в том, что ассиров и асилков остановят, а затем погонят обратно к границе. Но это случится только в том случае, если будет

единое командование и войска успеют пройти хотя бы краткую подготовку к битвам. А то сила силой, против неё, как говорится, особо не попрёшь. Но все имперские войска – это самые разные по выучке и опыту подразделения. Ведь тут и пехота, как линейная, так и вспомогательная, и конница, лёгкая, рыцари, егери, арбалетчики и метатели дротиков, инженеры с сапёрами и ещё не пойми кто. А помимо них здесь же маги, наёмники и национальные формирования. В общем, мощь есть, но пока она не организована и вокруг царит полнейший бедлам.

Взгляд вправо. Город графа Устио с одноимённым названием, столица и центр его земель. Место, которое благодаря телепорту приносит порубежному феодалу хороший постоянный доход, а потому на его укрепление он денег не жалел, тем более что граница рядом, а набег соседей не что-то эфемерное, а жестокая реальность. Поэтому стены здесь высокие, башни мощные и на них стоят катапульты и требучёты. А солдаты графа – ветераны, которые не привыкли к сдаче своих позиций, и в случае штурма они станут цепляться за каждый камень. Так что взять город будет очень сложно, даже если ассирийским магам удастся внести помехи в работу телепорта и заблокировать его, а Устио не сможет получать подкрепления.

Теперь взгляд влево. Высокие старые горы Маира, которые заснеженными вершинами цепляются за облака. Мы находимся примерно в центре этого горного хребта с его западной стороны, противник прёт с юго-востока, а наша цель, святилище Ярина Воина, на северо-востоке. И получается, что нам придётся перевалить горы, выйти на равнины графства Кемет, в котором сейчас неизвестно что происходит, и достичь храма вблизи военного лица «Шайгер». В общем, путешествие в двести пятьдесят с лишним километров в один конец по малознакомой местности и с реальной опасностью встретиться с передовыми частями ассирийцев. Ладно, если столкнёмся с мелким разведотрядом, мы сможем его расчехловить и оторваться. А если целый батальон попадётся, который намерен перекрыть один из многочисленных перевалов Маирского хребта? Тогда придётся или драпать под крыло армии, или искать укромное местечко, в котором можно пересидеть и дожидаться того момента, пока враг пройдёт мимо. Впрочем, гадать о будущем особо не стоит. Чему быть, того не миновать, а у нас есть командир, и ему в любом случае придётся подстраиваться под конкретную ситуацию.

– Лейтенанты, ко мне! – слышится голос Висана Плетта, и мы спешим к нему.

Полковник стоит подле своего коня, мощного даирского жеребца вороной масти. Он смотрит на нас, на мага по прозвищу Ярни, на других

своих офицеров-лейтенантов, вёртких и быстрых братьев Катли и Мариса Радо и говорит:

– Через двадцать минут в сёдла. Я договорился, что через горы мы пойдём вместе с отрядом конных разведчиков графа Устио и лёгкими кавалеристами Канимов. Коль будет с нами удача, то успеем жрецов выручить и под прикрытие основных сил доставить, а если нет, то покругим по окрестностям, постреляем в ассиров и отойдём. Молодым лейтенантам во время движения держаться в центре!

Дождавшись выдвижения трёх десятков графских воинов и сотни регуляров Канима из 5-го полка, наш отряд влился в хвост колонны и по хорошей каменной дороге направился в гору.

Поначалу всё было хорошо. Тёплый ветерок, тучки сверху, пустая дорога и размеренная рысь хороших лошадей. Однако на выезде из лагеря случилось небольшое происшествие, которое некоторыми воинами было истолковано как неблагоприятный знак.

На окраине воинской стоянки находились клетки с монстрами магической школы «Трансформ», немного, всего полтора десятка боевых единиц в железных узилищах, стоящих на больших телегах. Проезжая мимо них, мы все с любопытством смотрели на мутантов, которые были получены в результате экспериментов над людьми и отдаленно напоминали орангутангов. Длинные руки, покатые плечи, заросшие мехом тела и тупые обезьяньи морды. Но из ознакомительных лекций в «Крестиче» я знал, что эти боевые существа только с виду производят впечатление не очень грозных бойцов. На деле же в лапах мутантов скрыты длинные когти, по остроте и прочности не уступающие стальным клинкам. Шкура у них настолько прочная, что её даже выстрел из арбалета в упор не всегда может пробить. А если такое случится, то болт непременно застрянет в жировых складках монстра. Но к бою эти создания облачают в доспехи. Главное же их преимущество перед обычными воинами – это скорость реакции, которая превосходит человеческую в полтора-два раза. В любом случае это грозные существа. В бою с ними лучше не сталкиваться, и хорошо, что не всякий человек, а лишь один из нескольких сотен может выдержать преобразование с помощью энергопотоков дольного мира, а то на полях сражений воевали бы одни мутанты.

Проезжая мимо клеток с монстрами, которые сидели и с тупым выражением взирали на суету вокруг, Альера окликнул меня:

– Уркварт, посмотри на этих тварей! Не хотел бы я с ними в бою столкнуться!

– Я тоже не хотел бы! – ответил я.

В этот момент один из мутантов резко вскочил на ноги, вплотную приник к железным прутьям и стал их бешено трясти. При этом, как мне показалось, он смотрел в мою сторону и пытался что-то выкрикнуть. Но речевые узлы монстрам удаляли ещё в начале трансформации, и у него ничего не выходило, а шум, который он издавал, сильно напугал наших лошадей, и один из воинов отряда не удержался на своём скакуне и сверзился на камень дороги. Остальные лошадей сдержали и смогли съехать на обочину, подальше от клеток и разъярённого монстра, которого с помощью заклятых дубинок, наподобие электрошокеров, стали успокаивать люди «Трансформа».

Отряд продолжил путь, а упавший боец из-за сломанной ноги остался в лагере. А тут ещё ливень начался. Да, следуя за разведчиками графа Устио, нам к тому же пришлось свернуть с хорошей дороги на грязную грунтовку. Ну чем не дурное предзнаменование? Для впечатлительных натур это самое то, что надо. К счастью, наша тройка смотрела на мир проще, и к испытаниям нам было не привыкать, а потому, накинув поверх одежды плащи, мы пробирались к перевалу и старались думать только о хорошем, например, о деньгах и женщинах.

Прошёл первый день пути, и мы взобрались на вершину. На второй день спустились на равнины графства Кемет и здесь, покинув основные силы имперской разведки, двинулись вдоль гор. Сытые лошади несли нас легко, кажущийся бесконечным дождь прекратился, и погода снова налаживалась. Мы мчались строго на северо-восток. И к исходу четвёртого дня после выхода из телепорта, миновав несколько брошенных деревень и один небольшой форт, в котором находилось полсотни солдат из имперского пехотного полка, которые ничего не знали о происходящих вокруг них событиях, отряд прибыл к развалинам «Шайгера».

На берегу неглубокой, но бурной горной речушки имелось заросшее травами и цветами поле, и в этом разнотравье, если специально присматриваться, можно было найти несколько камней правильной квадратной формы и осколки красных кирпичей. Вот и всё, что осталось от элитного военно-учебного заведения магов-воителей, и искать здесь было нечего. Поэтому задерживаться мы не стали и, пройдя ещё одну обезлюдевшую деревню, «Рейдеры Плетта» вышли к храму Ярина Воина и увидели, что небольшой храмовый комплекс разрушен.

Раньше, до начала войны, в полузабытом святилище постоянно пребывало около пятнадцати жрецов, редко больше. Крупных городов рядом не было, деревень – раз-два и обчёлся, и служители культа, в основном старые покалеченные пограничники и ветераны имперской

армии, жили за счёт пчелиных пасек и продажи целебного горного мёда перекупщикам. Они никого не трогали и никому не мешали, и в предыдущие нашествия ассирийцев их грабили, но не убивали. А то, что увидели мы сейчас, выпадало из привычного поведения королевских войск.

Расположенные на берегу той же самой речки, что и «Шайгер», оставшиеся от древнего каменного храма всего три небольших здания: молельня, общежитие и склад – были сожжены. О целенаправленном поджоге можно было судить по раскиданному вокруг хворосту и брёвнам, которые подтаскивались к древним стенам. Служителей культа перебили – на вытоптанной ногами и копытами площадке перед святилищем валялись искромсанные тела людей в тёмно-серых жреческих балахонах. Живых не видно, вражеских конников тоже. Тишина и стелющийся над землёй дым. Полковник Плетт, надеясь найти хотя бы одного выжившего, оставил в удобной ложине десяток воинов, а сам, вместе с нами, магом и ещё тремя своими бойцами, решил осмотреть место гибели жрецов. Причина его решения нам была понятна. Требовался свидетель, который бы подтвердил, что мы были в храме и сделали всё от нас зависящее, чтобы выполнить контракт. А он, между прочим, официально исходил от столичной епархии культа Ярина Воина, и такими заказами не разбрасываются.

Восемь конников остановились перед зданием молельни. От огненного жара стены потрескались и осыпались, крыша провалилась внутрь каменной постройки, и никаких признаков живых людей нами обнаружено не было. Мы ходили между куч мусора и разбитых бочонков с мёдом, который источал свой приторный аромат, смешивался с запахом гари и крови, и всё вместе это наполняло воздух вокруг нас непереносимым смрадом.

«Что-то нашему отряду пока не фартит», – морща нос и глядя на разруху и трупы вокруг, подумал я.

Эхарт слез с коня, опустился на одно колено и помял в руках конский катышек, оставленный лошадьми ассирийцев. Я спросил:

– Когда они ушли?

– Три-четыре часа назад, примерно в полдень. – Эхарт, будучи неплохим следопытом, получше нас с Альерой, огляделся: – Около восьми десятков воинов, регуляры или хорошие наёмники, у всех лошадей одинаковые подковы.

К нам подъехал полковник, который услышал слова Нунца, одобрительно кивнул и скомандовал:

– Ройхо и Альера, проведите разведку вверх по течению реки, километра на два, не больше. Там пасека должна стоять, может, кто-то

уцелел. Эхарт, ты с двумя бойцами поезжай левее, к горе. Тоже посмотри, что и как, а мы пока жрецов похороним. Собираемся здесь через полчаса. Скоро стемнеет, и оставаться в этом месте на ночь мне не хочется, а то мало ли кто на огонь налетит...

Альера и я ехали по широкой тропе и внимательно всматривались в густые заросли можжевельника и каких-то высоких тёмно-бурых папоротников, широкой каймой прикрывающих реку. Мы были постоянно настороже. И потому, когда один из высоких кустов на берегу дёрнулся против ветра, мы отреагировали моментально.

Я бросил поводья другу, который остановился на месте и стал готовить к бою арбалет, прыгнул на землю и с ирутом в правой руке пошёл обшаривать подозрительное место. Мне казалось, что по мне скользит чей-то недобрый взгляд, и оттого я двигался очень медленно. Шаг, другой, поворошил папоротник и замер. Снова пара шагов, клинок впереди, опять остановка, и в какой-то момент чувство опасности взвыло во мне, а в душе что-то дёрнулось, будто ударили по туго натянутой струне. Я резко присел, и над головой пронеслась стрела.

Перекатившись, я переместился под куст, который дёргался. Передо мной в бурях папоротниках что-то промелькнуло. Я поднялся и увидел в зарослях крепкого белоголового парня лет семнадцати, со слабым охотничьим луком и парой тупых стрел в руках, которыми хорошо уток или гусей по осени бить, но уж никак не воевать.

– И-и-и-и! – заголосил парень, отбросил лук и стрелы, выхватил из ножен на поясе охотничий нож и кинулся на меня. При этом он выкрикнул фразу, которая спасла ему жизнь: – Умри, проклятый ассир!

Понятно, что нападающий из своих, оствер, а значит, убивать его смысла не было. Я сделал шаг ему навстречу, левой рукой перехватил руку с ножом, на инерции движения выкрутил её и прижал парня к земле:

– Спокойно. Мы не ассир, а остверы. Наёмный отряд, который прибыл в храм. Ты меня понимаешь?

Пыхтение и ворчание местного жителя, носом уткнутого в землю, продолжалось секунд десять, но наконец он сориентировался и просипел:

– Да, понимаю.

– Вот и ладненько. – Я отпустил его и, дождавшись, пока он встанет и отряхнёт свою плотную шерстяную поддёвку из серой собачьей шерсти и рваные широкие брюки, спросил: – Ты кто?

– Бор Богуч из деревни за рекой. – Он махнул куда-то в сторону.

– Здесь что делаешь?

– У жрецов грамоте и наукам всяким учился, ну и помогал им на

пасеке. А сегодня днём ассиры налетели, и давай всех без разбору убивать. Я вижу такое дело, деда Саира разбудил, на плечо его взвалил и сюда, в кусты.

– А Саир – это кто?

– Главный в храме, – уважительно произнёс Бор. – Только древний очень, уже и не ходит почти и дышит с трудом.

– И где он сейчас?

– Метров сто пятьдесят отсюда, возле речки, в самой гуще кустарника. У меня здесь шалаш рыбацкий, он в нём. В книжку свою руками вцепился, что-то бормочет и умирать собирается.

– Веди к нему. Надо его эликсиром целебным напоить. А лучше пусть Саира маг посмотрит и скажет, что ему правильной дать.

– Угу, пошли, – кивнул Бор.

Повернувшись к Альере, который караулил тропу, я выкрикнул:

– Виран, здесь живые! Главный жрец и парень из местных! Старик при смерти, помощь мага нужна, вызови его и полковника сюда!

– Сейчас! – откликнулся Альера. – Жди!

Оставив мою лошадь, Виран развернулся и помчался к храму, а я в сопровождении мальчишки, раздвигая ирутом и свободной рукой густые заросли, направился к шалашу, который можжевельником был надёжно прикрыт от взглядов со стороны тропы.

Через несколько минут я оказался в убежище, которое спасло Бора и жреца. Увидев находящегося в беспамятстве главного местного священнослужителя, высохшего и измождённого седого дедушку, который в одной длинной рубашке из домотканого полотна лежал на суконном одеяле, я подумал о том, что жить ему осталось всего ничего. Книги, про которую говорил паренёк, у старика не было. Но под его одеждой проглядывал ровный плотный квадратик, примерно двадцать на пятнадцать сантиметров, и сердце моё екнуло. Вот он, тот документ, который мне нужен. И тут же появилась подленькая мыслишка, а не забрать ли мне эту книгу себе, а старика и парня придавить по-тихому. Но я сразу же отогнал эту мерзость от себя подальше, пощупал пульс старика, удостоверился, что он ещё жив, и, подумав о том, что второй раз придётся спасти человека в беспамятстве, покинул шалаш.

Парень остался, а я вышел к своей лошади и снял с неё походный рюкзак, из которого собирался достать эликсиры. И в это время со стороны храма, от которого мы с Альерой удалились на полтора километра, раздался взрыв, за ним сразу же ещё один и ещё. Был бы я на Земле, то непременно решил, что миномёты местность причёсывают, а поскольку дело на Кама-

Нию, то совершенно ясно, что в ход пущена магия, и чародеев минимум двое – один отрядный, применяет свой огненный талисман, а второй, наверное, ассир. Раз так, дело плохо. Отряд полковника Плетта схватился с противником, и, учитывая, что ассиры чувствуют себя в этих местах как дома и палят даже храмы, логично предположить, что «Рейдеры» будут вынуждены отступить.

– Ай, как плохо, – автоматически пригнувшись и оглядываясь, прошептал я сам себе.

Схватив примотанные к кустам поводья лошади, я потащил испуганное животное в заросли. Я не знал, что происходит в храме, но понимал, что если противник одолеет наёмников, а так, скорее всего, и случится, то он выйдет на тропу разведку, и лошадь привлечёт к моей скромной персоне и убежищу спасшихся людей внимание. А значит, лучше убрать её подальше в кустарник и не отсвечивать.

– Что там? – испуганно прислушиваясь к сотрясающим окрестности взрывам, спросил Бор.

– Не знаю, может, ассиры.

– И что теперь делать?

– Жреца лечить. Поможешь мне?

– А как?

– Подержишь деда, а я ему в глотку эликсир волюю и не дам выплюнуть.

– Понял.

Процедура вливания целебного эликсира прошла нормально, опыт у меня имелся. А старый жрец, видимо совсем лишённый сил, даже не дёрнулся. Он принял в себя горький алхимический состав и не поморщился, а только чаще задышал. Однако вскоре его дыхание стало ровным, а забытие превратилось в спокойный сон, значит, снадобье начало действовать.

Взрывы в районе храма, которых было около двадцати, тем временем стихли. На помощь ко мне и старику никто не торопился, и я, зарядив арбалет, был готов принять бой. Но в быстро упавшей наземь ночной темноте и проявившемся немного позже призрачном лунном свете тропа вдоль реки была пустынна, и до утра всё было спокойно.

Глава 21

Империя Оствер. Графство Кемет. 21.03.1404

Боевой монстр под номером 27, безмозглое существо, способное лишь выполнять чёткие приказы людей в коричневых мантиях со знаком двух треугольников, соединённых между собой углами, не понимал своих внутренних чувств. Он был сыт, находился в состоянии покоя в своей клетке, ждал указаний, и всё было как всегда. Но вдруг он услышал имя Уркварт и насторожился. Затем до двадцать седьмого донёсся чей-то голос, показавшийся ему смутно знакомым. И неведомая сила подняла его на ноги и бросила на толстые железные прутья, которые он хотел сломать, чтобы вырваться на волю, догнать всадника, голос которого взбудоражил мозг, и порвать этого человека на куски. И он бы сделал это, если бы не служители с парализующими дубинками в руках, которые быстро обездвижили его и на несколько часов лишили всяческих сил.

Наступил полдень. Время кормёжки. Монстр пришёл в себя и смог поесть и попить. Агрессия ушла. И служители с грозными дубинками, видя, что двадцать седьмой ведёт себя спокойно, уже не трогали его. Хотя они взяли существо под особый контроль, а в журнал 3-го дивизиона БМ магической школы «Трансформ» была внесена запись о странной вспышке ярости с его стороны. И по возвращении соединения в место постоянной дислокации монстра ждало полное обследование, разумеется, если ему было суждено выжить в грядущих боях с ассирами.

Мутант в это время, не показывая, что в нём произошла разительная перемена, перекачивал в голове слово «Уркварт». И, цепляясь за него, начал вытаскивать из глубин своей искалеченной энергетикой дальнего мира памяти какие-то воспоминания. Поначалу это были только обрывки и клочки, образы и лица, пейзажи и отдельные поступки какого-то человека. Голова монстра при этом очень сильно болела, но он уже не мог остановиться, крутил и вертел обрывки воспоминаний и пытался сложить из разных фрагментов что-то осознанное. И уже глубокой ночью появилось первое чёткое воспоминание. Он лежал на полу клетки, которая была похожа на ту, в которой он в данный момент находился, а рядом стояли три человека в коричневых мантиях – хозяева. Люди разговаривали, а он с безразличием слушал их и думал только об одном, о побеге.

– Уважаемый Филис Омунд, – говорил один из людей, молодой темноволосый парень, который пристально всматривался в монстра, – где

вы добыли такой превосходный экземпляр?

– Ха! – с самодовольством ухмыльнулся пожилой лысый мужчина с румяным округлым лицом. – Это не секрет, мой дорогой Майнер, на каторге. Представьте себе: иду вдоль толпы каторжников-кандальников, сканирую их амулетом и вижу одно и то же – злобу и страх. И вдруг – ненависть и преданность в едином флаконе, и показатели просто зашкаливают. Ну и конечно же я не мог пройти мимо подобного человека, потому что после преобразования – это гарантированный боевой монстр.

– Понимаю вас, господин Омунд, – в разговор вмешался третий человек, средних лет брюнет с несколько надменным лицом, – ведь это солидная денежная премия. Однако вот что я хотел у вас спросить: может, из этого экземпляра мы попробуем сделать нечто большее, чем простого тупого убийцу с когтями?

– Нет, вряд ли, господин Куоно, – ответил лысый. – Лучшее, как говорится, враг хорошего, а я не желаю рисковать своими деньгами, которые в любом случае получу за ещё одну боевую единицу. Поэтому всё буду делать по старой схеме. Сначала полная очистка памяти и подчинение разума стандартным командам и приказам, а затем перенаправление сильных человеческих чувств на поддержание жизни организма во время трансформации.

– Ну, как знаете, – пожал плечами надменный брюнет. – Когда начнёте?

– Сегодня же. Всё готово, и можно начинать.

– Как интересно! – воскликнул молодой. – Вы разрешите нам присутствовать при вашей работе?

– Да.

– А вы учитываете тот факт, что у этого кандальника имеется магический блок?

– Нет. Очистка памяти смоет всё и сделает мозг будущей боевой единицы девственно чистым.

Это были последние слова людей, и они удалились. А потом пришла пустота, заполнившая мозг, и невообразимая дикая боль, которая скручивала тело двадцать седьмого и убивала его. Но было что-то, что не дало ему умереть в этот момент, какой-то невидимый стержень, поддерживающий в нём жизнь и помогающий пережить преобразование человека в боевого монстра.

«Странно, – удивился двадцать седьмой, – неужели я был человеком? Видимо, да, так и есть. Но раз я был таким же, как и повелители в коричневых мантиях, значит, у меня имелось имя? Наверняка. И как меня

звали?»

Такие мысли бились в голове боевого монстра, боль становилась всё сильнее, и в результате на некоторое время он потерял сознание, а когда очнулся, то опять вернулся в ставшее для него привычным состояние безмятежного покоя и ожидания приказа. Следующий проблеск мысли у него случился через четыре дня, когда 3-й дивизион БМ, следуя за основными силами имперской армии, прибыл к некогда сильной крепости Тайрес в графстве Кемет, которая находилась под контролем войск королевства Ассир.

В тот день главнокомандующий армией великий герцог Эйсо Кайяс, крупный полноватый брюнет в алой мантии, в подзорную трубу оглядел выбитые ворота укрепления и заваленные рвы и подумал о том, что даже наполовину разрушенный Тайрес, в котором закрепилось более двухсот вражеских солдат из разведывательных сотен, не успевших отойти к полкам королевских войск, всё ещё весьма силен и опасен. Применять магию было бессмысленно, в стены крепости были вмурованы артефакты, блокирующие всякое наступательное магическое воздействие в радиусе километра. Гробить солдат в самом начале военной кампании тоже не хотелось. И Кайяс решил отправить на штурм Тайреса, который он намеревался сделать своей ставкой на время ведения боевых действий против ассирийцев, мутантов школы «Трансформ», про которых он слышал много хороших и восторженных отзывов.

Великий герцог отдал приказ, и пятнадцать клеток, которые подкатились к стенам крепости, были открыты. К каждой из них подходили служители, быстро и сноровисто облачающие боевых монстров в доспехи из чёрной бронзы и надевающие им на голову продолговатые толстые каски. Затем мутантами занялся маг, который держал в руках управляющий боевыми единицами кристалл и каждому говорил одни и те же слова:

– Приказ! Войти за стены и убить всех людей! Пленных не брать! По окончании зачистки ждать меня у ворот! Пошёл!

Один за другим нелепые длиннорукие фигуры устремились к крепостным воротам, на которых защитники возвели баррикаду, и двадцать седьмой был одним из первых. Сначала монстр двигался не торопясь, и пару сотен метров, как и все его собратья по дивизиону, преодолел вразвалочку. Но как только со стены в него полетела первая стрела из мощного крепостного станкового арбалета, вот тут-то он и показал всё, что умел.

Щёлк! Щёлк! – длинные когти выскочили из лап, тело без труда увернулось от полуметровой стрелы, и монстр перешёл на бег. Его лёгкие

дышали размеренно, каждый мускул был нацелен только на одно – на выполнение поставленного приказа. Ловкий и сильный мутант постоянно ускорялся, и когда перед ним возникла баррикада, то он, словно не замечая её, взмыл в воздух и мощным прыжком перелетел в крепостной двор. При этом когтями правой лапы он успел провести по черепу ассирийского воина, который снизу вверх смотрел на него и очень медленно пытался достать его копьем.

Оторванная голова ассира упала наземь, а тело ещё немного постояло на баррикаде и рухнуло вслед за ней. Монстр этого уже не видел, он метался от одного противника к другому, словно хищник, бросающийся на жертву, большими прыжками догонял королевских воинов и убивал их без жалости и раздумий. Взмах правой лапой – и с разбитым горлом на камни крепостного двора валится кавалерист в дорогом синем плаще и с палахом в руке. Ещё один взмах, уже левой – и, обливаясь кровью и прижимая ладони рук к лишенному кожи и глаз лицу, рядом с ним падает на колени разведчик в светлосерой горной униформе. Рывок вперёд – ноги боевого монстра ударяют в грудную клетку полного мужчины, который не успел прикрыться щитом, и треск сломанных рёбер вклинился в крики умирающих во дворе людей.

Двадцать седьмой не делал ни одного лишнего движения. Он стал воплощением смерти, его чёрный доспех сливался со стенами, а медлительные люди не успевали даже сосредоточить на нём и его собратьях внимание. И так продолжалось до тех пор, пока в крепостном дворе не взорвалась брошенная со стены боевая энергокапсула. Взрыв сотряс стены и выворотил из земли несколько крупных камней. Под удар попал один из монстров, взрывная волна подхватила его и, словно игрушку, подкинула вверх, а затем припечатала к брусчатке крепостного двора. Треск сломанных позвонков прозвучал негромко, но явственно. Мутант ещё пару секунд пытался подняться, но у него ничего не получилось, и, несколько раз дёрнувшись, он затих, а его глаза потухли.

Гибель одного из ужасных мутантов взбодрила ассирийцев, и они снова попытались оказать сопротивление. Но их было мало, и среди разведчиков, не успевших отойти и попавших в окружение, не было магов, а потому вскоре все погибли. Последнего воина убил двадцать седьмой. Он вскочил на стену, увернулся от дротика и арбалетной стрелы, походя столкнул вниз молодого паренька в короткой кольчуге и не по размеру большом шлеме и на долю секунды замер перед следующим, высоким мужчиной в добротном кавалерийском доспехе с мечом в руке.

– Меня зовут Скир Мануло! – на неплохом остверском выкрикнул

высокий воин и бросился на мутанта.

Боевой монстр встретил его ударом своей длинной лапы в горло, которая, словно змея, метнулась в человека и без труда выдрала его гортань. После этого чисто механического действия к двадцать седьмому вернулся очередной фрагмент памяти и, сжимая в лапе кусок человеческого мяса, он подумал, что давным-давно его тоже называли Скир.

«Точно, – в мозгу зверя, словно молния, промелькнула мысль, – меня звали Скир Пран. – За первой пришла вторая мысль: – И я должен убить Уркварта Ройхо!»

После этого Пран, а не двадцать седьмой, прыжками спустился вниз и рванул к воротам. Остальные боевые монстры 3-го дивизиона, выполнившие приказ, застыли во дворе и не обращали ни на что внимания, а он, уже осознавший себя как личность и частично вспомнивший своё прошлое, хотел вырваться на свободу. Однако в воротах крепости уже стоял маг из «Трансформа» и полтора десятка вооружённых служителей. И, понимая, что сбежать не получится, Скир Пран по прозвищу Ржавый подобно остальным мутантам застыл на месте и изобразил полное равнодушие ко всему, что происходит вокруг него.

«Ничего, – с трудом сдерживая kloкотавшую в нём ярость и желание вцепиться в ненавистного мага в коричневой мантии, который преграждал ему путь на волю, подумал бывший человек, – надо дождаться удобного момента и тогда бежать. И я его обязательно дождусь и выполню своё предназначение».

Старый жрец Саир пришёл в себя перед рассветом. Сначала он еле заметно вздрогнул, затем прокашлялся и, ещё не открыв глаза, провёл рукой по своей одежде – нащупал под ней квадратик книги, и лицо его разгладилось. Я в это время, ещё ночью отослав Бора Богуча к нему домой на разведку, находился рядом и конечно же реакцию Саира заметил.

– Доброе утро, жрец, – сказал я, наблюдая за стариком и одновременно прислушиваясь к звукам на тропе.

Саир резко поднял веки. Его выцветшие от времени глаза посмотрели на моё лицо, затем сосредоточились на полевой горке имперских егерей, на арбалете и ируте и застыли на браслете. После чего он прокашлялся и спросил:

– Ты кто?

– Лейтенант Уркварт Ройхо, наёмный отряд «Рейдеры Плетта», был послан эвакуировать жрецов местного храма в расположение имперской армии.

– А почему ты один?

– Так получилось. – Я пожал плечами. – Основные силы отряда столкнулись с ассирами и были вынуждены отступить, а я с тобой и местным парнем остался, напоил тебя целебным эликсиром и ждал, пока ты проснёшься. Паренёк сейчас к себе в деревню побежал, а на мне обязанность сиделки.

– Только зря ценный припас перевёл. – Саир снова закашлялся. – Мне всё равно не жить, слишком я стар. Внутренних сил организма нет, так что ты отыграл всего три-четыре часа, не больше. Мне не выкарабкаться, я знаю, о чём говорю, сам когда-то военным лекарем был.

– И что ты предлагаешь? Оставить тебя здесь?

– Да. – Старик попытался кивнуть, но у него не получилось.

Он снова закашлялся, а я приподнял его хрупкую тонкую шею левой ладонью и дал напиться из своей фляги. Вода разлилась по подбородку, но немного он всё же проглотил. Закрыв флягу крышкой, я бросил взгляд на тропу и снова посмотрел на старика:

– Нехорошо это – своих бросать, жрец.

– А мы разве свои? – Саир усмехнулся, и его рука вновь легла на квадратик под одеждой. – Не думай, что я глупый провинциальный жрец. Наверняка ваш отряд не спасать нас пришёл, а за древними знаниями.

– Это вспомогательная цель, – отнекиваться я не стал, – а основная всё же – спасение людей.

– Признайся, ты ведь думал о том, чтобы убить меня и забрать книгу, которая на моём теле?

– Думал, но ничего тебе и парню не сделал.

– По чести, значит, живёшь?

– При чём тут честь? Если есть возможность остаться человеком и поступить правильно, то не стоит себя ломать. Передо мной были старик и беззащитный парень, и я мог бы их убить ради достижения своей цели. Но вы не являлись мне врагами, а я нахожусь на имперской территории, где жизнь каждого вольного человека должна цениться. И я знаю, что брать на себя кровь близких мне по языку и духу людей, не причинивших мне зла, было бы отвратительным поступком, за который на том свете пришлось бы ответить.

Старик помолчал, пожевал тонкими сухими губами и сказал:

– Ладно, всё равно я умираю и ты в любом случае получишь, что хочешь, так что таиться смысла нет. И пока я могу разговаривать и снова не впал в забытие, спрашивай, о чём ты хотел узнать. У меня не было детей и нет преемника, а я не хочу уносить древние тайны в мир мёртвых. Должен

остаться хоть кто-то после меня, и ты кандидатура приемлемая. Торопись, воин, времени мало.

Спросить можно было о многом. Однако требовалось узнать самое главное, потому что жрец был прав, ещё двадцать – тридцать минут, и он снова потеряет связь с реальностью. Был бы рядом маг или профессиональный жрец-целитель, он бы напоил Саира своей энергией, и тот смог бы не впадать в беспамятство до самой кончины. Однако я был один и сделал что мог. Значит, вопросы должны быть по существу.

– Что за книга на твоём теле, жрец? – спросил я.

– Описание процесса становления мага-воителя со всеми нюансами и боевыми магическими приёмами.

– Как происходит этот процесс и в чём суть способностей магов-воителей?

– Кхе-кхе! – закашлялся жрец, глубоко вобрал в себя воздух и начал говорить.

Его рассказ длился минут пятнадцать, и из сухого, основанного только на фактах повествования вырисовывалась следующая картина.

В первую сотню лет основания империи Отвер, когда она активно расширялась, Иллир Анхо покорил большинство земель материка Мистир. И здесь, вблизи Маирского хребта, им был обнаружен горный скит, где укрылись последние дворяне из лучших родов Ишими-Бар, которые приняли бой с его войсками. Полсотни бойцов, мужчин и женщин, в пух и прах разгромили один из остверских полков, который был усилен магами. Император лично прибыл посмотреть на крутых воинов и предложил им сдаться. Они ответили отказом. Тогда на приступ скита были посланы десять тысяч солдат и около пятидесяти боевых магов. Бой длился сутки, остверы победили, а все враги погибли. Мертвецов осмотрели и обыскали, на их телах были обнаружены множественные вросшие под кожу боевые и целебные талисманы и амулеты. Естественно, Анхо заинтересовался, какова природа силы этих воинов и как получилось сращивание органики и талисманов из металла и драгоценных камней. Он поручил расследование этого дела своему младшему брату Аглаю, и спустя полгода тот представил правителю всю информацию по принявшим свой последний бой дворянам Ишими-Бар.

Оказалось, что вблизи горного монастыря, в котором молились Доброй Матери Кама-Нио, находился чудесный источник, который имел постоянное соприкосновение с дольным миром. И любой человек с магическими способностями, омывшийся в водах этого геотермального родника, впитывал в себя инородные предметы. Вошёл в одежду – и она

срастается с кожей в единое целое и сама приобретает свойства тела. Вошли два человека – и стали единым существом, химерой о двух головах, четырёх руках и ногах и массой тела в сто шестьдесят килограммов. Уродство? Конечно, да ещё какое. И по большому счёту источник этот был опасен. Но дворяне Ишими-Бар знали способ, как его правильно использовать. Они внедряли в своё тело боевые талисманы и амулеты, и за счёт этого становились быстрыми, сильными и могучими. Правда, имелись случаи страшных мутаций и иные побочные эффекты, но потерявшие родину дворяне хотели подороже продать свои жизни и убить побольше ненавистных остверов и сделали для этого всё, что могли, несмотря на последствия.

Великий император задумался, как использовать такое редкое явление, как чудесный источник. И после ряда экспериментов, во время которых погибло немало людей, а многие стали уродами, было выявлено, что хорошо подготовленные воины с магическими способностями могут вживлять в себя от двух до четырех боевых талисманов. Однако делать этого не следовало, поскольку такие бойцы долго не жили: пять-шесть лет – и всё, наступала смерть. Снова были проведены эксперименты, и выяснилось, что при внедрении в тела подопытных людей камней кмит, используемых для создания особо мощных артефактов, они полностью растворяются в человеке, и внутри тела появляются маленькие полости – капсулы, которые имеют постоянную связь с энергоканалами дольнего мира. И как следствие, словно аккумуляторы, эти капсулы накапливали в себе какое-то определённое количество готовой к применению энергии, которую не надо было очищать от наслоений потустороннего пространства. Человек при этом несколько не страдал физически и при минимальной подготовке мог свободно пользоваться подобной магической дармовой энергией.

После этого возник «Шайгер» и прилегающий к нему храм Ярина Воина, который закупал редкие и очень дорогие камни кмит у заокеанского народа дари. По какой-то причине ни с кем, кроме жрецов бога Ярина, ушастый народ, похожий на эльфов, дела не вёл. Но поскольку первый император являлся верховным священнослужителем государства, то на учёбу кадетов, на их подготовку и сохранение тайны участие в этом проекте жрецов никак не влияло. Преданные императору офицеры готовили молодых воинов, служители культа закупали кмиты – затвердевшую смолу каких-то деревьев, а кадеты грезил о подвигах и очень слабо понимали, к чему их готовят.

Со временем появился ценнейший опыт обращения с источником.

Использование чистой энергетики, которая при извлечении из капсул быстро рассеивалась, отошло на второй план, и маги-воители разработали свои собственные приёмы, и процесс единения кмитов и человека проходил уже с предварительной подготовкой. Сначала камни становились полноценными талисманами, в каждый из которых вливался слепок уже готового заклинания. А только затем они соединялись с воином. Так что когда воитель высвобождал энергию одной из своих внутренних энергокапсул, то использовал уже не просто чистую силу, а специализированное мощное заклинание, и таким образом, не изучая магию и не коверкая свою человеческую суть общением с дольным миром, он мог её использовать. В правой руке – меч, а левая, без всякой дополнительной подготовки, швыряет в противника магические заклинания. Круто!

В общих чертах такие вот дела, если объяснять всё просто. Ну а сложности ни мне, ни умирающему жрецу были не нужны.

Старик прервался и вновь закашлялся. Я опять его напоил и продолжил свои расспросы:

– Значит, количество магов-воителей обусловлено не силой и подготовкой кадетов, а кмитами, которые имелись в запасе?

– Да, – согласился Саир. – Практически любой, у кого есть способности к магии и работе с энергетиками дольного мира – а это почти все дворяне из старых имперских родов, – может принять в себя кмит и, не тратя годы на обучение в Академии магии, научиться использовать чародейскую силу. Поэтому в «Шайгер» набиралось так мало учеников, а выпускалось столько, сколько жрецы Ярина Воина могли закупить камней. Но если сначала дари продавали кмиты сотнями, то с каждым годом объём продаж падал, а цена каждого камня возрастала. А потом погиб Иллир, его преемники не понимали всей сути источника, и уже третий император после великого властителя ничего о нём не знал. Эта информация, которая и раньше-то была секретной, стала достоянием всего нескольких человек и самих выпускников «Шайгера».

– Всё ясно. Но скажи мне, Саир, почему в таком случае вы хранили сведения об источнике столько лет и никому их не предоставили или не продали?

– Не хранили, а хранил. После гибели магов-воителей всегда был только один человек, который знал истинную подоплёку событий, это кто-то из жрецов местного храма. Только он ведал, где находится источник и хранится запас уже заклятых кмитов, которые можно использовать. И не раз у меня возникал соблазн продать свои знания или один из камней и

жить на эти деньги долго и счастливо. Но я поклялся прошлому жрецу, который посвятил меня в тайну, что дождусь посланца, а если нет, то передам знания следующему служителю Ярина Воина.

– Что за посланец?

– Последний маг-воитель сказал, что в случае его гибели и смерти императора рано или поздно, но обязательно придёт человек, который назовёт кодовое слово и получит доступ к источнику, книге и последним кмитам.

– И что это за слово?

– Сейчас уже не важно. – Старик сильно поморщился. – Моя смерть близка, я уже вижу её бледный лик и понимаю, что никто не придёт. Сотни лет мы ждали, а посланца так и не было.

– А сам почему не захотел в источник окунуться и камень в себя вживить?

– Способности слабые, да и здоровье не то. Все хранители были одинокими стариками, которые жили только молитвами и не могли принять в себя кмиты.

Неожиданно жрец задёргался всем телом, и из уголка его дряблого рта пошла пена, а я, понимая, что он умирает, встряхнул его и спросил:

– Где источник и камни? Как мне их найти?

– Бор знает, – захлёбываясь, прохрипел Саир. – Камни под ногами Кама-Нио. Прощай...

Захрипев, главный жрец ещё раз сильно дёрнулся всем телом и затих. Навсегда.

Я закрыл веки старика. Затем приподнял его рубаху и вытащил из-под неё старую потрёпанную книгу в некогда красной обложке из воловьей кожи. В ней было листов пятьдесят, не больше, и, как бы мне ни хотелось прямо сейчас начать её изучение, были иные, более важные дела, наипервейшее из которых – похороны старика. Потом надо дождаться Бора, который проводит меня к источнику. И только тогда можно будет посмотреть на кмиты и чудесный родник, почитать книгу и подумать над тем, стоит ли становиться магом-воителем и не повлечёт ли это за собой беду.

Выйдя из шалаша, я посмотрел на восходящее солнце, удостоверился, что вокруг по-прежнему тихо, и кинжалами начал срезать травяной покров и папоротники вблизи последнего пристанища бывшего военного лекаря и главного жреца храма Ярина деда Саира. Работа была тяжёлая, корневища можжевельника пронизали всё вокруг, а тут ещё и камни, которые во время весеннего паводка каждый год выкидывало на берег бурное речное течение.

Однако за полтора часа я выкопал вполне приемлемую ямку, вытащил тело Саира из шалаша, закутал его в одеяло и похоронил. Небольшой холмик вновь покрыл дерном, а лишние камни и землю бросил в воду. Вроде бы всё, что мог, я сделал, совесть моя чиста, и оставалось только дожидаться парнишку Бора.

Час проходил за часом. Солнце перевалило за полдень, и, когда я уже начал переживать, Бор появился. Я увидел его белую голову среди папоротников за пятьдесят метров, и вскоре он заполз в убежище. Взгляд у парня был испуганный и затравленный, но он держал себя в руках, известие о смерти жреца воспринял как-то безучастно, и я спросил его:

– Рассказывай, что видел?

Парень тяжело и протяжно вздохнул:

– Нет моей деревни больше. Сожгли её. Люди наши сбежать успели, а от домов и амбаров только головешки остались. Беда! Теперь всем плохо будет.

– Это понятно, – сказал я и, кивнув на еле заметный холмик, добавил:

– Жрец сказал, что ты знаешь дорогу к источнику.

– Источников вокруг много, не меньше трёх десятков. Какой именно интересует?

– Тот, где статуя.

– А-а-а, – протянул парень, – странное место, знаю, где оно, вместе с дедом Саиром туда полтора года назад ходили.

– Проведёшь к нему?

– Можно. – Парень мотнул растрёпанной головой. – Но нехорошее это место, там всякая чертовщина грезится и с людьми не пойми что творится. Так что отведу, но сам там не останусь.

– А далеко оно?

– Сутки хода в гору, пешком. На лошади туда не попасть, склоны сильно крутые.

Через полчаса, отпустив на волю рассédланную исанийскую полукровку, я взвалил на себя рюкзак и вместе с Бором пересёк тропу между храмом и пасекой, вышел на открытое луговое пространство и двинулся в гору. И только я подумал о том, что пока всё идёт неплохо, как позади нас на тропе появились три всадника, которые сначала увидели мою лошадь, мирно пасущуюся на небольшой полянке между папоротников, справа от себя, а потом кинули взгляд влево и засекли нас.

– Бежим! – вскрикнул парень и дёрнулся.

Но я понимал, что до ближайших зарослей с полкилометра, нам двоим от конных не сбежать, и придержал его. После чего скинул на Бора рюкзак

и лишь тогда подтолкнул его в сторону горы, а сам, схватив арбалет, бросился навстречу ассирам, крепким мужикам лет под тридцать в тёмно-зелёных плащах, вооружённых пиками и саблями.

Нас разделяло немногим больше ста метров, и, пробежав около трети дистанции, на миг обернувшись и удостоверившись в том, что Бор изо всех сил спешит к зарослям, я присел на левое колено, поймал в прицел передового противника и, на долю секунды задержав дыхание, выстрелил в него. Тяжёлая короткая стрела впилась в грудь ассирского воина, и он скатился с седла. Арбалет был пока бесполезен и, выхватив верный ирут, я приготовился к продолжению боя. И хотя понятно, что пешему против конных, да ещё с пиками, драться несподручно, я был уверен в том, что моя подготовка лучше, чем у врагов, а значит, одолеть их реально.

Издав яростный клич, один из двух оставшихся всадников стременими ударил свою приземистую лошадку по взмыленным бокам и, выставив перед собой пику, вырвался вперёд и понёсся на меня. По внешнему виду он был неплохим воякой, а я не производил впечатления грозного соперника, и ассир в себе не сомневался. И это было хорошо. Если бы всадники насели вдвоём и действовали одновременно, мне пришлось бы туго. А так для меня главное – не потерять самообладания, не побежать и не струсить. Это сложно – спешенному выдержать вид несущейся на него лошади и человека с копьём, но мне подобное испытание по плечу и по возможностям. Пользуясь горячностью врага, я дождался, пока он приблизится вплотную. А затем, перед самым его ударом, резко отступил вправо, развернулся на девяносто градусов, и мой клинок, сверху вниз, диагональным ударом прошёлся по его бедру.

Теперь по-любому всадник истечёт кровью, он уже не боец. Но оставался последний вражеский воин, и тот, видимо, был более опытным и осторожным, чем предыдущие два. Он не торопился нападать, кружил вокруг, отсекал меня от спасительного кустарника и примеривался, как бы изловчиться и ударить, пусть не убить, но ранить. Несколько раз при этом он пытался наехать на меня лошадью, но мне удавалось отскочить.

Однако долго эта игра в кошки-мышки продолжаться не могла. Раненный в бедро ассир, который выл от боли в ноге и истекал кровью, помчался в сторону разрушенного храма, наверное за подмогой. Нужно было срочно что-то предпринять. И, дождавшись, пока опытный вражеский вояка вновь попытается меня задавить, я вынул из ножен один из своих кинжалов – неплохо сбалансированный и утяжелённый на острие клинок, и метнул его не в воина, а в животное. Кинжал просвистел в воздухе, вонзился лошади прямо в левый глаз, и она, резко подкинув круп, упала в

траву, а её выпавший из седла всадник свалился рядом.

Путь к спасению был открыт. Времени в запасе было всего несколько минут, и их надо было использовать для бегства. Походя ирутом я перерезал глотку врагу, вынул свой кинжал из глазницы лошади, подобрал арбалет и помчался туда, где в последний раз заметил фигуру моего проводника.

Глава 22

Империя Оствер. Графство Кемет. 22.03.1404—24.03.1404

Местный парень Бор Богуч довёл меня до заветного места, в которое я так стремился попасть. Сутки практически без отдыха мы карабкались на крутой хребет, где не было никаких поселений и диких животных. Не делая длительных привалов, лесными чащобами, продираясь через буреломы, мы добрались до небольшой зелёной долины. И сверху, с не очень высокой горки, где обнаружился фундамент древнего скита, разрушенного имперскими войсками, с расстояния в пару километров долина, в которой находился чудесный источник, казалась очень тихим и уютным местом. Слишком тихим и слишком уютным, как я сразу для себя отметил. Потому что вокруг даже птиц не было слышно, и, насколько хватало взгляда, я не обнаружил ни одной тропки или следа дикого зверя, хотя местность вокруг была благодатная, пейзаж дивный, вокруг росло превеликое множество самых разных трав, а кустарники ломились от ещё прошлогодних ягод.

Проводник посмотрел на долину и сказал, что привёл меня куда обещал, и дальше он не пойдёт. Я не спорил, парень своё дело сделал, и дальше у меня в нём нужды не было. Так что, узнав у Бора, где можно найти местных жителей, бежавших от ассирийцев, и предупредив о том, что язык надо держать за зубами и лишнего болтать не стоит, я подкинул на плечо свой не очень тяжёлый рюкзак и начал спуск вниз.

Вначале вокруг меня были всё те же дебри, колючий кустарник, можжевельник и огромные необхватные грабы. Но вскоре я вышел на широкую каменную пешеходную дорожку, которая, как ни странно, выглядела так, словно ровные тёсанные плиты положили на скальный грунт не далее как полгода назад. И чем дальше я продвигался, тем более глухой и непробиваемой становилась тишина, и появилось ощущение, словно я попал в место, где нет течения времени. Я этому явлению значения старался не придавать, продолжил путь и спустя час вышел к источнику, по виду самому обычному геотермальному горному роднику, больше напоминающему маленькое озеро, двенадцать на десять метров, из которого, что опять же странно, не было выхода воды. И в глаза сразу же бросалось то, что некогда здесь обитали люди, которые вложили в облагораживание этой долины немало сил и средств. Декоративная травка вокруг, которую продавали в больших имперских городах, была словно подстрижена газонокосилкой под одну высоту. Дорожка под моими ногами

раздваивалась и огибала родник по периметру, и, следуя по ней, можно было выйти на небольшую площадку с каменным заборчиком, которая нависала над источником. И здесь, в окружении двух широких полукруглых скамеек из красного мрамора, стояла высокая шестиметровая статуя из серого гранита, изображающая опечаленную женщину в балахоне, на глазах которой застыли крупные и ясно видимые полупрозрачные слёзы. А дальше, справа и слева от неё, виднелись белоснежные летние беседки с колоннами в греческом стиле. Кто или что следило за сохранностью всего окрестного великолепия, было неясно. Но если эта долина через свой источник соприкасалась с миром мёртвых, то интересоваться странностями было бессмысленно, так как ответа не получишь.

В целом впечатления от всего увиденного были не самые лучшие, словно в склеп попал, где есть свежие цветы и виден постоянный уход за местом упокоения человека, но всё равно это могильник, в котором находиться долгое время неприятно и опасно. При этом мой нос иногда улавливал еле заметные запахи тлена и распада, а глаза, самым краешком, если резко разворачиваться на месте, всё время улавливали непонятное дрожание воздуха и какие-то сумрачные тени. И это являлось верным признаком того, что вокруг меня гуляют духи умерших людей, и, опять же, учитывая, что волшебный источник был проходом в дольний мир, в этом не было ничего удивительного. Хотя я знал, что опасности для меня нет, было немного жутковато.

Я начал осваиваться на месте и, понимая, что придётся находиться вблизи источника минимум пару дней, провёл ревизию того, что у меня имелось. Одежда и рюкзак, пара литров воды, которую следовало экономить, чтобы не пить из чудесного и оттого непредсказуемого родника, арбалет и девятнадцать болтов, два кинжала, ирут и корт, спальный мешок, кружка, пакет с листьями для заваривания чая и немного продуктов: чёрствы́е лепёшки, вяленое мясо и сыр. Негусто, но могло быть и хуже, и продержаться на имеющихся припасах пару-тройку дней для меня было не сложно.

После этого за полчаса я обошёл окрестности и вернулся к источнику, осмотрел ноги статуи и, особо не раздумывая, под каждой её ногой, со стороны спины, кинжалом поддел по одной плите. Попыхтеть, конечно, пришлось изрядно, камни глубоко вросли в грунт. Однако за неполный час я справился и обнаружил небольшой тайник, в котором лежала деревянная резная шкатулка, по виду, как и всё вокруг, в очень хорошем состоянии, хотя она пролежала под землёй сотни лет. Замка на шкатулке не было, и, открыв её, на внутренней обивке из чёрного бархата я увидел шесть

небольших камней разного цвета: жёлтый, красный, синий, светло-голубой, чёрный и зелёный. Какие свойства имел тот или иной кмит, я пока не знал, нужна была информация. И, присев на нагретую солнцем скамью вблизи статуи, я взялся за книгу, оставшуюся мне в наследство от жреца Саира, да покоится с миром этот добрый человек.

Потёртая книжица в моих руках. Левая ладонь погладила кожаную обложку, и, не торопясь открывать её, я задумался о том, что будет со мной дальше. Вроде бы всё понятно. Необходимо получить знания и способности выпускников «Шайгера», окунуться в источник, впитать в себя кмиты и освоить работу с ними. Но что потом? Для моих кураторов из Тайной стражи великого герцога Канима и «Имперского союза» я прозрачен как стекло. Они знают меня от и до, со всеми моими плюсами и минусами, и эти люди в курсе того, что я не маг. И значит, применять заклинания магов-воителей я смогу только втайне от всех. По крайней мере, до той поры, пока граф Ройхо не станет сильным и независимым. А если меня всё же вскроют, то придётся выкручиваться, лгать и ссылаться на то, что в том или ином случае я использовал свитки, руны, амулеты, зачатое оружие или эликсиры. Но это, конечно, отвлечёт от меня внимание лишь на время и может сработать один-два раза, не больше. А потом всё равно придётся смазывать пятки салом и драть, так что лучше вообще не светиться и все свои дела обделывать тихо, без свидетелей и излишнего шума.

Вот и получается, что сила у меня будет, и освоиться с её применением можно. В этом я уверен. А вот использовать способности – дело совершенно другое. Хотя можно сдать информацию о кмитах и чудесном источнике тому же самому барону Каиру. Однако что мне это даст? Можно представить себе реакцию Жала Канимв. Приходит к нему молодой граф Ройхо и говорит: так, мол, и так, уважаемый начальник Тайной стражи, я теперь маг-воитель, и передаёт барону книгу жрецов и пару оставшихся после купания в источнике ценных камней. Как он поступит? Точно сказать нельзя, ибо мы не слишком хорошо знакомы. Но, учитывая, что он прагматик и занимает при дворе Канимв весьма хитрую должность, барон должен приказать своим людям и магам схватить новоявленного мага-воителя, с пристрастием его расспросить и провести над ним исследования, которые вполне могут закончиться моей гибелью.

Конечно, я буду сопротивляться и, орудуя мечом и заклинаниями, которые будут в моих внутренних энергокапсулах, кого-то даже уничтожу. Однако система есть система, против неё одиночке или небольшой группе людей, даже очень хороших бойцов, не выстоять. Пример последних

воинов из «Шайгера» налицо. Все они погибли, их императора убили, и результата нет. Так и меня, если стану играть по чужим правилам, то толпой завалят и получают от моего измученного пытками тела всё, что угодно. Поэтому раскрываться перед кем бы то ни было не стоит. Осторожность прежде всего, и до того, как что-то сказать или сделать, надо чаще думать головой, а не иными местами, которые ориентируются на чувства.

И что дальше? Из всего вышеизложенного возникают новые резонные вопросы. А может, ну их к чертям собачьим, эти камни кмиты и способности мага? Я воин, пути мои по жизни более или менее определены, так чего суесться и ради дополнительных способностей становиться мишенью для многих охотников и искателей древних секретов? Как бы и не стоит с этим связываться, однако бонусы слишком велики, и отказаться от них сейчас лично для меня, наверное, уже невозможно.

– Да пошли вы все! – разрывая гнетущую мертвенную тишину, царящую вблизи источника, сказал я. – «Имперский союз», барон Каир и прочие! Я сам себе голова. Мне повезло, и я получил то, чего нет у вас. И пока я ещё не засветился. Вот прижмёте меня к стенке фактами, тогда другое дело, а пока никому ничего я отдавать не собираюсь. А то знаем мы, как оно бывает. Принесу вам информацию и кмиты, а вы мне сотню монет в качестве премии кинете – и гуляй, парень. В итоге магом-воителем станет кто-то другой, наверное, приближённый к вам человек, а я в стороне? Э-э-э нет, раз уж выпало мне наследовать древним имперцам, то так тому и быть.

Этими словами я сам себе отрезал пути к отступлению. Жизнь продолжается, и одновременная служба на две организации будет идти своим чередом. А способности, которые я получу, при мне будут. Обнаружить их при современном упадке магического искусства практически невозможно, а выпячивать свои будущие новые умения я не собираюсь. Всё решено.

Я открыл книгу, углубился в чтение и за этим занятием провёл несколько часов. Когда она была прочитана от корки и до корки, я начал приготовление позднего ужина. Нашёл сухие кусты на окраине долины и наломал хвороста. Затем возле одной из беседок разжёг костер и вскоре, оказавшись в настороженной ночной тьме, которая обступила меня со всех сторон, не обращая внимания на рваные тени, скользящие вокруг светового кольца, глядя только на пламя огня, я приступил к анализу полученных из книги сведений.

Итак, что имеется? Знания, источник и готовые к употреблению

чертовски дорогие кмиты, последняя поставка от народа дари жрецам Ярина Воина. Завтра надо войти в источник и взять с собой четыре камня, больше нельзя. Они имплантируются в моё тело, растворятся в нём, и под кожей, в районе сердца, вокруг него, появятся энергетические полости, если верить книге, около пяти миллиметров в диаметре каждая. Подзарядка одного такого магического аккумулятора будет происходить в течение двух-трёх часов, а затем, с ростом моего опыта, само собой, быстрее. Применение заклинания будет производиться направленным усилием, желательно, но не обязательно через любую свободную руку, видимо, такова настройка кмитов для магов-воителей.

В общем-то всё просто и понятно, никаких ловушек я не обнаружил, в древней книге сказано, что кмит гарантированно не навредит здоровью и не уменьшит срок жизни, как это было в случае применения иных артефактов и амулетов. Это хорошо, и к проведению обряда, как физически, так и морально, я готов. Но есть один вопрос, с которым надо определиться прямо сейчас. Камней шесть, а использовать я смогу только четыре, самый максимум. Какие из них, дополняя друг друга, будут наилучшим вариантом? Надо подумать и, исходя из прочитанной книжной премудрости, сделать выбор.

Камни имеют разную расцветку, и это маркировка заклинания, слепок которого отпечатан в каждом кмите. Всего в арсенале выпускников «Шайгера» было до сорока самых разных слепков, но у меня только шесть. Зелёный – «Полное восстановление», почти мгновенная регенерация организма носителя. Жёлтый – «Палящий луч», своего рода местный лазер, прожигающий практически любую преграду на своём пути с дистанции в двадцать – тридцать метров в течение от десяти до сорока секунд – дальность действия и время применения зависят от опыта и навыков мага-воителя. Красный – «Огнешар», стандартное заклятие, позволяющее кидать в противников концентрированные сгустки огня. Синий – «Плющ», душитель, который невидимыми глазу энергетическими плётками хватает тела находящихся вокруг врагов за горло и этим убивает их. Светлоголубой – «Иглы света», защита от всякой нечисти и злокозненных порождений дольного пространства, которые оказались в реальном мире, начиная от обычных диких мертвецов и заканчивая вампирами и призраками мщениа. Как следует из названия, данное заклятие даёт чистый, так называемый истинный свет. Ну и последний камень, чёрный – «Чёрная петля», которая, словно большим арканом, накрывает некоторое пространство, от десяти до полусотни квадратных метров, быстро стягивается к невидимому центру и уничтожает всяческую органику.

Такие вот необыкновенные камушки оказались у меня в руках, и они уничтожат всякого человека или нелюдь, которые не имеют очень сильного охранного оберега или иной какой солидной защиты. Прикинув, что и как может сложиться в моей дальнейшей жизни, я сделал выбор. «Полное восстановление» в любом случае пригодится. «Чёрная петля», как небольшое оружие массового поражения, тоже. «Иглы света» – однозначно. А вот насчёт остальных камней я немного посомневался и остановился на «Плюще».

Другие два кмита, «Огнешар» и «Палящий луч», будут перепрятаны до лучших времен. Пусть лежат в долине. Такие камушки абы кому не продашь, сразу привлечёшь к себе нездоровое внимание со стороны мнимых друзей-покровителей и врагов, а в укромном месте они есть не просят. И если кмиты сотни лет пролежали в шкатулке, то и ещё столько же времени спокойно в ней сохранятся...

Ночь прошла без происшествий. Меня никто не тревожил, и я не суетился. Источник – место такое, что окрестные крестьяне сюда не ходят, боятся. И надо сказать, правильно делают, ибо без серьёзных охранных амулетов, вроде моего браслета, бродить здесь нечего. А что касается меня, то я под надёжной защитой, и дело здесь не только в староимперском фамильном амулете с руной «Справедливость», но и в том, что в моих жилах течёт кровь древнего рода Ройхо, духи которого приняли меня за своего. Соответственно, другие жители дольного мира, гуляющие по этой очень уж тихой долине, знают об этом и понимают, что я не их очередная жертва, которая может поделиться с ними малой толикой своей жизненной силы, до которой они так охочи.

Наступил рассвет. Из-за горы выглянуло светило. И, ещё раз сверившись с книгой, без всякого промедления и сомнений, взяв из шкатулки четыре кмита, я направился к источнику. На берегу на секунду застыл, окинул взглядом ровную зеркальную водную гладь, на которой не было ни листика, ни соринки, затем разделся, снял браслет и, держа камни над головой, вошёл в прохладную и немного вязкую воду, в которой наверняка имелось большое количество примесей из растворенных горных минералов и солей. Дно под ногами было слегка шершавое, каменистое и с уклоном к центру. Пока всё было нормально, и, взглянув на статую Кама-Нио над моей головой, я мысленно пожелал себе удачи и начал движение на середину этого крохотного озера.

Ноги несли меня к центру водоёма, где и должно было произойти моё единение с кмитами. И, проталкивая своё тело сквозь вязкую жидкость, которая становилась с каждым шагом теплее, я всё глубже погружался в

неё. Сначала вода доходила мне до колен, затем до пояса, груди, и вдруг я ухнул в яму, меня накрыло с головой. И в этот момент я выпустил кмиты из ладоней. Вокруг меня появился водоворот, и я всё глубже уходил под воду. Но страха не было, а появилось какое-то непонятное спокойствие и умиротворение. Тело стало лёгким и пластичным, в голове не было ни единой мысли, и на непродолжительное время, минуточку-полторы, я утратил над всем происходящим контроль и превратился в простого наблюдателя.

И так продолжалось до тех пор, пока в районе сердца я не почувствовал какое-то шевеление и зуд. Моя голова при этом сильно закружилась, и я вновь стал ощущать своё тело, руки, ноги и пальцы. После чего, неосознанно, я постарался вырваться из водного плена. Руки загребли под себя вязкую жидкость, моя голова оказалась на поверхности, и я смог полной грудью вдохнуть воздух. Головокружение моментально прекратилось, и ко мне вновь вернулось спокойствие. Я лёг на спину и, больше не опускаясь, сфокусировал взгляд сначала на безмятежной синеве небес, а затем на лице статуи. Кама-Нио смотрела на меня, на губах у неё была добрая улыбка, а слёзы на глазах отсутствовали.

«Всё прошло как надо, быстро и без затей», – подумал я в этот миг, сделал пару гребков руками и упёрся в берег. Цель купания была достигнута. Я встал, вышел на сушу и прислушался к своим внутренним ощущениям.

Сначала ничего странного я не заметил, всё как всегда. Но вскоре я почувствовал в себе лёгкий холодок и четыре крохотные полости вокруг сердца, которые бились внутри меня вместе с его ритмом. Пока они были пустые, но я знал, что вскоре энергокапсулы наполнятся очищенной силой иного, нематериального пространства, и я стану настоящим магом-воителем, неопытным и зелёным, конечно, но пока это особой роли не играет. Главное, что я единственный в своём роде человек, не изменённый дольним миром маг, который хоть и не знает истинную природу кмитов и всех своих способностей, но может и готов их использовать. Волнует ли меня это? Нисколько, так как не обязательно знать состав тротила, чтобы прилепить к нему детонатор и устроить взрыв. Или, как сказал в своё время господин Эйнштейн, стыривший эту фразу у кого-то из земных древних: «Я не такой дурак, чтобы запоминать все формулы. И если они мне нужны, то я возьму справочник и сверюсь с ним». Вот так и я, будучи на Земле, пользовался компьютером, но не знал и знать не хотел, как работает микропроцессор. Так что подобная ситуация и здесь: знание – это одно, а использование и применение – совершенно другое.

Вновь распалив костерок, я обсох, оделся, с аппетитом поел и поспал.

А проснувшись, опять прислушался к своим внутренним ощущениям. Энергокапсулы находились на месте и никуда не исчезли, и я чувствовал, что они были заполнены. Раз так, можно попробовать разрядить их, то есть использовать. Но как провести тренинг в месте, где нет ничего живого? Душить некого и чёрную петлю накидывать бессмысленно, потому что здесь даже кузнечиков нет. Правда, можно применить «Иглы света», которые окрестных духов спугнут, а возможно даже уничтожат. Однако делать этого не стоило, ибо данный поступок мог повлечь за собой нехорошие последствия. Оставалось последнее заклятие – «Полное восстановление», его можно было применить прямо сейчас, и, хотя я не болен и не ранен, это не так уж и важно, использование требовалось для тренировки.

Я стал действовать так, как было написано в инструкции, то есть в книге жреца Сайра. Сознанием, мысленно потянулся к энергокапсуле, от которой шла теплота, и представил, что прикасаюсь к ней ладонью. Тут же полость вскрылась, и в виртуальной руке оказался зелёный клубок из порошка, который моя ладонь рассыпала по всему телу. Через пару секунд меня сильно встряхнуло и передёрнуло, и мой организм получил большой заряд бодрости и сил, настолько мощный, что захотелось вскочить с места и пуститься в пляс, ну или сделать пробежку на десять километров.

«Серьёзная штука, – с трудом, удержавшись от резких движений, решил я в тот момент, – с такой не пропадёшь. Чуть подранили или вымотался до крайней степени, заряд использовал – и восстановился. Весьма полезный бонус, и только ради него одного можно было пойти на риск вступить в конфликт с сильными мира сего, желающими получить секреты магов-воителей».

На этом, как таковое, моё пребывание в долине с чудесным источником завершилось. Делать здесь больше было нечего, всё, что хотел, я получил, и меня вновь звал к себе большой мир. Поэтому, найдя приметное местечко – большой серый валун в полусотне метров от статуи Кама-Нио, я сделал под ним тайник, закопал в ямке обернутую куском холстины книгу Саира и шкатулку с парой непригодившихся кмитов и стал собираться в дорогу. Впереди было возвращение к отряду, который после провала своей миссии наверняка должен был оторваться от противника и отправиться на соединение с основными частями имперской армии. А затем мой путь лежал в славный город Йонар, где меня ждали неизбежная встреча с бароном Анатом Каиром и новое задание от «Имперского союза».

Я поднялся. Ещё раз оглядел тихое сакральное место, в которое меня завели судьба и поиски древних тайн, периферийным зрением вновь

отметил движение духов и улыбнулся. Жизнь долины шла по своим законам, и я в ней, как и все живые люди, был всего лишь временным гостем, которого хоть и не гнали, но и не привечали.

Напоследок, в который уже раз за время моего нахождения в этом странном месте, я посмотрел на статую богини. Лицо её вновь было печальным, а глаза наполнились слезами. Но я знал, что она не всегда бывает такой, скорбящей и горестной. Я помнил её улыбку и добрый лучистый взгляд, словно благословляющий меня и понимающий каждую мою мысль. И, уважительно поклонившись в сторону статуи, я отвернулся от неё. После чего, постоянно соприкасаясь сознанием с заряженными энергокапсулами в моём теле, по пешеходной дорожке двинулся в сторону древнего монастыря на взгорке.

Глава 23

Империя Оствер. Графство Кемет. 26.03.1404

Большинство крестьян в Кемете должны быть свободными людьми. Именно так ещё более семисот лет назад решил один из первых правителей этого феодального владения граф Архан Кемет, который прекрасно понимал, что его земли – это имперское пограничье, и только вольные граждане в случае вторжения со стороны Ассира будут хранить ему верность и драться под его флагом. И время показало, что он был прав.

Крестьяне пограничья всегда были надёжным графским резервом. Они знали толк в партизанской войне, и каждый мужчина умел держать в руке меч и стрелять из лука или арбалета. И когда старые враги, ассиры, переходили рубеж и сбивали слабые воинские формирования пограничников с укреплённых позиций, а затем волнами растекались по землям графства, сельские жители не ждали приказов сверху, а делали то же самое, что их деды и прадеды. Женщины уходили в ущелья и теснины Маирских гор, а мужчины, многие из которых были имперскими ветеранами, бойцами графских полков и отдельных пограничных батальонов, сбивались в охотничьи отряды и наносили по ассирам злые и стремительные удары. Как правило, их целями становились командиры и обозы королевских войск, гонцы и мелкие разведывательные группы, пытающиеся добраться до горных схронов и крестьянских жён, которых можно было продать в рабство. И такую малую войну кеметцы вели до тех пор, пока враг не умывался кровью и его не изгоняли прочь с имперских земель.

Эта война начиналась так же, как и все предыдущие. Ассиры перешли границу и стали развивать своё наступление в сторону Маирских гор. Пограничники держали врага сколько могли и, по возможности, отходили. Феодалы собирали в кулак свои силы. Из глубины империи, из самого её сердца, с материков Эранга и Анвер через телепорты перебрасывались многотысячные резервы. А крестьяне уходили в горы. Однако в этот раз королевские генералы действовали иначе и к войне готовились настолько серьёзно, как никогда ранее, а тактика подчинённых им войск, по сравнению с прошлыми военными кампаниями, изменилась кардинально.

Во-первых, с ходу пала столица нынешнего графа Кемета и две прикрывающие её сильные крепости. Причиной скорого падения этих серьёзных твердынь послужили предатели, люди, в верности которых все

вокруг были уверены. Долгое время, начиная свой путь с рядовых должностей, агенты ассирской разведки служили империи Оствер и дому Кеметов, заслужили чины и звания, а самое главное – огромное доверие. И когда пришёл час, коменданты крепостей Усмунд и Обергам впустили за стены королевских диверсантов, а главный интендант Кемета при поддержке сотни наёмников блокировал открытые ворота города, и в него вломились штурмовики и маги противника.

Во-вторых, ассирцы имели полнейшую и самую достоверную информацию о дислокации и силах имперских войск и очень подробные карты графства. Это дало им определённые преимущества, и они воспользовались ими в полной мере. Королевские конные полки обходили оборонительные участки и избегали многочисленных ловушек на границе. А егеря ассиров, используя секретные пароли, обманом проникали в форты, остроги и укрепайоны, вырезали гарнизоны и атаковали не ждущих немедленного удара пограничников, которые находились на своих лесных базах. Это был погром, и его последствия не замедлили сказаться. Враг вышел на оперативный простор, и уже на вторые-третьи сутки, преодолев расстояние в сто пятьдесят километров, достиг Маирского хребта и начал занимать основные перевалы.

В-третьих, королевские воины проявляли неслыханную жестокость и не брали пленных. Мирные жители и попавшие в полон раненые имперские солдаты уничтожались без всякой жалости. Деревни и храмы подвергались разграблению и сжигались. Детей топтали конями, женщин насиловали и распинали на стенах домов, а не успевшим уйти в горы и леса мужчинам отрезали гениталии и сажали их на кол. Много мерзких и подлых поступков, список которых был огромен, совершалось в самом начале новой войны. И по факту выходило так, что первопричина всему – психологическая накачка ассиров. Десятки лет королевских воинов и рядовых граждан воспитывали в духе того, что империя Оствер есть зло, которое необходимо искоренить, и результат сказался. Солдаты, наёмники и даже ополченцы из вспомогательных подразделений королевской армии вели себя словно звери...

Обо всём этом я узнал в горном убежище окрестных жителей, которое находилось в районе холодного и неприветливого Серного ущелья. Про это место мне рассказал Бор Богуч. И после того как я покинул источник, в котором принял единение с кмитами, мне предстояло определиться с тем, каким образом лучше и проще всего добраться до имперских войск и «Рейдеров Плетта». Вариантов было всего два. Первый – спуститься на равнину и самостоятельно пробираться на юг. И наверное, именно так я и

поступил бы, если бы знал обстановку в графстве Кемет и имел карты местности. Но поскольку я человек не здешний и, что вокруг меня происходит, представлял смутно, то пришлось думать о варианте номер два – выйти к прячущимся в горах крестьянам, которые от Бора наверняка уже знали обо мне, собрать в их временном поселении сведения о том, что творится внизу, и только тогда всерьёз подумать, как выбраться из этих мест.

Решение было принято, и, спускаясь с хребта на восток или северо-восток, я направился к спасительному для крестьян месту. Шёл не очень долго, около пятнадцати часов с одним хорошим привалом, и вскоре оказался перед глубоким ущельем, в котором пахло тухлыми яйцами. Это явный признак того, что воздух насыщен сероводородом, и, хотя мне было неприятно вдыхать эти ароматы, я знал, что идти надо, за ущельем начнётся подъём, который выведет меня на перевал, и там я смогу найти помощь у местных партизан. Поэтому, зажав нос, по склону ущелья, а не по тропинке я начал движение, обошёл все ловушки, затем горячие сероводородные родники и вышел на небольшую полянку перед вполне приличной широкой тропой, которая петляла по горе и выходила к убежищу.

Здесь меня уже встречали – три мужика в лёгких пехотных доспехах с дротиками и щитами в руках и ещё, как мне показалось при беглом осмотре зарослей справа и слева, не менее пяти арбалетчиков и лучников. Понятно, что дергаться смысла не было, и, назвав себя, я отдал бойцам графа Кемета своё оружие. После чего под их приглядом направился на вершину хребта, где оказалось около пятисот беженцев.

Меня провели в небольшую рукотворную пещерку, выдолбленную в скале, в которой находилось четыре человека – двое скорчились на полу, по виду ассирийские кавалеристы, а двое других, суровые бородатые дядьки лет под пятьдесят, нависали над пленниками и, время от времени избивая их, вели допрос королевских солдат. Пока меня не трогали, не связывали и с кулаками не бросались, так что имелось время посидеть на бревне у стены и послушать разговор местных командиров и пленников, а полученную информацию, как водится, отложить на подкорку и раскидать на составляющие фрагменты.

– Повтори! Повтори, что ты сказал, тля! – выкрикнул один из партизанских вожаков и ногой, обутой в сапог с жёстким носком, ударил ассира, лежащего на холодном каменном полу.

Удар, пришедшийся в бок, был сильным. Королевский кавалерист, молодой мужчина, лицо которого было покрыто гематомами, вскрикнув от

боли, сплюнул на камень сгусток из слюны и крови и сипло выдохнул:

– Вы все сдохнете, имперские свиньи! Вам конец! Это Последняя война! Так сказал король!

– Ах ты, мразь! – Новый удар сапогом, на этот раз в живот.

Ассир согнулся и издал какое-то бульканье, которое вскоре превратилось в смех, и продолжил:

– Вы сидите в горах и думаете, что вас не достать? Нет, вы ошибаетесь. На этот раз вы здесь не отсидитесь. Наши генералы знают каждый ваш схрон и все убежища, и вскоре сюда придут горные пехотинцы, которые выкурят вас и ваших шлюх вместе со щенками с этого перевала. А после этого всех вас утопят в вонючих лужах внизу. Смерть вам, остервы! Всем, без исключения!

Партизан побагровел, не сдержался и, сверху вниз, резко и сильно ударил пленника кулаком в висок. Голова кавалериста ударилась о камень, и явственно слышный хруст костей мог сказать о том, что на одного языка у кеметских крестьян стало меньше. Пленник несколько раз дёрнулся всем телом, выгнулся дугой и застыл, а озлобленный вожак кинулся на второго пленника. Однако другой командир, видимо в местной иерархии более старший по должности и званию человек, перехватил его руки, удержал разъярённого мужика и сказал:

– Флинн, успокойся. Я знаю, как тебе тяжело. Но держи себя в руках. Этот пленник нам ещё нужен. Выйди и остуди голову.

Тот, кого называли Флинном, резко встряхнул косматой головой, вырвал из захвата свои руки, развернулся на пятках и, что-то бормоча себе под нос, покинул пещеру. Второй командир проводил его взглядом, посмотрел на меня, молча кивнул, словно поприветствовал, и вновь сосредоточился на допросе.

Вопросы следовали один за другим, и пленный ассир, оказавшийся капралом из разведывательной конной группы, которую всего несколько часов назад разгромили партизаны, отвечал без всякой запинки. Я всё это время находился рядом, узнал для себя кое-что интересное и понял, что, придя к крестьянам, поступил очень верно. Сейчас на равнинах было такое количество вражеских войск, которые, выискивая партизан, методично прочёсывали каждый квадратный километр, что я бы там, не зная ассирского языка, который сильно отличался от остверского, скорее всего, долго не пробежал бы. Меня бы обнаружили, локализовали и затравили, словно дикого зверя. Поэтому скорое соединение с регулярными имперскими частями было невозможно, и оставалось надеяться только на помощь кеметцев, а за это, глядишь, и я им чем-то смогу помочь.

Допрос окончился. Охранники выволокли пленника из пещеры, и мы с командиром партизан остались вдвоём. Он приблизился ко мне, и мы присмотрелись один к другому. Передо мной стоял крепкий широкоплечий брюнет с окладистой бородой, в добротной одежде, лёгком полушубке, который с левого бока был аккуратно заштопан, и с кортом на ремне под ним. По виду справный хозяин, возможно, бывший солдат имперской линейной пехоты или дружинник графа Кемета. А что видел он? Русоволосого статного юношу лет девятнадцати с правильными чертами лица и голубыми глазами в брезентовой горке, костяшки пальцев набиты, на ладонях характерные для мечника мозоли, взгляд уверенный, а на левой руке редкий в этих местах старый охранный серебряный браслет. Похож на имперского дворянина.

– Меня зовут Шин Калаган, – присаживаясь рядом со мной и вытягивая ноги, устало произнёс партизанский командир. – Я у местных жителей за главного.

Понимая, что от меня ждут ответного представления себя, я сказал:

– Лейтенант наёмного отряда «Рейдеры Плетта» граф Уркварт Ройхо.

Мужик кивнул:

– Бор, племяш мой, про тебя говорил. Сказал, что ты сам попытаешься на соединение со своими выйти. Что, не получилось?

Отметив, что парень, которого я при нашем знакомстве пощадил, оказался нормальным человеком и мои слова о сохранении тайны понял верно, я согласился с Калаганом:

– Да, не получилось.

– И ты решил к нам прибиться?

– До той поры, пока не разберусь, как мне снова свою попытку повторить.

– Это правильно. – Калаган сделал паузу и добавил: – Я видел, как ваш отряд к храму подходил, и тебя запомнил, лошадка под тобой была хорошая, а потом наблюдал, как наёмники от развалин после боя уходили. Ваших тогда только тринадцать всадников уцелело, а за ними полсотни ассиров с двумя магами гнались. Так что очень может быть, что от твоего отряда никто не уцелел.

– Наёмники – люди опытные и должны были отбиться.

– Ну, тебе виднее. Давно военный лицей окончил?

– А заметно, что я из военного лицея?

– Прямо в глаза бросается. Выправка, стать, постоянное напряжение и взгляд, который всё вокруг обшаривает и пытается проанализировать каждое движение окружающих людей. Я двадцать лет на границе службу

тянул, посмотрелся на таких, как ты.

– Ясно. Мой выпуск покинул стены лица девять дней назад.

– И сразу на войну?! – Немного удивлённый партизан посмотрел на меня и еле заметно усмехнулся.

– Так сложилось.

– Серьёзно всё у вас. Видать, не перевелись ещё в империи боевитые дворяне, хотя и поговаривают, что всё прогнило, и нашему государству приходит конец. – Калаган встал, поворотами корпуса тела вправо и влево размял поясницу и спросил: – Итак, ты с нами?

– С вами.

– Тогда запоминай сразу, господин граф. Никаких ваших, – он покрутил в воздухе растопыренными пальцами правой руки, – благородных штучек-дрючек, вызовов на дуэль, подъёмов штандарта с родовым гербом, объявления себя перед боем и прочей дурости быть не должно. Сейчас война идёт на уничтожение, и каждый убитый ассир – это минус один клинок во вражеской армии. Мы будем бить врага исподтишка, из-за угла, днём и ночью, используя каждую возможность. Понимаешь, о чём я говорю?

– Более чем.

– Отлично. Тогда слушай дальше. Командир здесь один, это я. У меня два зама. Флинн, – Калаган кивнул на выход, – который сейчас не в себе, потому что его мать погибла, не успела из деревни уйти. И Лунь, старый местный бродяга. Он сейчас на разведке вместе с Бором и ещё несколькими парнями, но ты его сразу узнаешь по седой голове. Им подчиняться как мне. Сказали – лечь, значит, так и сделай. Велели бежать, драпай со всей мочи.

– Усёк.

Я кивнул, и Калаган продолжил:

– И напоследок. Пока будешь рядовым бойцом, надумаешь уйти, сообщи заранее, чтобы мы тебя дезертиром не считали. Девочек и баб не обижай, а то за это наши парни такому смазливому ухарю, как ты, живо кишки на кулак намотают.

Калаган протянул мне руку, и я, встав с бревна, пожал её. Рукопожатие вышло крепкое, и, отпустив руку партизана, я спросил:

– Какие планы на ближайшее время?

– Уходить из этих мест будем. Пленные говорят, что ассиры знают про наши убежища, и, похоже, это правда. Год назад я лично про все наши горные схроны в штаб графа Кемета писал, а там, видишь, предатели оказались, и теперь мои рапорты вражеские шпионы читают. Кроме того, у

нас с припасами туго и оборона на перевале слабая, потому что её никто толком не готовил. Собирались в другом месте отсиживаться, но там уже враг. Поэтому выше в горы пойдём. Там, конечно, всё ещё холодно и с пропитанием туго, но иного выхода нет. Попробуем обойти королевские заслоны и выйти в графство Устио, там уже имперцы.

– Меня это устраивает. Можете на меня во всём положиться.

Так я прибился к партизанскому отряду Шина Калагана, в который сошлись люди из трёх близлежащих деревень, полтора десятка имперских солдат и несколько наёмников. Мне вернули оружие и снаряжение, и уже вечером вместе с парой местных парней, которые больше следили за мной, чем за обстановкой в Серном ущелье, я заступил в дозор. Ночь прошла спокойно, а с утра пораньше, когда к перевалу сошлись дозоры, с одним из которых пришёл Бор Богуч, и последние беглецы с равнин – полтысячи женщин и детей, стариков и подростков, взвалив на себя мешки с одеждой, едой и продовольствием, все вышли в путь. Надо сказать, очень вовремя, потому что к Серному ущелью подошёл батальон ассирийских горных пехотинцев, почти четыре сотни головорезов, которых специально натаскивали для войны против маирских партизан.

И вроде бы всё шло своим чередом. Однако ассиры явно имели карты местности и знали, кого и где искать. А беженцы долго собирались, выступили с перевала только в полдень, двигались медленно, и бросить их было нельзя. И поэтому Калаган на временной стоянке перед пещерой построил весь свой разбитый на десятки сводный отряд, в котором я был рядовым, прошёлся вдоль неровного строя и сказал:

– Воины! Там, – его рука метнулась в направлении запада, где по склону, пробираясь козьими тропами, начинали восхождение некомбатанты и несколько раненых, – наши семьи. А в той стороне, – рука сместилась в сторону ущелья, – враги, готовые убить всех нас. Необходимо выиграть время, а значит, слушайте мой приказ! Первый, второй десятки и Лунь отходят вместе с женщинами и детьми! Третий десяток во главе с Флинном пойдёт в авангарде и станет вести разведку пути! Четвёртый, пятый и шестой десятки вместе со мной остаются на перевале и до темноты держат ассирийцев! Надо выиграть всего четыре часа, и мы их выиграем!

С ним никто не спорил. Драться – так драться, благо луки и арбалеты имелись, запас стрел и болтов был хороший, позиция у нас приличная, а тропа снизу вверх хоть и широкая, но всё же не дорога. В общем, можно было повоевать, хотя я для себя отметил, что первые три десятка были сплошь из местной молодёжи и справных мужиков, а остальные три – это сборная солянка, которую командир не очень-то и жаль.

«Бережёт своих земляков Калаган, – подумал я в тот момент и полностью одобрил его решение. – Ну и правильно делает. Имперцы, наёмники и иные приبلуды вроде меня пришли и ушли, а местным жителям после разгрома врага, если его удастся отбить, ещё жизнь налаживать и свои дома отстраивать. Кроме того, имеется пара дополнительных факторов в пользу решения командира. Жители Маира и его предгорий отлично знают местность вокруг, а наёмники и имперцы имеют хорошие охранные амулеты, которым не страшна большая часть атак вражеского батальонного мага, который обязательно попытается выкурить нас с господствующей высоты».

Через десять минут отряд разделился. Первые три десятка двинулись вслед за беженцами, а остальные заняли баррикады из ломаного горного камня, которые были возведены на спуске из Серного ущелья ещё несколько лет назад и за это время успели укрепиться, осесть и стать вполне надёжным укрытием. Рядом лежали кучки булыжников, которые следовало метать во врага, помимо этого у меня имелся арбалет, ирут и пара кинжалов. Этого хватит, а корт я отдал одному из наёмников, который только чудом спасся из Кемета и бежал так резво, что смог добраться до самых гор. Правда, по дороге он загнал свою лошадь и потерял всё оружие, но зато остался жив и теперь снова готов стать воином, а не дезертиром.

Минуты текли одна за другой. Прошёл час, и, наконец, появились вражеские пехотинцы, которые мелкими группами, по пять-шесть человек, выходили из ущелья и уверенно двигались к перевалу.

«Значит, все ловушки на пути ассиров уже обнаружены и обезврежены, – наблюдая за людьми в толстых кожаных доспехах с круглыми небольшими щитами и короткими мечами в руках, отметил я, – быстро, однако».

У подножия хребта, перед выходом на тропу, противник остановился и начал сосредоточение. Вражеские бойцы узкими ручейками вытекали на полянку перед подъёмом, их становилось всё больше, появились арбалетчики, офицеры, которых можно было распознать по нарукавным защитным амулетам на левом бицепсе, и маг, рослый мужчина в тёмно-серой мантии и остроконечном капюшоне, надвинутом на глаза. Прозвучала еле слышная на перевале команда, и рота ассиров под прикрытием стрелков начала пробное восхождение. Враги, словно тараканы, рассыпались по склону, попытались взобраться на него, и у многих это получилось. Небольшими, похожими на альпенштоки топориками, которые входили в их снаряжение, горные пехотинцы, в основном арбалетчики, цеплялись за камни, закреплялись на одном месте и

брали на прицел вершину, а мечники, прикрываясь щитами, тройками шли наверх.

Ассиры были всё ближе, и, когда нас разделяло около шестидесяти метров, раздался крик Калагана:

– Бей!

Арбалет прижался к плечу, я прислонился к широкой бойнице, поймал в прицел передового противника, который на краткий миг приподнял над щитом голову, и выстрелил. Тяжёлый болт воткнулся ему прямо в лоб, и враг покатился вниз. Перезаряжать арбалет – оружие, без сомнения, мощное и хорошее, но медлительное – времени не было, и я, схватив булыжник, килограммов на двадцать, перекинул его через оградку баррикады. Камень полетел во врагов, следом ещё один, и ещё. И тут новая команда командира:

– Стоп!

Я перезарядил арбалет и выглянул в бойницу. И тут же, выбив из камня несколько осколков, в край амбразуры врезался вражеский болт, который за малым не влетел в проём и не прикончил меня. Пришлось быть осторожней, и если смотреть на тропу, то только с угла бойницы. Взгляд вниз. Ассиры потеряли полтора десятка пехотинцев и пару арбалетчиков, которые после отступления мечников не покинули своих позиций, а, наоборот, плотнее закрепились за валунами и камнями и вели редкую, но очень меткую стрельбу. Что тут сказать? Профессионалы своего дела, у которых более мощные арбалеты натягивались не поясным крюком, «козьей ногой», как у меня, а катушкой, зубчато-реечным механизмом, что давало им возможность орудовать только руками. Правильно всё делали, видно, что не новички. И, оглянувшись вокруг, я увидел, что наш отряд тоже понёс потери: один погиб, схлопотал болт прямо в глаз, и ещё двое получили ранения. Да уж, если и дальше так пойдёт, то нам хана, а ведь есть ещё маг, который обязательно попробует применить свою силу, а я, как назло, не могу использовать свою. Впрочем, маг может бить с двухсот – трёхсот метров, а я могу работать только на двадцать – тридцать, и пока, при моей подготовке, на дальних дистанциях мне его достать нереально.

Словно подтверждая мои размышления, ассиры составили плотную стену из щитов, продвинулись по тропе и остановились за двести пятьдесят метров от нас. На склоне появились новые стрелки, пару из которых удалось свалить во время подъёма, и за строем пехоты замаячила мантия мага.

– Ну, началось, – пробурчал имперский солдат, хмурый парень лет двадцати с таким же арбалетом, как и у меня, и машинально бросил взгляд

на свою левую кисть, где находился стандартный армейский амулет, по виду простенький браслет из меди.

– Кидайте камни! – последовала новая команда Калагана.

Булыжники полетели вниз потоком. Но лишь немногие из них достигали цели. Склон, местами покатый, сильно тормозил их разгон, а те, которые перелетали через ямки, а не оседали в них, ударялись во вражеские щиты. И прикрытый от наших метательных снарядов ассирский маг начал действовать. Для этого ему было необходимо нащупать поток силы и подсоединиться к нему. Затем накачать себя энергетикой дольного мира, очистить её и удобным для себя способом преобразовать силу в нужную форму. Это всё требовало времени и дополнительных вспомогательных амулетов или приспособлений, которые ускоряют процесс применения магии. И судя по тому, как действовал вражеский маг и сколько времени он потратил на первое заклинание, его создание и применение, это был не очень сильный чародей. Но зато он постарался на совесть: использовал не банальный огонь или взрывные шары, которые могли бы обрушить склон и вызвать серьёзный камнепад, а нечто лично для меня неожиданное.

Над строем горных пехотинцев начало образовываться светло-жёлтое облачко, которое быстро набухало, становилось ярче, напитывалось силой и цветом, и спустя пару минут под громкий выкрик мага оно устремилось вверх, а затем, против ветра и всех законов физики, упало на перевал. Это был газ, самое банальное для моего родного мира отравляющее вещество, судя по признакам, нервно-паралитического действия. Но, к счастью для меня и большинства воинов нашего сводного отряда, заклинание было не из разряда сильных. Охранные амулеты достаточно быстро развеяли его, а свежий ветер оттянул отраву в сторону. Однако для этого потребовалось время, и несколько наших воинов вдохнули магическую гадость и вместо боя отползли назад, где им пришлось плакать, отхаркиваться и отплёвываться. Так что благодаря вражескому магу и его фокусу ассирская пехота смогла подойти вплотную, а мы, вместо тридцати стрел в один залп, могли выстрелить только пятнадцать.

Дзанг! Тетива моего арбалета вздрогнула, толкнула болт вперёд, и ещё один ассир упал.

Снова вниз полетели камни, но я успел сбросить только пару штук, прежде чем увидел, как рядом со мной, перескочив баррикаду, появился вражеский воин. Думать было некогда, и я, схватив лежащий на камне рядом со мной ирут, бросился на него. Он меня заметил, выставил перед собой щит и меч, но мой мощный и хорошо поставленный рубящий удар

раскроил его голову, и клинок обагрился кровью.

Быстрые взгляды по сторонам. Слышится перезвон стали, начинается рукопашная схватка, и вокруг меня появилось ещё три вражеских бойца. Мелькнула мысль: не применить ли свои новые магические способности. Однако я удержался и решил оставить их на самый крайний случай, на тот момент, когда сбить ассиров вниз уже не будет никакой возможности.

Выпад вперёд! Клинок проскальзывает под круглым щитом, вспарывает кожаный доспех и проникает в тело врага. Поворот! И диагональный удар в голову, который кроит чужой шлем и добирается до мозгов противника. А вот с третьим ассиром пришлось немного пофехтовать, неплохой мечник оказался. Но ирут против короткого клинка на открытом пространстве даёт своему владельцу преимущество в длине, и ассиру даже его щит не помог. Моя сталь обошла меч врага, прошлась по его ладони, рассекла кожаную перчатку, плоть и кость, и он выронил меч. После этого мне оставалось только пнуть его ногой в грудь, свалить наземь и добить.

Я был снова готов вступить в схватку. Но враги наступали группами, и только два десятка ассиров смогли перебраться через баррикаду, и их быстро прикончили – сказался опыт имперской пехоты и наёмников. Вновь вниз полетели стрелы, несколько дротиков и камни. Враг отступил, начал перегруппировываться, и вперёд снова выдвинулась стена щитов, которая прикрывала мага. И в этот момент с окровавленным однолезвийным топором в руке рядом со мной появился Калаган, который выкрикнул:

– Время! Отступаем!

Я подхватил арбалет, болты и рюкзак. Обтерев клинок ирута об одежду врагов, вкинул его в ножны и, помогая раненым и ослабевшим, направился через перевал вслед за беженцами. При этом у меня в голове появилась мысль, что на ночлег горная пехота ассиров обязательно остановится на месте партизанской стоянки – рядом родник, ровная площадка и есть дрова. И если договориться с командиром, то уже через пять-шесть часов, примерно после полуночи, можно сюда вернуться и устроить горным пехотинцам развесёлую жизнь с применением всего моего арсенала.

Думаю, Калаган согласится, ведь я ему не сват, не брат и не родич, чтобы за графа Ройхо переживать. А у меня появится возможность опробовать свои магические возможности без всяких ограничений. Всё равно потом никто не будет разбираться, кто там тёмной ночью на батальон ассиров налетел и сколько убил врагов. Как говорится, война всё спишет. И пока есть возможность, необходимо тренироваться, тем более

что это будет делаться в интересах имперских вольных граждан и партизан, которые приняли меня как своего.

Глава 24

Империя Оствер. Графство Кемет. 27.03.1404

Мне всегда нравилось гулять ночью в горах, особенно в лесистой местности. В такие моменты дышалось легче и разум, который одним махом очищался почти от всех забот и проблем, оценивал обстановку не так, как обычно. Всё вокруг сразу преображалось, приобретало некоторую таинственность и загадочность, а стволы больших деревьев, если прикоснуться к ним ладонью, казались живыми существами, странными, шершавыми и неподвижными, но не мёртвыми. А когда все эти ощущения дополнялись шорохами мелких зверьков в кустарнике, похрюкиванием диких кабанов, подрывающих корневища дубов в поисках желудей, и резкими вскриками лесных птиц, то это превращалось в некую феерию. Одновременно все эти звуки немного били по нервам, и в то же время приносили успокоение, ибо где мирно бродят дикие звери, там нет нечисти, опасных хищников или скопища людей, самых опасных существ на планете.

Сегодняшняя ночь была именно такой. Калаган, как я и думал, разрешил мне провести самостоятельную диверсию против горных ассирских пехотинцев. И, оставив меня одного, вместе со своими людьми двинулся на запад, в сторону маирских вершин и безлюдных высокогорных долин, по которым он надеялся вывести беженцев и воинов в расположение имперской армии. Командир поступал так, как считал нужным. А если молоденький выпускник военного лица желает поиграть в героя без страха и упрёка, рискнуть своей шкурой и немного побеспокоить врагов, в которых он собирался пострелять из арбалета, то так тому и быть, пусть побеждает молодой воин. Повезёт, останется жив, а нет, так никакой особо важной информацией он не владеет, а с его гибелью или пленением партизанский отряд терял всего лишь один хороший клинок. Видимо, примерно так Калаган размышлял. Мои же мысли по предстоящему ночному бою, который я планировал провести совершенно иначе, были понятны.

За моим плечом висел ирут, который я заранее переторочил. На груди два кинжала в удобных чехлах, на левом боку продолговатая сумка с болтами, а в правой руке арбалет. Сердце учащённо колотится. Пока всё идет так, как и должно идти. Есть немного страха и возбуждения, предчувствия боя и здорового мандража, который выдают еле заметное

подрагивание поджилок и некоторые излишне резкие движения. Это нормально, только мёртвые и дебилы не боятся и ни за что не переживают, а нормальный человек в стрессовой ситуации просто обязан это делать. И главное во всём этом – не перейти зыбкую грань между лёгким беспокойством и настоящим страхом, который может утопить сознание в пучине паники...

Спустившись с горы, где расстался с партизанами, я прошёл лес и приближался к перевалу. Между деревьями появился просвет, и впереди можно было разглядеть пару костров, рядом с которыми скользили редкие тени людей. От окраины чащобы, где я находился, до ассиров было двести метров – это всего триста осторожных шагов, сделав которые я окажусь перед вражеским лагерем. Вокруг тишина, и можно выходить на открытое пространство, а затем, прячась между валунами, раскиданными по поляне, подобраться на расстояние удара по противнику и действовать.

Однако мой план несколько иной. Я понимал, что горная пехота Ассира – это профессионалы, и вчерашний бой был ярким тому подтверждением. Значит, вражеский командир просто не мог не выставить на опасном направлении боевой дозор, который я пока никак не мог обнаружить. Поэтому одно из двух своих боевых заклинаний, которые были готовы к применению, я решил потратить на дальнюю охрану и только одно кинуть в лагере. Выбирать смысла не было, для меня всё ясно. «Плющ», коварный душитель, будет применяться по дозорным, а «Чёрная петля», убийца органики, из которой состоят человеческие тела, по вражеским офицерам и магу, наверняка спящим в палатках в самом центре стоянки. Но дозорных не видно и не слышно. Так что, решив не торопиться, время только первый час ночи, до рассвета ещё далеко, без какого-либо движения я застыл на месте. И спустя несколько минут моё терпение было вознаграждено.

Слева раздался шорох, а затем приглушённое покашливание.

«Есть! Они здесь, и я не ошибся, – с удовлетворением подумал я и улыбнулся. – Значит, я всё делаю верно, и уроки моего наставника сержанта Сантина не прошли для меня даром».

Я начал смещаться в сторону шума, который быстро прекратился. Рука осторожно раздвигала ветки на пути движения, ноги бесшумно ступали, и через семь-восемь метров я снова замер. Потом медленно выглянул из-за ствола большого дерева. Привыкшие к лесной темноте глаза обшарили кустарник передо мной и вычленили из общей картины пять прячущихся в кустарнике несуразных наростов. Это и были дозорные ассиров, которые караулили сон своих товарищей. Нормально. Можно действовать.

Переложив арбалет в левую руку, которой я так до сих пор и не привык работать как правой, на секунду я прикрыл глаза. Моё сознание потянулось к энергокапсуле с «Плющом», и она послушно отозвалась. Сила перетекла в свободную ладонь, и раскинутые веером пальцы резко метнули её вперёд, в направлении врагов.

Невидимые энергетические плети, синеватого оттенка, которые не заметны подавляющему большинству людей, словно молнии, извиваясь рассекли воздух и обернулись вокруг шей солдат. До меня донёсся их приглушённый сдавленный хрип, а пальцы стали чувствовать пульсацию крови этих людей. На очень короткий миг, может быть на одну секунду, всё прекратилось. Заклятие ждало моего окончательного решения, и пока ещё я мог рассеять «Плющ» и пощадить попавших под удар древней магии врагов. Но конечно же оставлять жизнь убийцам я не хотел. Всё же не институт благородных сэров и пэров заканчивал, а военный лицей «Крестич». И, следуя заученной инструкции, прочитанной в книге жреца Сайра, я резко и крепко сжал пальцы в кулак. Тут же мой слух уловил хруст шейных позвонков и хрящей, а глаза увидели, как одновременно, словно по команде, пять похожих на высокие пеньки силуэтов упали наземь. Всё было кончено. Первое применение «Плюща» состоялось, результатом я остался доволен, и одно из препятствий на пути к вражеской стоянке было устранено.

Пройдя мимо трупов боевого ассирского дозора, я сдёрнул с плеч одного из погибших серый плащ с каким-то еле видимым серебристым узором на спине, накинул его поверх своей горки и, оставив здесь арбалет и болты, направился к основным вражеским силам. Впереди ещё встреча с часовым, которого необходимо убрать, а затем подход к командирам горных пехотинцев. И тут уже как фишка ляжет. Получится охранника, который под прикрытием боевого дозора расслаблен и спокоен, тихо прикончить, операцию продолжаю. А если нет и поднимется шум, применю «Чёрную петлю» и отойду. А после, сколько смогу, побегаю по лесу и, только подстрелив пару врагов, уйду по следам беженцев.

Не таясь я шёл по открытому пространству между зелёнкой и стоянкой противника, специально пару раз запнулся и вполголоса просипел пару неразборчивых фраз. И караульный, одиночный воин с копьём в руке невядалеке от крайнего, уже почти погасшего костра, окликнул меня. Снова я пробурчал какую-то галиматью и вплотную приблизился к часовому, который, не чуя беды, весело усмехнулся, понизил голос до полушёпота и что-то сказал. Видимо, он посчитал, что один из дозорных пьян и возвращается на стоянку за добавочной винной порцией.

Это хорошо, что он сглупил, определённо мне везло. И, подумав, что наглость второе счастье, кулаком я резко ударил принимающего ко мне часового в горло. Воин подался назад и согнулся, копье выпало из его руки, а ладони машинально схватились за разбитую гортань. Я навалился на него всем телом, прижал к сырой траве, на которую начинал опускаться туманный горный конденсат. Мои руки при этом сомкнулись на его ладонях и сильнее надавили на них. Ассир захрипел и задержался, но серьёзного сопротивления оказать не смог и вскоре затих.

Быстро оглянувшись по сторонам, я убедился, что всё тихо. Горные пехотинцы в тридцати – сорока метрах, завернувшись в плащи, лежали вокруг потухающих костров. Луны видно не было, и над всем перевалом, который был накрыт тенью близлежащей горы, царил покой.

«Только бы не сорвалось, – облизнув пересохшие губы, подумал я, – хорошо бы и дальше фартило. Но удача сопутствует смелым, это факт, и значит, надо рисковать дальше».

Отогнав прочь думки, которые могли ослабить мою решимость продолжать дерзкую операцию, я несколько раз глубоко вдохнул и выдохнул. И, поднявшись на ноги, направился к центру стоянки. Мои шаги были аккуратными, осторожными и тихими, но в то же время и уверенными, хотя, по чести сказать, ноги были как ватные, а чувство опасности и знание того, что кругом враги, продолжали давить на психику. Но я не отступал. Вошёл в круг неяркого света, который давали прогоревшие багровые древесные угли, миновал один костер, второй, третий и оказался невдалеке от шести походных палаток, которые одна к другой вплотную стояли перед штабной пещерой Калагана.

«Ну, – я сплюнул с губы соринку и посмотрел на ещё одного часового, сидевшего на камне рядом с костерком перед командирскими палатками, – «он сказал: «Поехали!» и махнул рукой»».

Моё сознание снова потянулось к энергокапсулам, обошло пустоту «Плюща», огладило «Истинный свет» и «Полное восстановление», выбрало «Чёрную петлю», и в мою ладонь влилась губительная для врагов сила, которая приняла вид верёвки, естественно чёрной. Что делать дальше, я понимал. Но теория и практика – это, как говорится, две совершенно разные вещи, и, как пройдёт применение оружия, нацеленного на убийство многих людей, я не знал, однако надеялся, что, как и в случае с «Плющом», всё сложится хорошо.

Помогая своему сознанию, которое направляло заклятие, рукой, я сделал пару круговых движений и метнул петлю в самый центр места, которое наметил для его применения. В воздухе кажущаяся небольшой

чёрная верёвка раскрылась, распуталась и ровным большим кругом легла на четыре из шести палаток. В моей руке при этом остался конец от этого магического лассо, или аркана, всё равно как его называть, если суть неизменна. И, затаив дыхание, глядя на часового, который заметил странные движения одного из солдат и привстал со своего места, я потянул верёвку на себя.

Бух-х-х! Резкий, словно удар кнута, хлопок воздуха разорвал тишину лагеря. На месте часового возникло сероватое облачко праха, на миг окутавшее зависшие в воздухе кожаные доспехи, подшлемник, щит, оружие, одежду и амуницию. И через секунду, всем скопом, железо и материя рухнули на камень, где всего несколько секунд назад сидел живой человек.

«У меня получилось! Я сделал то, что задумал! Ура! Однако весь лагерь всполошился, солдаты начинают вскакивать, и надо выбираться. Но перед этим следует посмотреть на вещи мага и карты командира. И чтобы это сделать, необходимо продолжать изображать из себя ассира. Работай, Уркварт! Не останавливайся и не сомневайся! Иначе сгинешь здесь, и всё!»

Мысли вертелись в голове, а тело продолжало выполнять задуманное. С кинжалом в руке я подскочил к одной из палаток и заглянул в неё. Два пустых спальных места, и на них по комплекту офицерской одежды. Дальше. Вторая палатка. Снова два спальника и две униформы. Третий заход. То, что надо! Ковровая подстилка по всему полу и один, очень дорогой шёлковый магический спальник, на котором лежит настоящий ночной костюм для благородных людей, имеющих деньги. Не иначе как именно здесь проживал комбат горных стрелков. Не задумываясь я схватил большой аккуратный полупустой рюкзак, который лежал под головой превратившегося в тлен ассирского офицера.

Нормально. Я выскользнул из палатки командира батальона, оглядел солдат, которые зажигали фонари и хватали оружие, и с истеричными нотками в голосе, вскинув руку в направлении тёмного склона, выкрикнул пару из десятка известных мне ассирских слов:

– Угад!!! Алагай!!! – Это значило: «Враги!!! Догнать!!!»

И пока солдаты и сержанты всматривались в темноту, а некоторые, совершенно не задумываясь о том, почему рядовой боец выскочил из командирской палатки и отдаёт приказание, кинулись прочёсывать склон, я нырнул в четвёртое походное жилище и здесь обнаружил мага, живого, но явно не здорового. Высокий костистый мужчина раззявил в крике рот, но звук из него не вырывался, маг дёргал ногами, которые словно огромным и очень острым скальпелем были обрублены по колени. То же самое у него

было с правой рукой, которая отсутствовала по самое предплечье. Но маг всё ещё был жив, и его левая ладонь крепко вцепилась в охранный амулет на груди.

– Что, чародей, плохо тебе? – взглядом обшаривая палатку, шёпотом спросил я. – А людей газом травить и деревни сжигать хорошо?

Бешеные, навывате, глаза мага впились в меня. В них были непереносимая боль и страдание. И мой кинжал острым как бритва лезвием прошёлся по его шее. После чего, уже не глядя на батальонного чародея, я подхватил сумку, в которой что-то булькало и шелестело, быстро запихал её в полупустой рюкзак комбата и покинул последнюю палатку, которая попала под удар «Чёрной петли».

За те тридцать – сорок секунд, которые я провёл у мага, на стоянке мало что изменилось. Солдаты занимали оборону и много суетились, а из других офицерских палаток выскочили батальонные капитаны, которые спросонья не понимали, что происходит, и, на ходу накидывая на себя плащи, с оружием в руках бежали к своим подразделениям. И всё бы ничего, я ушёл бы по-тихому. Но один из офицеров увидел у меня на предплечье дорогой и удобный рюкзак комбата, замер на месте и нахмурился. А я, не ожидая, пока его пробьёт мысль о том, что я чужак, отбежал в сторону, влился в солдатскую массу и, скользя между врагов, устремился к лесу. И уже на самой окраине вражеской стоянки, невдалеке от трупа часового, услышал крик офицера, который, как мне кажется, заглянул в жилище своего командира и только после этого поднял тревогу.

Я юркнул в непроглядную сырую тьму и через поле рванул к спасительному для меня лесу. Ноги несли меня легко, страх подгонял и будоражил, адреналин в крови делал своё дело, и вскоре я был на месте гибели боевого ассирского дозора, где скинул чужой плащ, накинул на плечи обе лямки рюкзака, забрал болты, поправил ирут, который мне сегодня так и не пригодился, и взял в руки арбалет. Отлично! Я выполнил все поставленные перед собой на эту ночь задачи, кроме пока одной – оторваться от погони. И, оглядевшись, я хотел сразу же направиться в глубь леса. Но у меня был заряженный арбалет, а позади слышались крики ассиров, которые пытались меня настичь, так что на несколько секунд можно было задержаться.

Повернувшись в сторону поля и присев на левое колено рядом с одним из мёртвых горных стрелков, я вскинул приклад арбалета к плечу. В мою сторону спешило около трёх десятков солдат, которые размахивали над головой факелами. И, выбрав наиболее близкого ко мне противника, я выстрелил. Болт вонзился врагу в живот, и он свалился. А я по лесной

тропе, пока имелась возможность и небольшая фора, огибая кусты и думая о том, как бы мне не оставить на сучках свои глаза или иные какие не менее важные части тела и органы, начал движение по чащобе, в которой за первую половину ночи успел немного освоиться.

От вражеских солдат я оторвался на удивление быстро. Хотя чего удивляться? Сначала ассиры на мёртвых бойцах из боевого дозора время потеряли, а потом кинулись в лес, которого не знали. И без командира, который бы их подгонял, рядовые бойцы и капралы быстро сдулись и повернули назад. Так что обстановка мне благоприятствует и напоминает времена на Земле. Если диверсанта не поймали сразу, то после найти в горах одиночку становится проблемой из проблем. И, учитывая то обстоятельство, что верхушка ассирского батальона выбита, капитаны наверняка сами ничего предпринимать не станут и будут ждать указаний сверху и того момента, когда к ним пришлют нового дядю в чине полковника. Значит, непосредственная опасность ни мне, ни партизанам отряда Калагана пока не грозит, и это хорошо, так как можно сосредоточиться на моей основной на данный момент задаче – выходе на соединение с имперскими войсками.

Примерно такими мыслями я тешил и развлекал себя всё то время, что бродил по лесу, а затем карабкался в гору, и уже под утро, обессилев и удалившись от перевала на шесть с половиной километров, я добрался до небольшой буковой рощицы, из которой вчера вечером уходил в ночь. И здесь, сбросив с натруженных плеч трофейный рюкзак, арбалет и меч, я вскинул руки к солнцу, которое краешком показалось над горами, и, сбрасывая нервное напряжение, закричал:

– А-а-а-а! Хорошо-то как!

Гулкое и протяжное горное эхо разнесло мой голос по окрестностям. Простояв без движения пару минут, никого и ничего не опасаясь, я быстро развёл небольшой костерок. Потом, разворошив кучи палой листвы, достал из-под неё свой походный рюкзак и вынул котелок, флягу с водой, баночку мёда и листья взвара. При этом походя сравнил родной рюкзак и трофейный и пришёл к выводу, что мой удобней для конного перехода, ибо изначально шился как ковровая сумка, а для гор конечно же наилучший вариант – трофейный. Поэтому надо брать его, а перед этим перепаковать вещи и имущество, а что не поместится, то придётся спрятать в этом месте. Глядишь, может, моя мелочовка пригодится кому-то из партизан, разумеется, если рюкзак не найдут ассиры.

Через двадцать минут огонь моего костра, жадно пожирая сухой хворост, горел ярким бездымным пламенем. Скрестив ноги, я сидел на

рюкзаке перед ним, слушал пение лесных птиц, смотрел на густой туман, плотным облаком скопившийся ниже по склону и медленно тающий под солнечными лучами,пил горячий свежий взвар и размышлял о том, что сделал сегодня ночью. Результатами своего рискованного диверсионного набега я был доволен. И хотя, стоит это признать, пару раз я был близок к тому, чтобы огрести неприятностей, в целом всё сложилось неплохо. Убиты офицеры и маг противника, а батальон горной пехоты на пару дней выведен из боёв с партизанами. А что касается лично меня, то опробованы ещё две энергокапсулы, которые снова заряжены и готовы к применению. Плюс к этому имеются трофеи.

Кстати, о трофеях. Парой больших глотков я допил взвар, закинул в рот пластик копчёной свинины и, медленно пережёвывая мясо, приступил к разбору добытого в бою вражеского имущества. Сверху в рюкзаке лежала сумка мага, и, расстелив на траве свой плащ, я высыпал на него всё её содержимое.

И что же там имелось? А не так уж и мало, учитывая, что маг был батальонный, а значит, не очень сильный. Четыре чистых охранных амулета, стандартная армейская экипировка, видимо запас. Шестнадцать средних эликсиров исцеления, каждая ёмкость около двадцати миллиграммов и по форме напоминает йодные пузырьки, которые продаются в земных аптеках, это опять военный стандарт, НЗ для особых случаев и офицеров, маркировка на всех одинаковая, на этикетке руна «Здоровье». Восемь средних эликсиров «Бодрость», допинг для комсостава, опять же для экстренных случаев. Плюс ко всему этому пара неизвестных мне свитков Бойры Целительницы, наверняка что-то связанное со здоровьем. Несколько полудрагоценных камней, аметисты и турмалины, возможно добыча мага в одной из деревень или храме. И самое главное – небольшая записная книжка на остверском языке с пометкой на первой странице, что она принадлежит магу на королевской службе Валли Кристу. В неё покойный чародей заносил некоторые свои мысли по поводу магии и записывал приёмы работы с той или иной формой энергетик дольного мира. В общем-то подобная книжица имеется практически у каждого мага, невзирая на школу – привычка с Академии, и в ней не было великих секретов. Но для общего развития прочитать её стоило, это факт. И после того, как я её сдам армейским контрразведчикам, надо бы обратить их внимание на то, что уничтоженный мной маг этнический оствер, который продан за деньги врагам империи. Хотя про мой успех на перевале контрикам знать совсем не обязательно, и записную книжку можно оставить себе, а затем, при встрече, подарить её Ангусу Койну.

Сложив всё имущество покойного мага-предателя обратно в сумку и решив, что всё добытое стоит минимум двести иллиров без торга, а значит, бросать ничего нельзя, я принялся за осмотр офицерского рюкзака, в котором также оказалось немало полезных в будущем вещей. Галеты и какая-то липкая чёрная смола с острым запахом конопляной шмали мне были не нужны и сразу же полетели в сторону. Подштанники и одежда тоже не понадобятся. А вот остальные трофеи – ничего так, интерес представляли. Большая и подробная карта Маирских гор. Кошелёк с тридцатью золотыми юрасами, что в переводе на остверские деньги составляло двадцать пять иллиров. Красивый вычурный легковесный женский кинжальчик с парой жемчужин на рукояти в бархатном подарочном чехле. Несколько золотых и серебряных браслетов, ожерелье из речного жемчуга, пять колец и налобная подвеска из белого золота. Всё это, кроме карты и кошелька, наверное, трофеи нынешней военной кампании, которые комбат не успел сбыть армейским перекупщикам. И хотелось надеяться, что это успею сделать я.

Осмотр трофеев был окончен. Я перепакował рюкзаки. Спрятал свой, замаскировал его в листве под корнями одного из буков и накинул на плечи трофейный. После чего прикинул направление, в котором мне надо было следовать, и вдохнул в себя напоенный ароматами леса и травостоя чистый воздух. На душе было легко и спокойно, хотя ноги немного гудели от усталости. Впереди был длинный переход, но я к нему был готов. Так что, плотнее затянув поясной ремень рюкзака, я покинул гостеприимную рощу и вышел на следы партизан и беженцев, которые тёмной полосой выделялись на весенней зелени окрестных высокогорных лугов.

Глава 25

Империя Оствер. Графство Кемет. 10.04.1404—11.04.1404

Я спал, и мне в мельчайших подробностях повторялся во сне последний день моего пребывания в составе партизанской ватаги Калагана.

Отряд пробивался на соединение с имперскими войсками уже две недели. Понурые и усталые беженцы из Кемета брели по тропкам и карабкались по нехоженным склонам. Продовольствия не было, и люди находились на грани истощения. Все измотались и измучились, а постоянные стычки с ассирами, которые, казалось, были повсюду, каждый день уносили жизни воинов. В строю нас оставалось всего сорок человек, и это с учётом того, что один из десятков был укомплектован исключительно подростками в возрасте четырнадцати – пятнадцати лет. И как ни посмотри на ситуацию, в которой оказался партизанский отряд, всё было плохо. Но душу грела надежда, что вот-вот мы спустимся на равнину, где находятся части Первой Юго-Восточной имперской армии под командованием великого герцога Эйсо Кайяса, и это придавало всем бойцам отряда и беглецам немного бодрости.

По узкой горной тропе, которая извилистой светлосерой лентой петляла между большими валунами, в передовом десятке Флинна я спускался вниз. В руках был верный арбалет, за спиной – меч, на груди – пара кинжалов, а в рюкзаке три целебных эликсира – всё, что осталось от магических трофеев, добытых в ночном бою с горными пехотинцами ассиров. Ведь как бы дорого они ни стоили, жизни людей рядом со мной дороже, и поскольку я не крыса и крестьяне для меня не бессловесное быдло, то пришлось делиться. Ничего, зато совесть зудеть не будет. Следом за мной идёт пятерка воинов, которые обязаны мне жизнью, и я могу надеяться, что в бою они меня прикроют.

«Ничего, – подбодрил я себя, – ещё пара часов, и мы покинем эти горы, сможем отдохнуть, помыться и поесть, а потом – прощай, графство Кемет, и здравствуй, славный город Йонар».

– Ассиры! – прерывая мои думки, раздался крик воина, идущего впереди.

Вскрикнув, воин раскинул руки и упал. Я кинулся за валун слева от меня, и сделал это очень вовремя, так как в место, где я только что стоял, вонзилось сразу несколько стрел. После этого я резко приподнялся и окинул тропу взглядом.

«Гадство! – чертыхнулся я. – Егеря ассиров, полтора десятка, лезут вверх. Откуда они здесь? Непонятно. Но разбираться некогда, придётся драться».

Подавшись телом из-за камня, я выстрелил из арбалета. И, понимая, что если побегу, то мне тупо выстрелят в спину, выхватил ирут. После чего вскочил на ноги и бросился навстречу врагам, и в тот момент мне очень хотелось применить «Чёрную петлю». Просто распирало от желания воспользоваться магией. Но я сдержался. На узком пространстве около двух минут в одиночку я держал ассиров и бился так, как никогда до того момента. Голова очистилась от всех посторонних мыслей. Тело работало, словно хорошо отлаженный механизм. А руки крепко держали честную сталь, которая встречала и парировала каждый вражеский удар.

Низкая стойка. Полшага вперёд. Выпад! Крик егеря, который скатывается с обрыва, и передо мной новый противник. Разворот на месте, клинок вперёд, и звон стали. Рёв раненого ассира, которого словно щит я тяну на себя и прикрываюсь его телом от смертельно опасных стрел, а затем сбрасываю врага на следующего противника. Хрипы, злые и непонятные выкрики врагов. Удары, снова удары и опять удары. И так продолжалось до тех пор, пока сверху не подбежали воины Калагана, а снизу вражеских егерей не подпёрла преследующая их имперская пехота.

Как позже выяснилось, ассирские диверсанты атаковали один из обозов, идущий по тракту Устио – Кемет, и, хотя их отбили, бед они натворили немало. И если бы не наш отряд, то наверняка они имели бы все шансы скрыться с места проведения своей операции, а так враг нашёл в горах свою смерть и получил, что заслужил...

Бой был окончен. Пехотинцы проводили нас на равнину, и по широкому каменному тракту, сопровождаемые конным дозором под штандартом великого герцога Эйсо Кайяса, все мы, беженцы и воины, направились в расположенный неподалеку фильтрационный лагерь. Ну, это и понятно. Ассирская разведка не зевала и постоянно засылала в расположение имперской армии своих шпионов и диверсантов, так что нас требовалось проверить.

В фильтрационном лагере мы оказались под утро, и началась работа войсковых контрразведчиков, в обычной жизни тайных стражников, которые были прикомандированы к боевым частям армии от одного из великих герцогских домов. С беженцами, женщинами и детьми всё было ясно. Они являлись подданными графа Кемета, который, как оказалось, успел покинуть свою столицу прежде, чем она пала. И теперь за Маирскими горами, вблизи Устио, феодал собирал тех, кто смогли

выбраться с оккупированной врагами территории. С партизанами тоже проблем не возникало. Их личности подтвердили земляки, и они имели документы, а потому всех бойцов Калагана отправили на переформирование в одну из горных крепостей, где они должны были влиться в новые партизанские части. А вот с имперскими солдатами, наёмниками и случайными людьми контрразведчики работали всерьёз. И хотя Тайная стража это, конечно, не Смерш, не Моссад с МИ-5 и не абвер, работники подобной организации дилетантами тоже не были. Так что с утра пораньше начались предварительные допросы тех людей, кто остался на фильтре. И если бы я являлся обычным рядовым воином из имперского полка или наёмником, то нервы мне помотали бы изрядно. Но я всё-таки граф и выпускник «Крестича», так что отношение ко мне было особое. Меня не обыскивали и не разоружали, а допрос назывался беседой, и на него не вызывали, а приглашали.

Усталый человек средних лет в сером полувоенном мундире, на левом рукаве которого виднелась нашивка с диким конём Кайясов, задал мне пару десятков вопросов и перенаправил к другому дознавателю. Всё проходило спокойно и буднично, без излишней спешки и суеты. Второй тайный стражник, с которым я пообщался, оказался подданным Канимов. Он ещё раз опросил меня и прочитал предыдущий протокол. После чего дознаватель выслушал объяснение, что мои документы были на руках у Плетта, который оставил их в Йонаре, и отпустил меня отдыхать.

Что будет дальше, для меня было очевидно. Контрики свяжутся с Плеттом или Йонарской гильдией наёмников, и те пришлют удостоверяющие мою личность документы. А возможно, в армии Кайяса, которая с недавних пор стала именоваться Первой Юго-Восточной, найдётся кто-то знающий меня лично, и он сможет подтвердить, что я действительно Уркварт Ройхо. Например, это мог быть кто-то из сержантов военного лица «Крестич», решивший добровольцем отправиться на войну, или один из верных людей Жала Канимов, который наблюдал за мной в Йонаре. Поэтому мне оставалось только ждать дальнейшего развития событий, и, придя в просторный сухой амбар, где оставалось семь человек из отряда Калагана, я упал на душистое сено, закутался в плащ и спокойно заснул...

– Господин граф, проснитесь.

Меня осторожно тронули за плечо, и моя рука машинально схватилась за кинжал, а глаза, лишь только открылись, оценили обстановку. Всё нормально, а разбудивший меня молодой солдат из охраны фильтра, темноглазый и худой, немного испугавшись, отскочил в сторону.

- Чего тебе? – Я привстал и посмотрел на солдата.
- Вас на беседу приглашают, – ответил он.
- Иду.

В сопровождении бойца я направился в уже знакомую мне комнату для допросов. Здесь помимо дознавателя из Тайной стражи Канимов я увидел того, кого не ожидал, – моего друга Вирана Альеру, который появился, дабы подтвердить мою личность.

На этом моя партизанская эпопея была окончена. И вскоре вместе с Вираном я вышел за хлипкую и чисто символическую ограду фильтрационного лагеря. За воротами мы некоторое время постояли. Оглядев грязное, истоптанное копытами большое поле, за которым раскинулся один из армейских военных лагерей, и посмотрев вправо, на полупустой тракт Устио – Кемет, я спросил Альеру:

– Где наши лошади?

– А нет их. – Усмехнувшись, Виран развёл руками и посмотрел на свою порванную в нескольких местах, изрядно потрёпанную брезентовую горку. – У меня сейчас ни денег, ни лошади, ни сменной одежды. Только меч и кинжал, и больше ничего.

– И как так получилось?

– Мы, когда от храма уходили, несколько раз в бой вступали. Как от ассирийцев оторвались и к своим войскам пробились, до сих пор толком не понимаю. И когда до наших патрулей уже было рукой подать, меня очень серьёзно ранили: магическим зарядом половину спины вынесло и в ногу две стрелы засело. Плетт посчитал, что я уже не выживу, оставил меня в полевом госпитале, а сам в Устио направился.

– Сколько у него людей уцелело?

– Трое бойцов, Эхарт и маг.

– И как ты выжил?

– Повезло. Меня жрицы Бойры Целительницы по кусочкам собрали и выходили, и теперь я снова как новенький, хотя долго ходить не могу, ноги сильно устают и позвоночник ломит.

Сделав себе в голове зарубку, что надо будет верного друга незаметно, может быть во сне, подлечить «Полным восстановлением», я двинулся к армейскому лагерю, искоса посмотрел на пристроившегося рядом Альеру и задал очередной вопрос, который меня волновал:

– Как тут дела?

– Ты про армию?

– Да.

Виран шмыгнул носом:

– Плохо. Уходить отсюда надо.

– Объясни.

– Против асилков и ассиров стоят три наши армии. Слева – Вторая Восточная генерала Карса Ковеля, которая огибает Маир, отходит в графство Устио и цепляется за каждую крепость и горку. Справа – Третья Южная под командованием великого герцога Ульрика Варны держит асилков и, по слухам, крепко им даёт по зубам. Ну а мы с тобой находимся в Первой Юго-Восточной, командует которой Эйсо Кайяс, хороший правитель своего удела, но самодур и плохой стратег с каким-то дурацким рыцарским кодексом в голове. В его армии почти сто тысяч человек, и все они вдоль гор полукругом раскиданы по восьми лагерям. Лёгкая кавалерия, партизаны, егеря и остатки войск графа Кемета бьются с ассирами по всей линии обороны и каждый день несут потери, а десятки тысяч дармоедов, половину из которых нельзя назвать воинами, сидят в укреплениях, жрут и пьют, играют в карты и устраивают драки с поножовщиной. Дисциплина падает, с продовольствием туго, свободных лошадей почти нет, жрецов и целителей мало, запасы целебных эликсиров мизерны, а немногочисленные маги разных школ погрязли в интригах и склоках и строчат на имя командующего и своего архимага сотни доносов. Единого командования нет, никто и ни за что не отвечает, и в каждом армейском укреплении свои порядки. – Альера пнул ногой комок грязи под ногами и добавил: – Зато в лагерях море вина и наркотиков, а шлюх столько, что кажется, будто их не меньше, чем солдат.

– А что сам Кайяс, неужели ничего не видит?

– Солдаты говорят, что великий герцог ждёт большой битвы, где он задавит ассиров массой своих войск. Сейчас он дальше к востоку, в Тайресе, и чуть ли не каждый день высылает к королевским войскам своих герольдов с вызовом и указанием места грядущего сражения. Из всего этого складывается впечатление, что в детстве он начитался рыцарских романов и считает, что всё будет по старинке очень просто.

– Действительно, плохи дела, – буркнул я.

– Вот я и говорю, что надо возвращаться в Йонар. Со дня на день ассирсы перейдут в наступление, ударят по нашим флангам и, пробивая коридоры вдоль гор, отсекут нас от перевалов через Маир. Были бы деньги, я бы уже сегодня отсюда ушёл, но их нет, и остаётся только ждать помощи от Плетта.

– Деньги есть, – я кивнул назад, на свой рюкзак, – так что сейчас мои трофеи реализуем, купим лошадей – и в путь.

– Сегодня уже не получится, скоро ночь, и нас за ворота не выпустят, а

в поле конные дозоры, которые двух подозрительных всадников могут как вражеских шпионов подстрелить.

– Значит, утром двинемся.

Альера помолчал, посмотрел на меня и спросил:

– Ты не в обиде, что я тебя тогда у храма оставил?

– Нет, дружище. Я всё понимаю. Ты прискакал к святилищу, а тут нападение ассиров, и от тебя уже ничего не зависело.

– Именно. – Виран похлопал по моему рюкзаку: – А у тебя как всё сложилось?

– Нормально. – Я решил выдать другу официальную версию своей истории, которую излагал контрразведчикам и буду рассказывать Плетту и барону Каиру. – Старый жрец помер, а тут ассир. Немного повоевал, а после крестьянский парень меня в горы вывел. Попробовал самостоятельно выбраться, не получилось, и я прибил к партизанам. Две недели с ними по горам бродил, с горной пехотой встречался, с егерями, рейдерами и ещё не пойми с кем. В итоге я здесь, жив и здоров, а в рюкзаке есть немного трофеев.

– Ну да, – хохотнул друг, – ты без добычи не возвращаешься.

За разговором, смеясь и улыбаясь, мы вошли на окружённую деревянным палисадом территорию большого армейского лагеря, где находилось около одиннадцати тысяч воинов. Из всей этой массы только 5-й полк лёгкой кавалерии великого герцога Канима, 17-й имперский пехотный полк, 3-й дивизион БМ школы «Трансформ» и жреческий полевой госпиталь были организованы и готовы к войне. Все остальные подразделения являлись феодальным ополчением, добровольческими формированиями и отрядами наёмников, которые, конечно, в большинстве своём вояки неплохие, но все эти соединения необходимо держать жёсткой хваткой и постоянно готовить к грядущим боям, а иначе никаких побед Первая Юго-Восточная армия иметь не будет. Прогулявшись по лагерю, я пришёл к выводу, что Альера прав. Если ассир перейдут в решительное наступление, – из допроса взятых во время горного похода врагов я знал, что сил у королевских генералов на этом направлении много, – нам всем придётся туго. А раз мы не в состоянии ничего изменить, поскольку не являемся генералами или полковниками, то надо уходить отсюда, и чем скорее, тем лучше. Война пойдёт своим чередом, а у нас с Вираном несколько иные планы.

Вскоре мы оказались в месте, где расположились маркитанты, скупщики трофеев и походно-полевые бордели. Покружили там и посмеялись над незадачливым наёмником, который не смог расплатиться за

услуги проститутки и отдавал бордель-мамам в залог свой меч. В винной палатке выпили по кружечке неплохого портвейна и закусили жареной кониной. А после всего этого, из разговоров вокруг уже зная, к кому обратиться, мы вошли в просторный полосатый шатёр, где чернявый, похожий на цыгана кучерявый мужик в ярко-красном халате, судя по всему этнический арзумец, занимался скупкой военной добычи.

Излишних разговоров не было. Я выложил перед торговцем трофейные камни, украшения и неиспользованные свитки Исцеления из храма Бойры. Он предложил за всё сто семьдесят иллиров, но я немного поторговался и довёл сумму до двух сотен. Все остались довольны, и ещё через полчаса, заплатив за пару добрых лошадей десять монет и обзаведясь небольшим запасом продовольствия, неплохими кожаными доспехами и щитами, мы были готовы выступить к горным перевалам. Но ворота лагеря уже были закрыты, и на них стояли имперские пехотинцы, с которыми договориться было нельзя. Пришлось нам ещё одну ночь провести в армии.

Мы прибились к одному из легкоконных наёмных йонарских отрядов, который назывался «Лихая сотня», где нас приняли как своих братьев по ремеслу и земляков. Вечер прошёл неплохо, мы разделили с воинами хлеб и вино, много разговаривали, вспоминали Йонар и переночевали подле их костров. А с утра, лишь только открылись ворота, оседлав лошадей, мы выехали из укрепления и в поле перед нами увидели боестолкновение конных отрядов. С одной стороны были кавалеристы Канимов, около двух сотен воинов, а с другой – порядка трёхсот ассиров. Сотни маневрировали, сталкивались, обменивались арбалетными болтами и стрелами, топтали конями упавших в грязь раненых, взбадривали себя воинственными кличами, рубились и ждали подкреплений, которые выходили на поле боя. Из нашего лагеря выметнулась кавалерия Канимов, пара сотен наёмников и около полусотни дворян, а с вражеской стороны, огибая изгородь фильтрационного лагеря, в котором находились очередные беженцы и некоторое количество солдат, появилось не менее четырёх полков лёгкой кавалерии.

Глядя на всё происходящее перед нами, Альера сказал:

– Кажется, мы опоздали. Ассиры пошли на прорыв.

– Наверное, ты прав, – согласился я. – Путь перекрыт. Возвращаемся.

Нам пришлось вернуться в лагерь. Оставив наших верховых в конюшне, отправились на палисад, откуда стали наблюдать за боем, одновременно прислушиваясь к разговорам вокруг нас. Самый интересный и содержательный вели между собой командир наёмников капитан Раин, приземистый крепыш в простой кольчуге, и седоусый лейтенант имперских

пехотинцев по фамилии Айк, который от разведчиков, проскочивших в лагерь, кое-что знал о том, что происходит вокруг и откуда взялись ассирь.

Ветераны говорили медленно и степенно. Они скрывали своё волнение и старались выглядеть спокойными и уверенными в себе. Но мне было заметно, как капитан прикусывал губу, а рука пехотинца, которая крепко сжимала рукоять корта, была бледнее, чем обычно. Офицеры волновались, и было отчего. Ассиры ударили по армии Кайяса всеми своими силами, которых у них было не меньше, чем под рукой великого герцога. Но в отличие от наших войск вражеские полки не были рассеяны, действовали слаженно и имели немалый боевой опыт. Результат их наступления был очевиден. Два конных клина с левого и правого флангов, в каждом из которых было около двадцати тысяч всадников и большое количество магов, вчера ударили вдоль Маирского хребта в направлении на тракт Устио – Кемет. За одну только ночь они прорвали оборону остверов, разгромили несколько конных полков, прошли порядка сорока километров и теперь оказались здесь.

Что делать? Вопрос, как говорится, на засыпку. Почти вся кавалерия в поле, а в лагере наготове только имперская пехота. Единого командования нет, каждое подразделение само за себя. И куда ни кинь, всюду клин. Но ясно одно, что если нас отсекут от тракта, то вся армия попадёт в окружение, не сможет собраться в кулак и прорваться к перевалам и укрепрайонам на них, где расквартированы дружины графа Устио.

Словно вторя моим размышлениям, Раин спросил лейтенанта:

– Ну и как ваш полковник поступит?

– А я знаю? – усмехнулся пехотинец. – Его только две недели назад из столицы прислали. По виду нормальный мужик, хоть и франт, а как себя в бою поведёт, могу только гадать. Много будет зависеть от решения командующего армией. Если он сообразит, что необходимо всё бросать и идти на прорыв, то хотя бы часть полков спасётся, а если будет корчить из себя великого полководца и рыцаря, то к вечеру колечко вокруг нас замкнётся намертво.

Со словами лейтенанта нельзя было не согласиться, тем более что вражеских кавалеристов в поле становилось всё больше, а наша конница, которую оттеснили от лагеря, отступала. И после её ухода в не очень надёжном укреплении оставались только имперцы, маги со своими монстрами, госпиталь, проститутки с маркитантами и куча полупьяного сброда, который продолжал бухать и, потрясая мечами, выкрикивал угрозы в сторону противника. Мы встряли в неприятности, сомнений в этом не было, и первоочередной задачей стало дожить до вечера.

Наши кавалеристы и их преследователи скрылись за горизонтом. Ассиры с одного удара захватили оставшийся без прикрытия фильтрационный лагерь и сотнями закружили вокруг нашего палисада. Время от времени они метали стрелы и постоянно выкрикивали оскорбления. Пехотинцы не отвечали и, по возможности, отстреливали врагов из немногочисленных станковых арбалетов. Оставшиеся же в укреплении мелкопоместные дворяне что-то раздухарились. Однако на моё предложение паре крикунов, по виду баронам с «домашними» титулами, выехать за ворота и повоевать они моментально заткнулись. Лагерь затих. В поле – враги, мы – за палисадом. Но часам к двум дня к ассирам подошли три полка драгун.

Без промедления, торопясь задавить наше сопротивление до наступления темноты, драгуны выгнали из фильтрационного лагеря около семисот пленников, в основном мирных крестьян, и погнали их на палисад. Следом за пленными наступали драгуны. Всё это движение прикрывали спешенные боевые маги, которых оказалось больше двадцати, и конные стрелки.

Всё поле перед нами покрылось живым человеческим ковром, а так как рва перед нашим укреплением не было, а палисад был по высоте от двух с половиной до трёх метров, у врага были все шансы нас одолеть. И если смотреть правде в глаза, то если бы на стене стояла не имперская линейная пехота, а кто-то другой, нас бы задавили с ходу. А так первый, самый серьёзный натиск мы отбили. Хотя тяжело пришлось, потому что мирные граждане, женщины с детьми и старики прикрывали драгун от нашего обстрела, а мы, лишь только чья-то голова показывалась над палисадом, тут же оказывались под ливнем стрел.

В общем, если выражаться мягко и без мата, всё было достаточно плохо. Мы с Альерой долго не могли решиться стрелять, и только окрик имперского лейтенанта Айка заставил нас действовать.

– Стреляйте же! – выкрикнул он. – Бейте в толпу! Без разницы! А иначе пропадём!

Мы приподнялись и, всё же стараясь не попасть в пленников, разрядили арбалеты в людскую массу под нами. Попали или нет, смотреть было некогда. Снова спрятались в укрытие, перезарядили оружие и опять выстрелили. А затем настал черед рукопашной. По доскам и верёвкам с металлическими кошками на конце или просто подсаживая друг друга, драгуны полезли на палисад, дротики имперских пехотинцев не смогли остановить всех, и сталь наших ирутов обагрилась кровью врагов. На укреплении закипела яростная, кровавая схватка. Врагов было слишком

много. И – чёрт побери! – некоторые бойцы начали отступать. А куда отступать в лагере, который со всех сторон окружён превосходящими силами противника? Некуда. Мы с Альерой понимали это очень хорошо и, встав на земле за палисадом спина к спине ещё с парой пехотинцев, просто стояли насмерть и держали проход между двумя деревянными казарменными бараками. Была надежда, что битва выделит из вышестоящих офицеров лидера, и он сделает хотя бы что-то для спасения наших жизней. И слава всем добрым богам, кто отвечал за здравый рассудок, такой человек нашёлся.

Командир 17-го линейного пехотного полка полковник Мурманс, тот самый столичный хлыщ, про которого говорил лейтенант Айк, всё же разобрался в обстановке. С помощью резерва он смог собрать всех дружинников, добровольцев и магов, которые не участвовали в сражении, и кинул их на ликвидацию прорывов. Драгун выбили из лагеря, и имперские пехотинцы вновь вернулись на палисад, который местами был обрушен. Долгожданный вечер и темнота были всё ближе, мы надеялись на прорыв и, пока имелось время, проверили своих лошадок, которые под охраной наёмников из «Лихой сотни» находились в конюшне ушедшего полка лёгкой кавалерии вблизи ворот. Ещё пара часов, и мы начнём прорубаться к горам.

Однако противник выдвинул вперёд своих магов, которые с помощью боевых талисманов начали бомбардировку наших укреплений ледяными иглами, и, хотя зарядов было выпущено относительно немного, около сотни, вся западная сторона оборонительного палисада рухнула, а среди пехотинцев было много убитых. Имперские маги пытались отразить удары противника. Но, как правило, против организованной группы одиночки бессильны и почти всегда проигрывают. Так же было и в нашем случае. Ассирские чародеи убили своим льдом, который не только крупными снарядами, но и шрапнелью проносился над лагерем, троих наших магов, и эти, ещё вчера сильные и могучие представители своих школ, отступили.

После этого оборона рухнула. Драгуны, уже без пленных, которые все погибли под стенами, снова выдвинулись на исходные позиции. Маги и конные стрелки были готовы оказать им возможную поддержку. И когда вся эта масса воинов рванулась на нас, я подумал о том, что нам приходит конец, сдержать противника было особо нечем, и он должен был нас просто растоптать. Но у полковника Мурманса имелся ещё один, наверное, самый последний резерв – 3-й дивизион БМ магической школы «Трансформ», двенадцать выживших после всех боёв и стычек на передовой линии мутантов. И командир имперцев кинул этих монстров навстречу врагу.

Облачённые в устрашающие бронзовые доспехи и продолговатые каски с прорезями для глаз грозные мутанты вышли через заваленные ворота метров за сто левее нас с Альерой, быстро растеклись в линию и бегом, на большой скорости помчались навстречу драгунам. Миг! И двенадцать смерчей врезались в наступающие на лагерь вражеские колонны. Боевые монстры, словно какие-нибудь роботы, каждое движение которых было чьей-то смертью, взмахами своих когтей распарывали доспехи ассиров с такой лёгкостью, как если бы они были сделаны не из металла, а из картона или тряпок. Они рвали тела, и оторванные руки и ноги подлетали в воздух на три-четыре метра. И всё происходящее на щедро политом сегодня кровью людей поле было страшным и непривычным для меня зрелищем.

Сквозь массу драгун к полкам вражеской кавалерии пробились только восемь боевых особей. Перепуганные кони вставали на дыбы и сбрасывали седоков наземь. Лучники стреляли и пытались уйти от удара монстров, но скученность не давала им свободы манёвра. И только маги, казалось, были невозмутимы. Они оставались на месте и, разя всех подряд, и своих, и чужих, по одному накрывали монстров льдом и огнём. Так что к ним смогли прорваться уже только два мутанта, которые дорвались до их тел, и половина из двух десятков ассирских чародеев были порваны в клочья. Но остальные не отступили и смогли уничтожить последних монстров 3-го дивизиона БМ. Насколько я мог понять, разглядывая всё происходящее с остатков палисада, ассирами было применено что-то вроде воздушных таранов, которые оглушали монстров и затем отбрасывали их на несколько метров в сторону. А добивали мутантов падающими сверху на закованные в доспехи тела световыми решётками, которые рассекали монстров на квадратики. Ни дать ни взять лазер, действующий на дистанции в пять – семь метров, вряд ли больше.

После гибели боевых монстров дневной бой прекратился. Колонны наступающих драгун были расстроены и, понеся серьёзные потери, на время отступили. Помощь к нам так и не подошла, а враг с каждым часом только усиливался. Конные массы катились мимо нас в сторону Тайреса и перевалов, и остаться на месте значило только растянуть время своей жизни до утра, а потом нас всё равно вгонят в землю. Ни меня, ни Альеру такой вариант не устраивал, и мы решили, что всё же попытаемся прорваться к горам, хоть с армией, хоть без неё. Однако полковник Мурманс тоже всё понимал. И примерно в десятом часу вечера, оставив на месте маркитантов, шлюх и часть сбродных ватажников, которые уже завтра будут убиты или станут обслуживать ассиров, мы пошли на

прорыв...

Скир Пран, боевой монстр 3-го дивизиона БМ, открыл глаза, и его чуткий нос втянул в себя воздух. Пахло сырой землёй, кровью, дерьмом и гнилью. Это истинные запахи поля боя, и главным для мутанта в этот момент было то, что на расстоянии трёхсот метров вокруг не было ни одного живого человека.

«Это хорошо», – отметил Пран и потянулся всем своим сильным, мощным телом. Особо размяться было нельзя, монстр лежал под грудой трупов, но и так смог понять, что у него перебита правая нога и повреждена левая рука, которая висит плетью. И если бы Пран был человеком, то наверняка бы выл от боли и пытался выбраться из-под завала. Но маги школы «Трасформ» хорошо поработали над ним – всё его тело было пропитано энергиями дольного мира, а значит, он был крепче любого обычного двуногого воина. Не обращая внимания на поломанные конечности, Скир вспомнил прошедший день и задумался, что ему делать дальше.

Дивизион пошёл в бой. Всё как всегда. И бывший командир дружины герцога Грига твёрдо решил, что сегодня он сбежит на волю и станет искать молодого графа Ройхо, того, кто повинен во всех его бедах. И в этот момент, проходя через ворота армейского лагеря, он почувствовал запах своего врага и поначалу обрадовался. Ему не надо было его искать, он здесь, где-то совсем рядом, и Пран было хотел кинуться в сторону ненавистного Ройхо, пробить своим телом толпу имперских солдат и вцепиться в горло Уркварта. Однако маг с управляющим кристаллом был настороже, и боевой монстр не смог послушаться прямого приказа и пошёл в атаку.

Бой был на смерть, и боевые единицы 3-го дивизиона БМ погибали одна за другой. Такая же участь ждала Скира. Но его разум вновь был свободен, и он не хотел умирать, не исполнив того, что был должен. Получив пару серьёзных ранений, мутант смог спрятаться под трупами ассирийских драгун и лёгких кавалеристов. Прошёл час, всё вокруг затихло, и теперь ему предстояло определиться со своими следующими действиями.

«Был бы я здоров, – думал человек в теле монстра, – то немедленно вернулся бы в лагерь имперцев и убил врага. Но я ранен, сил осталось на один рывок, и, видимо, придётся ждать того момента, когда организм сам восстановится, а на это уйдёт семь-восемь часов. Решено. Надо лежать и быть терпеливым, иначе цель не будет достигнута».

Монстр вновь замер без движения. Томительные минуты ожидания

текли очень медленно. Прошёл час, за ним другой, и из армейского имперского лагеря начали выходить отряды воинов и кавалеристы, которые мимо него, через усеянное трупами поле боя двинулись в сторону Маирских гор. Воины шли сотнями и тысячами, нос Прана улавливал их запахи. И среди множества других он вычленил запах Ройхо.

«Стой! Жди! Не время!» – выкрикнул мозг. Но волна ненависти и ярости, которую нельзя было объяснить, вырвалась из его истерзанной муками и страданиями души, подняла тело боевого монстра из груды трупов и кинула Прана на имперских солдат и всадников, среди которых был враг...

На прорыв пошли все, кто был готов драться. Около девяти сот имперских пехотинцев, пара тысяч пеших наёмников, четыреста всадников из разных подразделений, порядка трёхсот слуг и конечно же жрецы и маги. Впереди двигались имперцы, которые выстроились «клубками», квадратами, которые со всех сторон были прикрыты щитами и копьями. Следом – защищающие магов и жрецов наёмники, а позади и по флангам – конница.

Мы с Альерой уходили вместе с «Лихой сотней», и наша задача была проста: держаться самой большой группы воинов, отбиваться от вражеских конников и, как основного ориентира держась тракта, постараться к рассвету добраться до первого укрепрайона на перевале.

– Ярин! – выкрикнул полковник Мурманс, немного полноватый мужчина в новеньком стальном панцире и гребенчатом шлеме на голове, который вскинул в сторону тёмных небес, мрак которых рассеивался светом яркой луны, свой ирут. – Благослови!

– Благослови! – глухо поддержали оказавшегося нормальным мужиком, не глупцом и не трусом столичного офицера его солдаты.

Голоса стихли, слышится чёткая команда полковника, который встал в передовой «клубок»:

– Вперёд!

Солдаты покинули лагерь и двинулись на запад. Первые три сотни метров они преодолели спокойно, разумеется, если не считать серьёзным препятствием тот факт, что идти пришлось по трупам. И вот находящиеся в фильтрационном лагере ассирские драгуны и конники забили тревогу. Поднялся шум, впереди замелькали зажжённые факелы, и мы приготовились к бою. Однако лишь только мой арбалет оказался в руках, как справа от нас одна из больших куч с трупами разлетелась, словно в неё попал миномётный снаряд, и из-под этого завала появился один из боевых монстров школы «Трансформ», которые дрались с ассирами несколько

часов назад. Чудовище молча кинулось на нас. Испуганные лошади понесли меня и Альеру куда-то влево, через тракт. Мутант не отставал, он ловко прыгал на одной ноге, не сворачивая, пробивая дорогу через людей и отталкивая в сторону лошадей, сминая строй пехоты и двигаясь точно на нас. Наши верховые животные никак не могли от него оторваться, да и трудно это сделать на поле боя.

Монстр был к нам всё ближе. Мы разрядили в него арбалеты, но толку от этого было немного, а тут ещё лошадь Вирана напоролась на что-то грудью и свалилась замертво. Альера упал с ней рядом. Бросить друга было нельзя, и я сделал то, что посчитал нужным.

Сознание потянулось за «Плющом», и рука кинула его в направлении мутанта. Однако энергетические плети лишь немного притормозили сошедшего с ума боевого монстра, но убить не смогли, видимо, из-за того, что он после трансформации наполовину принадлежал дольнему миру. Оставалась только «Чёрная петля», и я был готов её применить. Но в дело вступил Альера, который с ирутом в руке бросился навстречу монстру, а тот его просто сбил наземь и, ногой притоптав тело Вирана, пошёл на меня.

– А-а-а! Падла! – услышав хруст костей моего друга, по-русски выкрикнул я и метнул в противника «Чёрную петлю».

Энергетическая верёвка обвилась вокруг торса обезьяноподобного уродца, и я потянул её на себя. Соппротивление трансформированного тела было сильным, верёвка дёргалась в моих руках, словно я тянул дикого быка, но злоба на тварь не давала мне отступить, и, наконец, раздался хлопок, и на усыпанную металлом и мусором землю упали тяжёлые бронзовые доспехи и каска.

На миг я обессилел и впал в ступор. Но лошадь подо мной дёрнулась, мои подрагивающие от напряжения руки её успокоили, и я вернулся в реальность. После чего подъехал к Альере и увидел, что друг ещё жив, хотя у него была разбита грудная клетка, а его губы выплевывали хлопья кровавой пены, и смертный час молодого дворянина был близок.

– Сейчас, сейчас, дружище. Потерпи немного.

Я торопливо спустился на землю и, не задумываясь, словно порошком, осыпал тело Вирана зеленью «Полного восстановления». Вовремя. Ещё десять – двадцать секунд, и ему уже ничто бы не помогло. А так всё было сделано своевременно и как нельзя кстати. Раны на глазах затягивались, кости вправлялись, и вскоре, погрузив находящегося в бессознательном состоянии Альеру на свою лошадь и привязав его руки к высокой луке седла, а ноги закрепив в стремях, я вернулся на тракт. Здесь влился в последний конный отряд наёмников. Держа свою лошадь под уздцы, бегом

я устремился туда, где имперская пехота уже пробила себе и следующим за ней войскам дорогу к горам.

Левая ладонь на ируте, правая держит лошадь, а в голове мысли о том, что необходимо вырваться из этого дикого и неконтролируемого хаоса под названием война. Задача хоть и не простая, но предельно ясная, а значит, граф Уркварт Ройхо будет бежать столько, сколько понадобится, и примет бой с любым противником на своём пути. Иначе никак. Хочешь жить, суетись. А если имеешь желание жить хорошо и долго, делай то, что кажется невозможным и нереальным, преодолевая себя и выкладываясь полностью.

Вперёд! Бегом марш! До спасительного укрепрайона на перевале всего ничего, каких-то тридцать километров. Для выпускника военного лица «Крестич» это нормально. А когда хочется жить и есть ради чего, то все препятствия преодолеваются гораздо легче, чем обычно. На будущее много планов, и хочется достичь каких-то высот, так что умирать на окраине огромной империи ни я, ни мой друг Альера просто не имеем права. Бег без остановки к жизни и свободе, к горам, где можно найти защиту от врагов, с которыми мы ещё посчитаемся и которым припомним сожжённые деревни и города, распятых людей и ограбленные храмы. Однако это будет потом, а пока приходится бежать.